

Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого

Николай Иванович Кедров

Введение

Введение

В нашей церковно-исторической литературе последний, так называемый синодальный или петербургский церковный период совсем не имеет своей истории в научном смысле этого слова. Не говоря уже о том, что темная, непроницаемая завеса почти совершенно покрывает собой ближайшую к нам по времени послепетровскую историю нашей церкви, сама церковная реформа Петра Великого, несмотря на все важное значение, которое имеет она в последующих исторических судьбах отечественной церкви, доселе представляется, если и не совсем уже неразгаданным сфинксом, то во всяком случае далеко не вполне уясненным предметом. Тогда как светская, государственная деятельность великого преобразователя имеет за собою обширную историческую литературу, слагавшуюся в продолжение почти целых двух веков, тогда как относительно исторической оценки гражданских реформ Петра успели создаться определенные, хотя правда далеко не всегда и во всем согласные между собою, положительные научно-исторические воззрения, – церковные реформы Петра далеко не пользовались и не пользуются таким вниманием историков. Гражданские исследователи-историки, имевшие в виду специальную цель – изучение государственной, гражданской жизни преобразовательной эпохи, большей частью лишь косвенным образом касались вопроса о церковно-преобразовательной деятельности Петра и изучали этот вопрос постольку и с тех сторон, с каких и поскольку представлялось им необходимым это изучение для выяснения ближайших специальных задач, которые они себе ставили. Красноречивое подтверждение этому мы находим в том, что даже такие

корифеи русской исторической науки, как историки С.М. Соловьев и Устрялов, посвящавшие целые тома своих исследований специальному изучению так называемого преобразовательного периода Русской истории, отводили в этих томах лишь отдельные страницы вопросу о состоянии церковной жизни в указанный период времени. Но мы с глубокой благодарностью должны отнестись и к тому немногому, что находим в трудах поименованных историков по вопросу о церковно-преобразовательной деятельности Петра, потому что собственно в церковных историях известных наших церковных историков-специалистов мы находим едва ли не меньше, чем сколько в трудах светских историков. Внимание весьма немногочисленных наших церковных историков доселе сосредоточивается лишь на отдельных частных вопросах церковно-преобразовательной деятельности Петра. Благодаря трудам таких исследователей вопрос о церковно-преобразовательной деятельности Петра исчерпывается по частям все более и более глубже и всестороннее. Настоящее исследование имеет в виду рассмотрение не какого-либо частного, специального вопроса из области церковно-преобразовательной деятельности Петра Великого, а очерк и уяснение смысла этой деятельности во всей ее совокупности и притом в связи с гражданскими реформами Петра.

Известно, что свое окончательное завершение и полное выражение церковная реформа Петра Великого получила в так называемом синодальном устройстве высшего центрального церковного управления, существующем с тех пор неизменно в своей сущности до настоящего времени, и связанных с этим устройством перемен в других сферах церковной жизни. Всестороннее, официальное определение нового, данного великим преобразователем церковного устройства, изложено в так называемом Духовном Регламенте. Духовный регламент есть прежде всего официальный акт, определяющий устройство и положение церкви в государстве в момент произведенной преобразователем в ее среде реформы. В этом своем качестве Духовный регламент, несмотря на то, что изображенные в нем идеалы церковного устройства никогда не были во всей своей

точности фактически осуществлены в последующей церковной жизни, представляется весьма важным и так сказать коренным даже историческим памятником при изучении различных сторон петровской церковной реформы. Прежде всего, как официальный акт, содержащий в себе определение планов преобразователя относительно всестороннего переустройства церковной жизни, Духовный регламент весьма важен при историческом изучении церковной реформы Петра уже в том отношении, что он объединяет, полнее выражает и завершает собою почти все отдельные отрывочные законодательные постановления Петра относительно церкви. Эти последние сведены здесь, так сказать, в одну общую сумму, а потому, при свете Регламента, несравненно легче уловить те основные идеи, которые проходят по всем предшествовавшим ему законодательным постановлениям Петра относительно церкви. Но самые важные и существенные стороны Духовного регламента при историческом изучении церковных реформ Петра открываются из того значения, какое представляет собой регламент как учредительный акт новой формы церковного правления и как полный организационный акт духовного сословия. С этих сторон Духовный регламент представляет особенную важность в том отношении, что, намечая основные начала административного и социального строя, которые желал ввести в сферу церковной жизни преобразователь, он дает прямой ответ на вопрос, насколько отразилось на этих новых началах церковной жизни влияние начал тогдашнего государственного, гражданского быта и в какой мере сохранены были при этом начала старорусской церковной жизни.

Ближайшая задача, разрешение которой имеет в виду настоящее исследование, и состоит именно в том, чтобы рассмотреть начертанный в Духовном регламенте план устройства русской церкви в связи с устройством государства, созданным реформами Петра; показать какие начала и формы регламент вносил в церковное устройство под влиянием создававшегося тогда государственного порядка и в чем он отступал от начал и форм последнего, сохранял ли самобытность строя и жизни церкви. Но при этом мы не входим

в подробный анализ содержания Духовного регламента, не рассматриваем его специально как историко-юридический акт; мы пользуемся только готовым материалом, заключающимся в регламенте, и при помощи его в связи с другими актами, дополняющими и объясняющими этот материал, пытаемся поставить церковные преобразования Петра в связь с гражданскими его реформами. А так как материал, заключающийся в Духовном регламенте, положен в основу нашего исследования, так как, с другой стороны, материал этот, как мы заметили, объединяет в себе почти все связанные с учреждением Синода законодательные распоряжения Петра относительно церкви, то поэтому мы озаглавили свое исследование таким именем: «Духовный регламент в связи с преобразовательной деятельностью Петра Великого».

Глава I. Очерк преобразовательной деятельности Петра в области церковной в связи с государственными его реформами до времени учреждения Синода

Реформа, произведенная Петром Великим в жизни отечественной церкви, выражением которой служит Духовный регламент, появилась не вдруг во всей своей широте и подробностях, а была подготовлена постепенно многими раннейшими отрывочными и частными законодательными постановлениями Петра относительно церкви. Почти с самых первых лет и до конца царствования Петра параллельно с различными переменами, производимыми преобразователем в строе гражданского государственного быта, такими же частными и иногда так же как и там не совсем согласными одна с другою мерами вырабатывается под влиянием преобразовательной деятельности Петра и новый строй быта церковного. Здесь в сфере преобразований церковных, великий преобразователь действует на первых порах, по-видимому, так же как и в сфере преобразований гражданских, без всякой определенной, заранее начертанной программы, без всякого предвзятого плана. Уже самого поверхностного взгляда на массу издававшихся почти во все продолжение царствования Петра отрывочных его распоряжений относительно церкви достаточно для того, чтобы заметить, что эти распоряжения представляют из себя такой хаос, в котором, по-видимому, совершенно не было какой-либо одной руководящей нити и цели. Только лишь сводя все отдельные законодательные распоряжения Петра относительно церкви и рассматривая их при свете такого исторического памятника, как Духовный регламент (произведения, вышедшего хотя и по инициативе Петра, но не ему лично принадлежащего), который служит как бы завершением и наиболее точным выражением всех их, можно кажется дать более или менее точный ответ на вопрос: какими

общими руководящими нитями связаны между собою отрывочные законодательные распоряжения Петра относительно церкви или, говоря другими словами, можно ответить на вопрос: что хотел сделать преобразователь с русской церковью? Имея в виду общий характер преобразовательной деятельности Петра, нельзя, кажется, и требовать от его распоряжений последовательного и стройного развития. Реформы Петра вызывались большей частью под влиянием минуты, притом в них заметно отразился личный практический взгляд преобразователя. Вот почему и для того, чтобы уяснить себе смысл произведенных Петром церковных реформ, достаточно помнить, что свой практический или выражаясь точнее технический взгляд на вещи, который так резко обнаруживается в гражданской государственной преобразовательной деятельности Петра, он всецело переносит и в сферу церковной жизни и начинает производить здесь всестороннее переустройство, повсюду руководясь этим взглядом. «Со своей практической точки зрения, говорит Самарин, не совсем точно характеризуя отношения Петра к церкви, Петр поступал в своих церковных преобразованиях так, как будто вовсе не было церкви, отрицал ее неумышленно, а скорее по неведению»¹. Со своей практической технической точки зрения, добавим мы от себя, Петр поступал в своих церковных преобразованиях вовсе не отрицая церкви ни умышленно, ни неумышленно, а лишь прилагая к строю церковной жизни то же самое воззрение, которое весьма рельефно выступает при рассмотрении его всесторонних гражданских реформ. Если нужно точнее охарактеризовать отношение Петра к церкви, то мы сказали бы, что Петр, не изменяя основе старорусской церковной жизни, стремился только развивать эти основы, прилагая к этому развитию свои обычные технические приемы. При этом справедливость требует заметить одно только относительно внешней стороны церковных преобразований Петра, именно то, что в деле преобразования церкви Петр действует с большою осторожностью, чем как поступает он в своих гражданских реформах. И это вполне естественно и понятно по свойству

самых предметов, с которыми в данном случае приходилось иметь дело преобразователю. Вводя различные переустройства в строе церковной жизни и при этом часто не задумываясь относительно пригодности или непригодности тех или других средств к достижению предпринятых целей, преобразователь на каждом шагу имел бесчисленное множество случаев убеждаться в том, что здесь ему приходится иметь дело с предметами совершенно иного круга, чем те, с какими встречался он в своих работах по военному или адмиралтейскому ведомствам и что оппозиция против его действий в сфере церковной и со стороны духовенства и со стороны народа может быть и гораздо более сильной и гораздо более опасной.

По весьма счастливой для преобразователя случайности обстоятельства церковной жизни тогдашней России сложились весьма благоприятным образом к тому, чтобы в первые же годы царствования Петра дать более или менее безопасный простор преобразовательной его деятельности в сфере церковной. Во главе высшего церковного управления в последнее десятилетие XVII столетия стоял болезненный и бесхарактерный патриарх Адриан, который вовсе не обладал энергией и мужеством в такой мере, чтобы он был в состоянии открыто выступить против преобразовательных мероприятий правительства. Две-три неудачные и имевшие очень печальный исход попытки со стороны Адриана в этом отношении в роде всем известного «послания патриарха против брадобрития», «еретического безобразия, уподобляющего человека котам и псам»,² небольшого замедления в пострижении не нравившейся царю царицы Евдокии Лопухиной и намерения патриарха печаловаться пред царем за обреченных на казнь стрельцов, заставили патриарха навсегда закрыть уста и стать безучастным и молчаливым зрителем того, что совершалось вокруг него. Говорить, что по случаю замедления в пострижении царицы Евдокии, Петр так опалился на Адриана, что тот испугался и поспешил отвести от себя беду, сославшись на архимандрита и четырех священников; их немедленно отвезли в Преображенское. А когда патриарх, помня старинный обычай

печалования пред стрелецкими казнями, явился к Петру с образом Богоматери ходатайствовать за стрельцов, Петр встретил его словами: «зачем эта икона? Разве твое дело приходить сюда? Поставь образ на свое место. Быть может я побольше тебя почитаю Бога и Его Пречистую Матерь. Я исполняю свой долг, когда защищаю народ и казню злодеев, против него злоумышлявших»³. Последние годы своей жизни патриарх Адриан даже и проживал большей частью в любимом своем подмосковном Николоперервинском монастыре, в стороне от шумного круговорота происходивших тогда в столице событий, за что и должен был переносить укоризны со стороны народной массы. Недовольный спокойным молчанием патриарха, народ говорил про Адриана: «какой он патриарх? живет из куска; спать бы ему да есть; бережет мантии да клобука белого, затем и не обличает»⁴. Но патриарх Адриан, по кратковременности своего правления московской патриаршей кафедрой, был свидетелем только лишь начальных и незначительных нововведений Петра в сфере церковной.

В конце сентября 1700 года Адриан пожелал лично освятить новопостроенную церковь в своем излюбленном Перервинском монастыре. В осеннюю сентябрьскую стужу патриарха с трудом перевезли из Москвы на Перерву; а на возвратном пути в Донской монастырь он уже так занемог, что все думали – умрет он дорогой. Едва-едва довели больного патриарха до его загородного двора в селе Голенищеве, в трех верстах от Москвы. Здесь 13 октября 700 года патриарх был поражен смертельным параличным ударом. Он лежал «трое суток без памяти и без языка, мало взглядывая левым глазом и шевеля левой рукой»⁵, а на 16 октября 1700 года патриарха не стало и таким образом деятельности энергического преобразователя само собою открывался полный и беспрепятственный простор с той именно стороны, от которой могла исходить наиболее опасная помеха.

Во время смерти патриарха Адриана царь был в отлучке из столицы: он находился в это время с войсками под Нарвой и о кончине первосвятителя церкви получил два почти одновременных донесения из столицы, заключавшие вместе с

тем в себе и запрос о планах Петра относительно устройства высшего церковного управления. «Кому соборную церковь ведать изволишь?», – спрашивал государя боярин Тихон Стрешнев донесением от 18 октября 700 года, – «А на Москве архиереи смоленский, крутицкий, вятский. Прежде изволение твое было ведать холмогорскому владыке (это был преосвященный Афанасий), только по него не послано, – изволишь ли послать»⁶? Донося царю в таких словах о кончине патриарха, боярин Стрешнев очевидно предполагал, что вдовствующий теперь патриарший престол заместится обычным, давно установившимся в русской церкви порядком избрания патриарха собором епископов и утверждением его в сане царской властью. В своем донесении Стрешнев, как видим, указывает даже и на кандидата, которому и по мысли самого Петра, выраженной им когда-то еще при жизни патриарха Адриана, считалось возможным вручить на первых порах временное управление патриаршей кафедрой с тем, чтобы потом поставить этого временного кандидата во главе управления церковного с титулом патриарха, как это обыкновенно всегда бывало в предшествовавшей практике церковной жизни. Совершенно иначе смотрел на дело Алексей Курбатов, известный петровский «прибыльщик», изобретатель гербовой бумаги в России, «оберегатель» государевой казны, повсюдный зоркий „надсмотрщик как бы и из чего бы учинить прибыль казне государевой». Вникая со своей практической точки зрения в положение церковных дел по смерти патриарха Адриана, прибыльщик Курбатов, кажется, более всего останавливался на мысли о необходимости произвести некоторые поправки в сильно расстроенном при жизни болезненного патриарха Адриана патриаршем и вообще церковном управлении. Мысль об этом так сильно занимала Курбатова, что вопрос о назначении преемника умершему патриарху отступал перед ней на задний план в его сознании. Прибыльщик писал Петру под Нарву: «покойному патриарху в болезни трудно было за всем смотреть: от того большие беспорядки в духовном управлении. Избрание архимандритов и других священного чина людей предоставлено было

архидиакону, о котором тебе известно, каков человек: собой править не может, где же ему избирать? Назначением патриарха думаю повременить. Определение в священный чин можно поручить хорошему архиерею с пятью учеными монахами. Для надзора же над всем и для собирания домово́й казны надобно непременно назначить человека надежного: там большие беспорядки. Также зело нужно распорядиться о монастырях и архиерейских имениях; надобно учредить особый расправный приказ для сбора и хранения казны, которая теперь погибает по прихотям владетелей. Школа бывшая под управлением монаха Палладия в расстройстве. Живущие в ней до 150 человек зело скорбят, всего лишены и учиться им невозможно: потолки и печи обвалились. Из архиереев для временного управления дел духовных мнится добр быти холмогорский; из мирских в начальство для усмотрения и собирания казны зело добр боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, или стольник Дмитрий Петрович Протасьев»⁷.

Это замечательное письмо прибыльщика указывает почти на все главные предметы духовного ведомства, стоявшие в то время на очереди и требовавшие надлежащего распорядка. В то же время оно дает возможность понять и то впечатление, которое должно было произвести на преобразователя изложенное здесь подробное, живое и правдивое извещение о положении дел церковных по смерти патриарха. Вне церкви, в сфере государственного управления подобная беспорядочность уже давно обратила на себя внимание преобразователя и здесь началось уже великое дело преобразования. «С самого вступления нашего на престол, писал Петр позднее в своем манифесте от 16 апреля 700 года, все старания и намерения наши клонились к тому, как бы сим государством управлять образом, чтобы все наши подданные попечением о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние. Для сей цели, мы побуждены были в самом правлении учинить некоторые нужные и к благу земли нашей служащие перемены»⁸. Правда, эти «нужные и служащие к благу земли перемены, в сфере государственного управления еще не носили на себе в эту раннюю пору преобразовательной

деятельности Петра какого-нибудь определенно сложившегося характера, тем не менее они служат живым выражением правительственных стремлений произвести коренную реформу в строе административном. Общий характер этих перемен в сфере государственного управления в означенный период времени состоял в том, что преобразователь, продолжая деятельность правительства XVII века в этой среде, стремился внести по возможности больший порядок и легкость в отправление дел в прежнюю крайне запутанную систему государственного управления. В этом направлении прежде всего произведены были некоторые перемены в центральном административном учреждении, стоявшем во главе государственного управления, в старой боярской думе. Эти первоначальные нововведения во внутреннем устройстве думы вызваны были равными беспорядками со стороны самих членов или, как они теперь были названы Петром, «министров» думы и главным образом тем, что министры под различными предлогами очень нередко старались манкировать назначаемыми царем собраниями в ближней канцелярии. Приедут не все, а потом при взыске отговариваются: «я де не был на конзилии и дела не решал»⁹. Во избежание этих беспорядков постановлено было, чтобы после выслушания доклада дьяка, министры полагали резолюцию словесно, а доклады списывали для себе, держали их в своем ведомстве и руководствовались ими в подлежащих случаях¹⁰. Старая московская боярская дума не вела протоколов; теперь же велено было министрам все решаемое на совете записывать и записанное скреплять своею подписью. В эти протоколы велено было вводить и все мнения отдельных лиц. Один позднейшей указ Петра, настрого предписывающий эти записи, обозначает и цель введения частных мнений в общие думские протоколы. Указ говорит, чтобы министры съезжающиеся в ближнюю канцелярию на конзилию «всякие дела, о которых советуют, записывали и каждый министр своею рукою подписывали, что зело нужно, надобно и без того отнюдь никаких дел не определяли, ибо сим всякого дурость явлена будет»¹¹. Действие указанных перемен в сфере высшего

центрального административного учреждения отразились и на подчиненных органах. Такими подчиненными органами в московском государстве XVII века были многочисленные и разновременные по своему происхождению приказные учреждения, представлявшие крайний хаос в своем внутреннем устройстве. Если бы пришлось в настоящее время сгруппировать эти учреждения, то представился бы страшный беспорядок, поражающий собой глаз современного наблюдателя, привыкшего видеть на каждом шагу правильно организованные административные учреждения. Чтобы придать этим разнохарактерным учреждениям, потребность преобразования которых еще задолго до времени Петра была выдвинута практическим ходом жизни на степень вопроса, требующего безотлагательного решения, хоть какой-нибудь порядок, правительство преобразовательной эпохи стремилось в начале своей деятельности к тому, чтобы соединить несколько приказов, круг ведомства которых состоял большей частью из однородных по своим свойствам дел. Так соединены были в один приказы иноземный, рейтарский и др. С другой стороны для достижения большей упорядоченности в сфере приказного управления многие приказы и совсем были уничтожены. Таковы были, например, приказы разрядный, сыскной, казенный, ямской, рудных дел и др.¹² Наконец, наряду с этим так сказать передвижением приказов в виду указанных же целей повелено было, чтобы в оставшихся приказах, которые по большей части получают название «канцелярий» бояре и судьи съезжались непременно по три дня в неделю для решения дел и закрепляли по примеру министров думы последняя своим общим подписом¹³. В виду таких перемен в сфере государственного управления не трудно было угадать, что преобразовательные стремления монарха едва ли останутся у пределов церковного управления, особенно в тот момент, когда со смертью патриарха обнаружились столь большие «беспорядки» и не всегда быть может раньше того доходившие до слуха гражданского правительства. Еще при жизни покойного патриарха несколько новых узаконений, несколько резких слов брошено было вскользь юным монархом на замечание

духовному начальству о беспорядочности церковного управления. Теперь эти вскользь брошенные слова могли дать повод предугадывать в нем замыслы еще не высказанные, но обдуманые и по всей вероятности не безопасные для церкви¹⁴. Первый вопрос, который предстояло теперь со смертью патриарха решить преобразователю в сфере церковной жизни и решение которого было естественно самым горячим ожиданием духовенства, так и всего остального общества, был без сомнения вопрос о назначении преемника умершему патриарху. Ровно через неделю по возвращении из-под Нарвы в Москву, Петр дал свой ответ на полученные им во время его отлучки из столицы донесения о кончине первосвященника церкви. В этом ответе Петр прежде всего спешит озаботиться тем, чтобы привести в возможный порядок запущенные дела церковного управления, жалкое положение которых было описано ему в письме прибыльщика Курбатова такими мрачными красками. В виду этой неотложной заботливости преобразователь вполне разделяет мысль прибыльщика относительно того, чтобы «повременить» на определенное время избранием главы церковной иерархии и назначить какое-либо высшее иерархическое лицо для временного управления церковными делами. Только относительно выбора такого лица, которому можно было бы «вручить», по выражению боярина Стрешнева, «ведать соборную церковь», Петр изменяет теперь свое «первоначальное изволение» и почему-то не останавливается на преосвященном Афанасии холмогорском, а поручает это дело совершенно новому тогда в московской Руси духовному лицу, только что посвященному незадолго пред кончиною патриарха Адриана в апреле 1700 года¹⁵ из игуменов южно-русской Никольской пустыни прямо в сан митрополита рязанского и муромского, даровитому южнорусскому проповеднику и ученому малороссу Стефану Яворскому «...Которые дела в патриаршем приказе были и впредь будут в расколе и в каких противностях церкви Божией и в ересь в те дела выдать преосвященному Стефану митрополиту рязанскому и муромскому», писал Петр в своем указе от 16-го декабря 700 года. Одновременно с этим поручением

рязанскому митрополиту дел церковных приступлено было к некоторым переменам в области церковной администрации. Нововведения, которые вводил преобразователь в это время в сфере гражданской администрации с целью достижения большего порядка и легкости в государственном управлении, естественно сами собой наталкивала теперь его на тот путь, на котором казалось возможным достигнуть большего порядка и в расстроенном духовном управлении. Это путь возможного упрощения и облегчения крайне сложного, а потому и крайне запутанного порядка отправления дел в ведомстве церковного управления. В ряду других административных учреждений церковного ведомства первое место принадлежало тогда патриаршему разряду, который был центром всего церковного управления¹⁶. Одного простого перечня круга дел, подлежащих ведению патриаршего разряда, достаточно для того, чтобы видеть с какими неудобствами и затруднениями должно было быть сопряжено отправление этих дел в ведомстве этого разнохарактерного церковно-административного учреждения при патриархах XVII века. Ведению патриаршего разряда подлежали тогда дела собственно духовные (напр. дела о раскольниках и др.), различные дела по епархиальному и общецерковному управлению. Здесь: а) давались настольные подписные грамоты митрополитам, архиепископам, епископам, архимандритам, игуменам, протопопам и протодиаконам и строительные грамоты строителям и келарям, о создании святых Божиих церквей патриаршей области благословенные грамоты; б) здесь производилась опись монастырей и монастырского имущества при назначении в монастырь нового настоятеля; в) разряду подчинены были все десятильничьи дворы, в которых заседали поповские старосты, обязанные наблюдать за всем церковным благочинием и жизнью духовенства в их округах и о всем сколько-нибудь обязанные доносить в патриарший разряд; г) патриарший разряд судил все белое и черное духовенство во всех делах; д) в патриаршем разряде ведались и судились все мирские лица по делам, которые предоставлены были ведению и суду церкви еще уставами первых христианских русских князей Владимира и

Ярослава; е) в патриаршем разряде хранились списки всех служилых патриарших людей; ж) в него подавались челобитные от различных лиц, желавших поступить в число патриарших дворян и пр.; з) сюда посылал свои указы царь с различными распоряжениями по духовному ведомству; и) к обязанности патриаршего разряда наконец относилось также наблюдать за точным отбыванием со всех церковных и патриарших земель военной повинности, так что его деятельность в этом отношении вполне совпадала с деятельностью царского разряда. Такими широкими границами определялся круг дел, подлежавших ведению патриаршего разряда. Заботы преобразователя о приведении в порядок расстроенных по смерти последнего патриарха дел церковного управления и останавливаются прежде всего на этом обширном церковно-административном учреждении. Как в гражданских приказах, так и здесь он стремится к тому, чтобы освободить широкий круг дел из-под ведения этого учреждения и распределить его между теми ведомствами, которым эти дела, казалось, ближе подлежали по своему характеру. «Патриаршему приказу разряду не быть, писал Петр от 16-го декабря 700 года, отвечая на полученные им во время его отлучки из столицы извещения о текущих церковных событиях, а дела и приводы, которые в том приказе есть по челобитью бояр и окольничьих и думных и московского чина и городских дворян и детей боярских и прочих во всяких исках и в иных каких делах, также которые дела были по челобитью архиереев и духовного чина с причетники вышеозначенных московских и иных чинов людей и те дела отослать в те приказы, в которых которые чины расправою ведомы и впредь расправу чинить в таких делах в тех приказах». Через полтора месяца после уничтожения патриаршего разряда, тоже самое начало, которым руководился преобразователь при его уничтожении, было приложено им и к другой области церковного управления, в той области, на которую почти каждый из предшествовавших Петру царей московских с не совсем легкого почина Ивана III налагал свои руки и на которую Петр по особым обстоятельствам его царствования должен был обратить преимущественное

внимание. Мы говорим о церковных имуществах и восстановлении Петром монастырского приказа. Вопрос о церковных имуществах, ставшим особым, специальным пунктом нашего законодательства еще с XIV-го в., ко времени Петровской реформы *de jure* порешался уже почти окончательно, но *de facto* он еще далеко не представлялся таким. Правительство все еще колебалось между чисто государственными началами и уважением к духовному чину, идеей нерушимости имущественных прав церкви. Вот почему рядом с определениями, ограничивавшими увеличение церковных имений, отменой всех тарханов, мы видим грамоты об отдаче монастырям множества сел, деревень, подтверждение и новую раздачу жалованных грамот, об освобождении монастырских вотчин почти ото всех государственных податей, повинностей и суда. Такой порядок продолжался даже после того, как Уложение выясняло и развило до подробностей все основные начала государственного строя. Только лишь при Петре отношения правительства к вотчинным правам духовенства получили более ясный и определенный характер. Правительство XVI и XVII вв. стремилось преимущественно к ограничению вотчинных прав духовенства, Петр Великий поставил себе главной и прямой целью совершенное уничтожение прав этого рода. Никто более Петра не был способен дать отношениям правительства к вотчинным правам духовенства этот новый характер и никто более его не признавал, кажется, необходимости такого преобразования. В своем подробном извещении по кончине патриарха Адриана о положении дел в патриаршем управлении практический прибыльщик Курбатов, кажется, всего больше задел так сказать за живое мысль Петра напоминанием о «зело необходимом» распоряжении в монастырях и архиерейских имениях. С самого начала царствования преобразователь неоднократно выставлял на вид церковной власти, что церковные имения «туне гибнут», и в виду этого с одной стороны старался вводить различные ограничения вотчинных привилегий духовенства, а с другой сильно заботился об уничтожении всякой возможности нового возрастания церковных

вотчин. Вместе с этим преобразователь заботился и о том, чтобы сделать более правильное употребление материальных средств духовенства. В этих видах между прочим было запрещено строгими предписаниями монастырским властям и архиереям «строить лишние строения и отнюдь не держать денег в расход без великого государя указу, а деньгам и хлебу приход и расход записав в книгу присылать те книги к великому государю к Москву»¹⁷. Но все эти постановления были так сказать лишь случайными выражениями секуляризационных начал. Это начало не раз проявлявшееся *de facto* не было еще сформулировано в одно общее положение, не было выставлено образом. Только со смертью последнего патриарха царю представился наиболее удобный момент для окончательного изъятия церковных имуществ из-под власти их прежних владельцев и передачи их в государственное ведение. Явлений в истории и законодательстве, подготовлявших передачу их от церкви к государству, накопилось много: государственных нужд, которые могли бы покрыться доходами с церковных имуществ, теперь было также больше, чем когда-либо; одни войны, для которых, по выражению царя «деньги были артерией», требовали весьма много расходов. Для покрытия же их в казне денег было недостаточно и правительство уже не раз раньше этого обращалось к монастырям за единовременными деньгами пособиями на настоятельные военные нужды¹⁸. Двадцать четвертого января издан был именной царский указ, которым повелевалось: «дом святейшего патриарха и дома же архиерейские и монастырские дела (т.е. заведование домашними доходами патриарха, архиереев и монастырей, челобитные в делах и исках на патриарших и архиерейских домовых и иноческого и священного чина и церковного причета людей и монастырских стряпчих т.д.) ведать боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, а с ним у тех дел быть дьякону Ефиму Зотову и сидеть на патриаршем дворе в палатах и писать монастырским приказом, а в приказе большого двора монастырских дел не делать и прежние дела отослать в тот же приказ (т.е. новый монастырский)»¹⁹. После двух законодательных распоряжений об уничтожении патриаршего и

восстановлении монастырского приказов, последовавших вскоре за смертью патриарха Адриана, в течение долгого времени мы не видим новых распоряжений преобразователя по делам церковной администрации в тесном смысле этого слова. Церковное управление, по-видимому, во всем оставалось в старом виде, исключая двух указанных перемен в его строе. Высшее управление специально духовными делами сосредоточено было, как мы видели, в руках рязанского митрополита Стефана Яворского, облеченного титулом «экзарха, блюстителя и администратора святейшего патриарха престола русской церкви». В важных случаях по делам этого рода экзарх патриаршего престола должен был советоваться с другими епископами, которых положено было попеременно вызывать для этой цели в Москву «в чреду священнослужений с ризницей, с церковники и с певчими и с домовыми людьми и с запасы, – без чего, будучи в Москве, пробыть невозможно»²⁰, и представлять о последствиях своих совещаний на утверждение государя. Это собрание очередных епископов из епархий называлось как и в прежнее время при патриархе «освященным собором»²¹. Собор этот был, так сказать, прообразом того собора, который получил название Святейшего Синода и несомненно, что он существовал до самого времени учреждения последнего²². Трудно было решить, что означал собой в данное время в воззрении преобразователя данный им рязанскому митрополиту новый титул. Сам Стефан Яворский и окружавшие его высшие иерархи церкви, по-видимому, готовы были трактовать новый титул и положение рязанского митрополита, как приготовительную ступень к принятию последним патриаршего сана. В голове рязанского митрополита идея патриаршества не угасала ни на минуту в период его местоблюстительства патриаршей кафедрой. Автор «Молотка» на «Камень веры», хотя быть может и с пристрастным, озлобленным чувством говорит о Стефане, что он «крайним прилежанием трудился, како бы возмог чин и власть патриарха получать, для которого дары многим роздал великие, а иным обещал»²³. Поведение митрополита Стефана в качестве местоблюстителя патриаршества ясно обнаруживает в нем

стремление отстоять старую церковную форму и восстановить патриаршество. Будучи местоблюстителем патриаршества, Стефан постоянно высказывал недовольство своим положением. Несмотря на все первоначальные милости и расположение к нему царя, Стефан часто и упорно требовал увольнения от должности, отпуска на родину, представляя свои немощи. Но ему как человеку скрытному, непрямому не верили; предполагали, что он чем-то недоволен, что ему чего-то хочется, что если бы, например, его сделали патриархом, то он не пошел бы на покой²⁴. Что Стефан желал восстановления патриаршества – если и не в свою собственную пользу – в доказательство тому мы имеем несколько положительных фактов. В этом отношении и заслуживает прежде всего внимания ответное письмо Стефана Сорбонским богословам, написанное им по известному вопросу о соединении церквей. «Но еще бы мы и восхотели сему злу коим-либо образом забежать, пишет здесь между прочим местоблюститель, возбраняет нам канон апостольский, который епископу без своего старейшины ничтоже, а наипаче в таком великом деле церковном творити попускает: престол же святейшего патриаршества российского празден и вдовствующий быти мним, яко известно есть иностранным, и сего ради епископам без своего патриарха хотети что-либо замышляти тожде было бы, аки бы членом без своего главы хотети движитися, или без первыя вины или движения в звездах свое течение совершати. Сей есть предел крайний, который в настоящем деле больше нам не попускает глоголати что-либо или творити»²⁵. Отсюда видно, как глубоко был убежден Стефан в необходимости патриаршества и как сильно желал он его, представляя, что без него церковь не может двигаться и жить. Стефан Яворский положительно не мог помириться с мыслью о совершенном уничтожении патриаршества даже и после того, когда уже был учрежден Синод и он был сделан президентом нового учреждения. До учреждения Синода в феврале 21-го года отменено было при возношениях употребление патриаршего имени, которое заменено было именем Святейшего Синода. По этому поводу митрополит Стефан писал в Синод:

«Преосвященные иерархи и прочие отцы святые и братья! Подневольный голос должны иметь все члены коллегии по уставу, то дайте и мне вольный голос который таков есть: мне видится, что в ектениях и возношениях церковных явственно можно обоя вместити: например так о святейших православных патриархах и святейшем правительствующем Синоде миром Господу помолимся; или святейшие православные патриархи и святейший правительствующей Синод да помянет Господь Бог во царствии своем. Какой в том грех? Какой убыток славы и чести святейшему Российскому Синоду? Кое безместие и непристойность? Паче же Богу приятно и народу весьма угодно было бы, а что помета монаршеская написана: о Святейшем Синоде или о Св. правительствующем Синоде, от сего то только дается знать, како нарицатися имать коллегийум духовный в молитве, а об отставке патриархов от возношения ничтоже известуется»²⁶. Так ратовал Яворский даже о сохранении в церковнослужебном языке самого имени патриаршества в то время, когда *de facto* уже отняты были у него и его сторонников всякие надежды на восстановление патриаршества. Что касается того, как понимал положение митрополита Стефана в период его местоблюстительства преобразователь, то в разрешении этого вопроса исследователи истории не согласны между собой. Одни из них утверждают²⁷, что Петр, назначая по смерти патриарха Адриана местоблюстителя патриаршества вместо патриарха, еще гораздо раньше этого решил в мыслях окончательную отмену патриаршества. Но зная, что разом покончить с ним значило бы прямо высказать народу свои властолюбивые замыслы и вооружить его против себя, он поступает в данном случае с весьма большой обдуманностью и осторожностью, отводит так сказать глаза народу: не назначая нового патриарха, преобразователь поручает управление патриаршей кафедрой временному правителю церкви с титулом местоблюстителя патриаршества. Прошло двадцать лет после этого, когда любовь к патриаршеству поохладела, когда вдобавок и материальные силы преобразователя возросли для борьбы, и он осмеливается, объявить во всеуслышание об упразднении патриаршего престола; и заменить его новой

формой церковного правления. Другие исследователи наоборот думают, что мысль о совершенном уничтожении патриаршества сложилась у преобразователя лишь впоследствии, с течением времени, когда от отсутствия патриарха не чувствовалось никакого неудобства, когда коллегиальная форма признана была лучшей по всем частям управления, когда, наконец, дело царевича Алексея возбудило в душе Петра сильное сомнение насчет сочувствия большинства высшего духовенства к новому порядку; в данное же время, назначая Стефана Яворского местоблюстителем патриаршества, Петр вовсе еще не имел в виду навсегда покончить с патриаршеством²⁸. Со своей стороны, не придавая какого-нибудь важного исторического значения решению затруднительного вопроса о том, когда именно у Петра созрела мысль об окончательной отмене патриаршества, считаем нелишним заметить, что, строго говоря, никакой новости в том, что Петр вслед за получением известия о кончине последнего патриарха не издал указ о созыве собора для избрания нового патриарха, а назначил лишь местоблюстителя патриаршества, пожалуй, нельзя было еще усматривать и на основании этого факта нельзя еще строить заключения о том, что Петр уже теперь твердо решил вопрос об уничтожении патриаршества. Как известно, в церковной практике XVII в. встречаются примеры того, что в периоды между-патриаршества управление патриаршей кафедрой сосредоточивалось в руках временного правителя церкви с титулом местоблюстителя. Таким, например, был Иона митрополит сарский и подонский, правивший делами патриаршей кафедры в течение целых почти семи лет от смерти патриарха Гермогена до вступления на патриарший престол знаменитого Филарета Никитича. Обыкновенно же местоблюстителем на время между-патриаршества в XVII в. назначался митрополит Крутицкий, как постоянно живший в Москве²⁹. Назначение Стефана на верховную кафедру церкви с титулом местоблюстителя говорило только об одном, именно, что эта была мера, устанавливаемая правительством «пока, на время». Именно при тогдашнем положении церкви и государства больше чем когда-либо в другое время все

соединялось, кажется, для того, чтобы затруднять дело избрания преемника умершему патриарху и заставить Петра отложить его. Прежде всего, в первое время по смерти Адриана все внимание преобразователя, никогда и ни в чем не терпевшего расстройств и беспорядков, было сосредоточено, как мы упомянули, на мысли о необходимости «зело нужных» исправлений в сфере церковной. Существовавшее здесь неустройство требовало для своего исправления твердой руки, энергичной деятельности. Петр по своему характеру не мог быть покойным зрителем совершавшихся кругом него явлений жизни. Он всюду прежде всего сам лично желал за всем присмотреть и во все вникнуть. Ясно сознавая свое отношение к церкви, он не мог считать для себя неправым делом вмешательство в область церковной жизни, — особенно если сама церковная власть заявляла здесь себя недействительной. Помимо всех сторонних побуждений, заставлявших Петра взяться за исправление в церкви, он конечно мог всегда сказать о себе, как сказал впоследствии³⁰ в оправдание своих отношений к церкви, что видя «много нестроений в духовном чине и великую в делах его скудость», он постоянно «и на совести несуетный имел страх, да не будет безответен и неблагодарен Вышнему, аще пренебрежет исправление духовного чина». Оглядываясь кругом, Петр в первое время после смерти патриарха не мог, наконец, даже рассчитывать найти среди тогдашних иерархов церкви человека, сочувствовавшего делу преобразования церкви, человека, который бы без принуждений, без небезопасного во всяком случае воздействия на него со стороны, по личному расположению взялся за это дело. Известно, с каким дружным не сочувствием отнеслось все великорусское духовенство к преобразовательным стремлениям царя не только в сфере церковной, но даже и чисто государственной. Во главе с самим патриархом оно в самом начале деятельности Петра высказало сильный протест против его преобразовательных планов. Уже первый патриарх Петрова времени Иоаким, видевший только лишь слабые зачатки преобразований, далеко разошелся с царем во взглядах. Умирая он завещал царю: «да не како же он попустит кому из христиан с еретиками и иноверцами общение и

содружество творити, но яко врагов Божиих и ругателей церковных тех удалятися да повелевает». Поведение преемника Иоакима по патриаршей кафедре в его отношении к делу преобразования хорошо известно. Только сила воли Петра заградила и ему уста. Все остальное духовенство, дружно вторя высшим архипастырям церкви, тем резче и сильнее возвышало против реформы свой голос, чем больше разгоралась борьба последней с противодействиями. В общем хоре народного ропота, ославившего царя врагом мирским, мироедом и антихристом, духовенство тянуло всегда самые возвышенные ноты. Оно было как бы центром, сосредоточивавшим в себе выражение всенародного протеста. Даже и тогда, когда древняя Русь выставила свой открытый протест против нового духа в форме стрелецких бунтов и народных волнений, духовенство всюду шло во главе и этого протеста и своим участием как бы освящало его. Стрельцы, готовясь на смертоубийства, служили молебны, несли пред собою иконы и чаши св. воды, как будто отправлялись на дело угодное Богу. В последнем их бунте замешаны были их попы, предводительствовавшие ими с крестами в руках и были казнены³¹. При таком настроении большинства великорусского духовенства, при таком нерасположении его к делу преобразования, понятно, что симпатии преобразователя далеко не лежали на стороне этого духовенства. Недовольство его великорусским духовенством, можно сказать, усаливалось год от года и большую часть своих неудач в делах внутренних, он ставил на счет духовенству, члены которого занимали самое видное место в списках Преображенского приказа. «Большие бороды, которые, по выражению Петра, ныне по тунеядству своему не в авантаже обретаются», были для него всего более неприятны. «О бородачи! часто повторял он, отец мой имел дело только с одним, а мне приходится иметь дело с тысячами, многому злу корень старцы и попы»³².

Конечно назначение на патриаршую кафедру такого умного и талантливого архиерея, каким был рязанский митрополит Стефан, по-видимому, было бы очень сообразным с преобразовательными планами царя и с потребностями

тогдашнего положения церкви. Ученый рязанский митрополит тогда еще далеко не заявлял себя таким рьяным сторонником старого духа, какими заявляло себя большинство тогдашних великорусских иерархов. Но именно это обстоятельство в связи с происхождением Стефана и должно было, кажется, больше всего служить для него препятствием при назначении на патриаршую кафедру Великороссии. В Москве уже давно смотрели на приезжих малоросских архиереев, как на «черкасишков никуда негодных»³³, и известно каким недружелюбным приемом был встречен здесь южнорусский ученый Стефан. «Изощренный завистью и досадой язык», жаловался митрополит Стефан царю, упорно отказываясь принять на себя управление рязанской митрополией, «многие досады и поклепы на меня возводил иные рекли будто я купил себе архиерейство за три тысячи червонных золотых; иные именovali меня еретиком, ляшенком, обливанником»³⁴. Как известно, на Стефана был сделан даже донос со стороны великорусского духовенства иерусалимскому патриарху Досифею, обвинявший его в том, что он проповедует латинское мнение о пресуществлении³⁵. Было бы большим неблагоприятием и конечно меньше всего свойственным Петру, – уступить этому чувству ненависти на Стефана в виду представлявшейся необходимости. Иное дело было сделать его митрополитом в Рязани; но поставить его во главе высшего управления всей российской церковью с титулом патриарха было бы слишком... Что заговорили бы тогда в Москве изощренные завистью языки?!... Но чтобы ни означал собою данный рязанскому митрополиту титул «блюстителя патриаршества», как бы не трактовал свое положение сам носитель этого титула и как бы наконец ни понимал положение экзарха Петр Великий, – во всяком случае судьба Стефана Яворского в истории нашей церкви в период его временного управления патриаршей кафедрой чрезвычайно интересна. Случайно поставленный в качестве высшего церковного иерарха на рубеже от допетровской, патриаршей формы церковного правления к петровской синодальной, Стефан стоит не безучастным зрителем совершающегося переворота, но

сострадательной его жертвой. Двумя законодательными постановлениями об уничтожении патриаршего и восстановлении монастырского приказов власть и права местоблюстителя патриаршества, по-видимому, определялись довольно точно: ему предоставлено было ведение духовных дел церкви, как высшему иерарху. Но на практике и в делах собственно духовных местоблюститель с организованным при нем собором епископов далеко не был полновластным распорядителем. На практике очень часто случалось, что дела этого рода шли помимо него чрез Мусина-Пушкина, заведовавшего монастырским приказом. Так, например, в междупатриаршество мы видим много назначений на места духовного управления помимо Яворского по представлениям Меншикова, Мусина-Пушкина, архимандрита Феодосия и других лиц³⁶. Мусин-Пушкин в качестве заведывающего монастырским приказом всюду выдвигался правительством как какой-то помощник, товарищ местоблюстителя в делах церковных. Так в 707 году холмогорский архиепископ Сильвестр был переведен в Смоленск, на его место нужно было поставить архиерея, и Стефан представил Петру, находившемуся тогда в Москве, двоих кандидатов – архимандритов Троицкого и Знаменского. Ни тот ни другой не понравились и Головкин писал Стефану, чтобы он избрал на холмогорскую епархию трех или двух, которые бы были и искусные и ученые и политичные люди: «понеже та холмогорская епархия у знатного морского порту; где бывает множество разных областей иноземцев, с которыми дабы тамошний архиерей мог обходиться по пристойности политично, в честни и славе русского государства, якоже и прежде бывший Афанасий архиепископ со изрядным порядком тамо поступал»³⁷. Царь отвергает кандидатов, велит выбрать других; но что всего хуже, велит Мусину-Пушкину помогать митрополиту при этом выборе. Головкин писал Мусину-Пушкину: «к Стефану митрополиту я писал, что в том выборе будет и ваша милость вспомоществовать; а когда и кто именно те особы избраны будут, о том извольте милость ваша с ним митрополитом писать царскому величеству, на что его величество соизволит тогда указ свой послать кого из тех особ

на Холмогоры на архиепископы посвятить»³⁸. Почти во всех других случаях Пушкин объявлял Стефану повеления государя и вообще полновластно распоряжался делами, которые подлежали ведению местоблюстителя по первоначальному поручению царя. Патриаршая типография была под исключительным ведением Мусина-Пушкина; сочинения, переводы и издание книг, даже исправление Библии, которое поручено было главному надзору Стефана, шли помимо Стефана. Школы московские также во многом зависели от Мусина-Пушкина³⁹.

Еще более и резче ограничена была духовная власть местоблюстителя патриаршества со времени коренных реформ Петра в сфере государственной администрации. В 711 году, как известно, место старой боярской думы заступил правительствующий сенат. Последний, по указам о нем царя, сразу является высшим государственным установлением, сосредотачивающим в себе все атрибуты верховной власти, «понеже и цель учреждения сего собрания, как нередко замечал царь, состояла в том, что оно установлено было вместо присутствия его величества персоны». «Повелеваем всем, кому о том ведать надлежит, гласит царский указ от 11 года 2 марта о полномочиях сената, как духовным, так и мирским военного и земского управления вышним и нижним чинам, что мы для всегдашних наших в сих войнах отлучек определили управительный сенат, которому всяк и их указам да будет послушен так, как нам самому, под жестоким наказанием или смертью по вине смотря»⁴⁰. Указ 26 июня 17 года грозит смертною казнью всякому, кто дерзнет приносить жалобы на сенат, какими бы ни оказались относительно своей справедливости решения сената⁴¹. Если начальнику монастырского приказа Мусину-Пушкину приходилось вмешиваться в дела духовного ведомства, то тем более вправе ждать того же от сената, наделенного такими полномочиями, от сената, привыкшего не встречать ни откуда никаких сопротивлений, которому до всего было дело, сената, видевшего предел своей власти единственно в воле государя, не знавшего границ своему ведомству. И действительно мы

видим, что в период междупатриаршества у сената бывали совместные заседания со священным собором по поводу тех или других вопросов церковной жизни⁴². Блюститель без сената теперь не может поставить архиерея на епархию. Так в 711 году Яворский сделал представление об архиереях, ответом был указ: «в Ростов дается на соизволение архиерейское купно с сенатом, только быти епископу, а не митрополиту»⁴³. Сенат положительно считает своей обязанностью заботиться о чистоте православия и его распространении. Сенат запрещает печатать в Малороссии духовные книги без дозволения православного духовенства. Сенат строит православные церкви в Пернове и Дюнаминде для наших православных гарнизонов и велит псковскому митрополиту поставить к ним священников и снабдить их антиминсами и всем нужным; сенат заботится о распространении православия между иноверцами, определяет игуменов и игумений в монастыри, к сенату же обращаются служащие на военной службе старые инвалиды, желающие на старости лет отдохнуть в монастыре и пр. и пр.⁴⁴ Преобладание светской власти над духовной в период петровского междупатриаршества особенно резко отразилось в судебной сфере. Известное дело о лекаре Твиритинове, обвиняемом в приверженности к лютеранству, берется в сенат и сенат освобождает его. Яворский рассматривает сочинения Твиритинова и снова объявляет его еретиком. Снова поднимается дело и снова поступает в сенат. Сначала на разбирательстве присутствует и местоблюститель патриаршества, но в мае 715 года подает Петру следующее донесение: «по твоему великого государя указу велено мне в св. čtyредесятницу присутствовать в судебной избе при деле, которое началось с новоявленными еретиками; и я в то время хаживал безпрестанно во всю седмицу крестопоклонную и никтоже меня тогда не изгонял, а ныне мая в 14 день, по прежнему указу пришел я в судебную избу и меня превосходительные господа сенаторы с великим моим стыдом и жалом изгнали вон, и я, плачущ исходя из палаты судебной, говорил: бойтесь Бога, для чего не по правде судите», – и излагает далее целый ряд улик против Твиритинова, не

принятых в уважение сенатом⁴⁵. Жалоба Яворского осталась без последствий. А в деле, напр., калужанина Эраста Кадмина, обвинявшегося в распространении раскольничьих книг и в противностях св. восточной церкви, сенат решил все дело о нем даже не сносясь с духовными властями. Сенат сам призывает его пред себя, увещевает Кадмина принести повинную в своих противностях; Сенат же наконец и постановляет окончательный приговор относительно Кадмина. Такое вмешательство светской власти в чуждую для нее область, в область духовных дел, разумеется, не могло не раздражать и не огорчать того, кто имел законное право полновластного распоряжения здесь. Правда, эти случаи вмешательства иногда были необходимы для лучшего благоустройства церковной жизни; но при тогдашнем настроении умов в среде духовенства, они естественно казались посягательством на права церковной власти. Если светский человек М.-Пушкин был приглашен к выбору более способного кандидата на епархию, требовавшую особенной осмотрительности при выборе в эту епархию архиерея, если он, как ближе знавший положение церковных дел Великороссов, считался правительством более компетентным человеком в этом и подобных делах, если наконец правительствующий Сенат дает более или менее практические указания в той или другой области церковной жизни, то что, по-видимому, можно было бы усматривать во всем этом?... Не повторялись ли все эти случаи вмешательства гражданской власти в область церковного управления в такой или иной форме и в предшествовавшее время при патриаршем управлении? Так рассуждала тогда одна сторона – люди, сочувствовавшие идеям реформы. Но, рассуждала сторона духовенства, если теперь и до вашей братии дошло, если и у нас начали брать с бань, с пчел, с изб деньги, чего наши прадеды и отцы не знали и не слыхали, что же это значит?... да никак в нашем царстве государя нет?!⁴⁶ «Да вам ли овцам про нас пастырей разыскивать», говорили почти в один голос епархиальные архиереи, открыто и резко высказывая свое недовольство против распоряжения светской власти в сфере церковной, – «какое же после этого и наше архиерейство, что

отнимают вашу собственность, хоть затворяй церкви да покидай архиерейство»⁴⁷. И так говорили не только такие архиереи, как Исаия нижегородский, но даже и такие, которые с весьма большим сочувствием относились к преобразованиям Петра. Разумею святителя Димитрия Ростовского и Иова Новгородского. «Я грешный, писал святитель Ростовский Димитрий в Новгород к преосвященному Иову, пришедши на престол ростовской паствы, завел было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше и уже начали было грамматику разуметь недурно; но, попусцием Божиим скудость архиерейского дома положила препятствие, питающий нас вознегодовал будто много издерживается на учителей и учеников и отнято все, чем дому архиерейскому питаться, не только отчины, но и церковные дани и венечные памяти. Умалчиваю о прочих поведениях наших. Sat sapienti»⁴⁸. Общее недовольство духовенства новыми распоряжениями преобразователя разделял и местоблюститель патриаршества Стефан. Рассчитывая найти в Стефане себе товарища по направлению, помощника в преобразовательной деятельности, Петр кажется ошибся на этот раз в своем выборе, Яворский далеко не был таким человеком, какого желал бы видеть на занимаемом им иерархическом посту преобразователь. Правда, отличенный на первых порах особенной милостью царя, Яворский повсюду старался изобразить свою готовность служить государственным интересам. Себя самого пред царем «экзарх, блюститель и администратор святейшего патриаршего престола», называет не иначе, как «верный подданный, недостойный богомолец, раб и подножие, смиренный Стефан пастушок рязанский». Как человек ученый и наблюдательный и притом нечуждый желания снискать в своекорыстных целях расположение сильных мира сего Стефан в своих проповедях отзывается и на разные общественные вопросы того времени. К царю и его действиям он обыкновенно относился в крайне панегирическом тоне. «Что царь, то орел в высоте своей не удобозрительной, род свят, племя Божие, фамилия, начато свой от самого Бога имущая»⁴⁹. По-видимому, на первых порах поведением местоблюстителя был доволен и сам царь. Стефан

сам свидетельствует, что он «услаждался как сахаром милостью царского величества и отеческим его благопризрением». «От самого великого государя, говорить Стефан, много раз получал я за победительные проповеди иногда тысячу золотых иногда меньше, также и от прочих членов царского дома. Многие много раз щедроты бывали мне за литургию и проповеди слова Божия»⁵⁰. Но несмотря на все это, под смиренной рясой рязанского пастушка скрывался человек с сильными стремлениями отстоять церковную власть. Воспитанный на католической доктрине о главенстве церкви, Яворский естественно не мог мириться с существующим порядком церковной жизни на Руси. Как он ни витийствовал в своих проповедях, однако в его превыспреннем витийстве не трудно было различить фальшивую ноту, напыщенное риторство и отсутствие серьёзного понимания дел Петровых. Мало этого: Яворский отнюдь и не скрывал своих убеждений. Напротив, то прямыми и резкими обличениями в проповедях, то более тонкими косвенными намеками в своих сочинениях, он старался показать и доказать незаконность вторжения светской власти в дела церкви. Он находил достаточно поводов выступить открыто даже и против самого государя и обнаружить пред ним силу церкви. Общественное и частное поведение Петра, противоречившее укоренившимся обычаям, закон о фискалах вызвал со стороны Яворского открытое порицание. Несоблюдение постов, легкость нравов при дворе, объявление Екатерины, женщины темного происхождения и до замужества с Петром не без укоризненного поведения, императрицей послужили для Яворского поводом к открытому нападению во имя религии. В знаменитой проповеди местоблюстителя, сказанной им по случаю учреждения фискалов, недовольство Стефана современным порядком вещей вылилось в самых резких чертах. Здесь говорилось о произволе и злоупотреблениях царской власти, здесь Петр обвинялся в разорении закона Божия, в увлечении протестантским нечестием, в развратной и блудной жизни, представлялся как виновник бедствий государственных, открыто объявлялся еретиком и отлучался от церкви. Здесь же в контрасте

развращенному отцу самыми светлыми красками рисовался его гонимый и нелюбимый сын, на которого Стефан указывал русскому народу, как на его единственную надежду и защиту его древних преданий и форм жизни, которые с такой беспощадностью ломал и крушил «преступник заповедей Господних». Но несмотря на все столкновения с блюстителем патриаршего престола, Петр не удалял от себя Стефана и даже не особенно резко менял тон своих отношений к нему⁵¹. Только лишь следствия по известным делам о царевиче Алексее и царице Евдокии Лопухиной имели кажется решительное влияние на отношение Петра к местоблюстителю и духовенству. Следственным дознанием обнаружено было, что и малороссийские иерархи во главе с представителем их, местоблюстителем патриаршества, не безучастны в деле царевича и царицы; вскрылось, что и эти обласканные и излюбленные царем пришельцы далеко не все разделяют новые идеи преобразователя. Следственное дело по поводу царевича Алексея и царицы Евдокии возобновило на время было утихшее взаимное нерасположение сторон между царем и партией, окружавшей местоблюстителя Яворского. Крайне натянутые отношения между обеими сторонами с этого времени становятся особенно заметными. Государь видел и явно показывал, что в Стефане он не нашел себе сотрудника, способного войти в его мысли. Государь и прежде косо смотрел на распущенность духовенства, на множество празднобродящих попов и монахов, на кликуш и юродивых, встречавшихся на каждом шагу, на множество вымышленных чудес и ложно объявляемые мощи святых, на недостаток школ для образования духовенства и народа и приписывал все это недеятельности местоблюстителя. Теперь тон отношений царя к местоблюстителю стал еще более строгим, бесцеремонным и настойчивым. Стефан оставался глух к этому новому тону отношений к нему царя. В среде приближенных к нему иерархических лиц он не скрывал своих клерикальных воззрений, «папешского духа», который так ненавистен был преобразователю. Проникнутый этим духом, Яворский и теперь даже, когда преобразования жизни гражданской далеко увлекли

за собою жизнь церковную, не мог помириться с мыслью о безглавности церковного управления на Руси. И при постепенно вырабатывавшемся под влиянием петровских преобразований новом строе жизни гражданской и церковной, эта мысль представлялась ему аномалией, подобной той, «если бы звездное течение совершалось без первопричины», тогда как понятия об этом государя резко расходились с воззрениями Стефана. Со своей государственной точки зрения Петр терпеть не мог папства и всего, что его напоминало и еще во время первого своего путешествия по Европе с сочувствием выслушивал советы Вильгельма Оранского организовать русскую церковь на подобие англиканской, объявив ее главой себя самого⁵². Говорят, что в 712 г. в Виттенберге Петр сказал пред статуей Лютера: «сей муж подлинно заслужил памятник, он на папу и на все его воинство столь мужественно наступил для величайшей пользы своего государя и многих князей, которые были поумнее прочих». В 718 году местоблюститель получил царский указ немедленно приехать в Петербург. Стефан думал, что его пребывание здесь будет временное, но 16 июля великий государь указал: «преосвященному Стефану митрополиту рязанскому жить в С.-Петербурге; а при нем первой очереди быть Игнатию, епископу суздальскому, а прочих архиереев из Петербурга отпустить в свои епархии, а по прошествии первой чреды в Петербург архиереям приезжать поочередно, против того, как в Москву приезжали». Недовольный таким распоряжением о перемене митрополичей резиденции Стефан подал царю «пункты», на которые получил резкие ответы: «выехал я из Москвы, писал владыка, на почтовых подводах, не взяв с собою ни ризницы, ни певчих, ни запасов никаких, ни платья, ни келейной рухляди и для скорого выезда порядка никакого не учинил, ни в соборной церкви, ни в приказах, ни в школах, ни в доме своем, чая скорого возвращения; ныне, скитаясь в Петербург, живу в наемном дворе, далече от церкви и от воды и в таком дворе, в котором зимою мне немощному отнюдь жить невозможно и ожидаю милостивого отпуска, чтобы зимою совсем собраться и здесь жить вовсе и о том, что великий государь укажет?» «О житье

здешнем уже за три года сказано, отвечал на вопрос недовольного митрополита царь, и сам ваша милость в просухе хотел быть, как я с вами прощался на Москве, а зачем в три года не собрался и не распорядился не знаю, ибо и более того делано: ездил на Украину для освящения церкви». «Было милостивое слово о дворе, писал далее Яворский и написано было ко мне рукой монаршескою приезжай, а двор для тебя будет готов; сего милостивого обещания будет ли исполнение или нет? Ответ: место готово, а построить самому можно, понеже всем архиереям определенное дается, а вам все как было прежде, еще же и тамбовское епископство поддано». «Во многих епархиях архиереев нет», спрашивал наконец местоблюститель. Ответом было: «выбрать например и подать роспись; также и впредь для таких избраний надлежит заранее добрых монахов сюда в монастырь Невский привести, дабы здесь жили, чтобы таких не поставить, как тамбовский и ростовский были; а для лучшего впредь управления мнится быть удобно духовной коллегии, дабы удобнее такие великие дела исправлять было возможно»⁵³.

Совещаясь во время своих заграничных путешествий со знающими людьми и заботясь о лучшем устройстве государственного управления на Руси, Петр давно уже обращал внимание на коллегиальное устройство правительственных учреждений за границей в Дании, Швеции и Голландии. Философ Лейбниц особенно увлек Петра коллегиальностью. Россия давно интересовала Лейбница особенно с тех пор, как он узнал о преобразованиях, начатых в ней ее великим царем. Для его математического, систематического ума Россия в своем качестве *tabula rasa*, представляла любопытный пункт для всевозможных экспериментов. Молодая страна и ее преобразователь рисовались в его воображении в самом поэтическом свете. Отправляясь в Торгау на свадьбу царевича Алексея Петровича, где он должен был представиться Петру, Лейбниц писал к Аббату Фабрицию, что он едет туда «*non ut solemnia nuptarium, quam ut Russorum Czarem spectarem, sunt enim ingentis magni principis Virtutis*»⁵⁴. Познакомившись с царем и его приближенными, узнав от них о характере управления,

существовавшего тогда в России, Лейбниц понял потребность административных реформ в стране и представил Петру проект об устройстве коллегии. Одним из главных положений этого проекта было выставлено следующее: как в часах одно колесо приводится в движение другим, так в большой государственной машине одна коллегия должна возбуждать другую; и если все будет находиться в надлежащей соразмерности, то стрелка мудрости будет указывать стране часы благоденствия⁵⁵. Петру великому нельзя было ничего так хорошо растолковать, как сравнив предмет с механизмом.

Согласно с проектом Лейбница уже с 715 года начинаются деятельные подготовительные работы относительно устройства коллегий. В августе этого года Петр поручил генералу Вэйде «достать иностранцев ученых и в правостях искусных людей для отправления дел в будущих коллегиях»⁵⁶. В следующем 16 году Петр старается вызвать для этой цели дельцов из Австрии и Швеции; в то же время усиленных посылает и русских за границу для изучения коллегиального строя на месте⁵⁷. Три года спустя после учреждения сената мы уже видим написанный Петром перечень коллегий с пометой: «о коллегиях к соображению»⁵⁸. С конца девятнадцатого года на место старых приказов и явились центральные коллегиальные учреждения, устроенные по проекту Лейбница однообразно, с лучшим разграничением ведомств, чем в приказах.

Нам кажется, что не представляет больших затруднений решение вопроса о том, когда возникла у Петра Великого мысль об учреждении духовной коллегии. Мало иметь за себя оснований мнение тех историков, которые утверждают, будто с самой минуты смерти патриарха Адриана Петр лелеял в глубине своего сознания мысль об учреждении коллегии. Очевидно мысль эта была не случайностью в голове Петра и внушена была ему в период его деятельных приготовлений по устройству государственных коллегий. Практический ход дел в гражданских коллегиальных учреждениях наталкивал естественно Петра на мысль о введении коллегиального устройства в сферу церковного управления; он не мог не служить для Петра достаточным ручательством в том, что и в

сфере церковной, где дела находятся в таком «нестроении и беспорядке», будет гораздо больше порядка и удобства при коллегиальном отправлении дел. Коллегиальная форма церковного управления призвана была Петром «лучшим способом» в деле «исправления нестроений духовного чина», тем более что эта форма удовлетворяла и прямым каноническим требованиям относительно устройства церковного управления. Соборная или коллегиальная форма церковного управления и есть, как известно, единственно истинная и законная форма церковного управления, имеющая свое основание в самом Священном Писании. От этой формы церковного управления русская церковь никогда не отрешалась и во весь предшествовавший учреждению Святейшего Синода период жизни. В самое близкое по времени к учреждению синода время, в период патриаршеский, эта форма церковного управления оставалась во всей своей силе. При патриархе, как известно, всегда был постоянный собор архиереев, архимандритов и пр., с которыми они совещались о всех делах, касающихся церкви.

Наряду с деятельными работами по устройству гражданской администрации идут приготовления для учреждения и духовной коллегии. Приготовления эти продолжаются слишком два года. Главным действующим лицом в осуществлении намерения царя относительно учреждения духовной коллегии пришлось быть Феофану Прокоповичу, тогда уже бывшему псковским епископом. Нам нужно остановиться несколько на изображении характера этого знаменитого сподвижника Петра на поприще церковно-преобразовательной деятельности для того, чтобы точнее уяснить смысл этой деятельности.

Личность псковского архиепископа, сподвижника Петра в деле реформ, настолько известна в нашей церковно-исторической литературе по капитальным исследованиям о нем Чистовича, Самарина и некоторых других лиц, что нам остается ограничиться лишь самой общей характеристикой этой личности нужной для наших целей. По нашему мнению, какими бы мотивами ни объясняли характер отношений Прокоповича к Петру Великому (а попытки объяснять эти отношения очень

нередко проглядывают в литературных суждениях о Феофане), во всяком случае и при допущении всех их остается здесь во всей силе справедливости мысль о том, что история представляет нам довольно нечастые примеры такого сближения характеров двух исторических деятелей, какое можно наблюдать при сопоставлении личности Петра и Феофана. Всем известная способность Петра Великого узнавать людей с первого знакомства с ними, с первого их взгляда и слова, весьма метко обнаружилась на его выборе и приближении к себе Феофана. История их взаимного знакомства известна. В 704 году 4 июля государь прибыл в Киев для основания печерской крепости. На другой день по его прибытии сюда молодой учитель риторики в киевской академии Феофан Прокопович сказал государю приветственную предиду, каких дотоле не слыхали в Москве. В одушевленном слове проповедник выразил свои чувства радости о прибытии юного, а между тем уже славного государя. Еще несколько проповедей, сказанных Феофаном в присутствии царя, обратили на него внимание преобразователя. Молодого проповедника вызвали сначала в Москву, а потом в Петербург и здесь он с полнейшей готовностью отозвался на призыв царя быть защитником его нововведений. В этой роли Прокоповичу пришлось выступать почти с первых же дней по прибытии его в Петербург. В момент его прибытия сюда почва новоустрояемой столицы колебалась не только под ударами возводимых в разных местах ее новых построек и укреплений, но и от оглашавшего ее неумолкаемого шума событий. Последние сменялись здесь одно другим с такою неудержимой быстротой, так страшно и чудовищно перепутывались между собою, что нужно было обладать громадной энергией ума и воли для того, чтобы не попасть в их шумный водоворот и вместо желаемого берега не очутиться в самой середине клокущего моря. Помимо важнейших политических событий, каковыми были дело царевича Алексея, вопрос о престолонаследии, Ништадский мир, коронация Екатерины, здесь с каждым новым днем возникали новые события первостепенной по тогдашнему времени важности. Такими событиями были и походы, и спуск кораблей, и прорытие

каналов, и постройки новых фабрик и заводов и проч. и проч. Все это предстало пред глазами Прокоповича и каждое требовало от него живого слова, живого участия. Затем его и позвали в Петербург, затем и возвысили, Прокоповичу не нужно было напоминать: он хорошо знал свое дело и выполнял оное с большим усердием и жаром. Ни одно почти событие тогдашнего времени не ускользнуло от его внимания, не получив от него похвалы или порицания. Он оправдывал войны Петра, возбуждавшие такое недовольство в русских, хвалил его личное мужество и самопожертвование в боях, защищал труды царя по устройению флота, предоставляя здравому смыслу каждого рассудить: «к чему толь пространные поля, водные моря и безмерный океан создал Бог, как не к тому, чтобы люди имели взаимную коммуникацию от конец до конец мира сего»⁵⁹, удивлялся величеству и великолепию новоцарствующего града Петрова, прославлял административное устройство, данное России Петром, одобрял установление чина прокуроров, которых называет «всевиждащими очами», и даже учреждение «фискального чина», ибо оный Петр определил для того, чтобы «всякое злодейство аки в зелии эхидна укрытися не могло»; полезные экономические учреждения, созданные Петром, фабрики, заводы, монетный двор, аптеки, холстяные, шелковые и суконные мануфактуры, бумагопрядельни, корабельные верфи, законы о ношении новой одежды, вводимые Петром новые обычаи и пр. и пр. – все это находило свое одобрение и похвалу в живом слове Феофана⁶⁰. Но если где особенно оказал Феофан важную услугу Петру, так это в учреждении духовной коллегии и реформах Петра по духовному ведомству. В этой сфере деятельности Прокопович является пред нами не только сторонником преобразователя, его правой рукой, но почти равносильным ему реформатором. Как бы утомленный кипучей преобразовательной государственной деятельностью, могучий преобразователь, искренно уверившись в сочувствии делу реформ со стороны Феофана, казалось, сдает ему с своих рук дело преобразования церкви, сам оставаясь лишь наблюдателем и контролером над деятельностью Феофана в этой области. И справедливость требует отдать долг чести

искреннему слуге Петра. Ни в одном даже самом мелочном деле, ни одним начинанием Феофан не обнаружил ни малейшей попытки вести дело более или менее несогласно с планами и благожеланиями Петра.

В том же 718 году, в котором; царь высказал, как мы видели, неотложное намерение об учреждении духовной коллегии, Феофан с жаром и принялся за ее устройство. Здесь дело было начато им с того же, с чего начиналось обыкновенно дело устройства и каждой из государственных коллегий. При устройстве государственных коллегий в 18 году Петр повелел особым указом всем коллегиальным президентам «на основавши шведского устава сочинять во всех делах и порядках регламент по пунктам, а которые пункты в шведском регламенте не обозначены или с ситуацией сего государства несходны и оные ставить по своему рассуждению и поставя об оных докладывать так ли им быть»⁶¹. По поручению царя и для будущей духовной коллегии Феофан Прокопович должен был также прежде всего написать подробный устав или регламент. Взятое дело быстро закипело в руках энергичного деятеля. Царь, как узнаем из анекдотов Нартова, и сам сверялся у Феофана о ходе работы по составлению Духовного регламента. На одной пирушке он спрашивал в шутку у псковского владыки: «скажитка, отче, скоро ль наш патриарх-то поспеет? в когда Феофан отвечал: скоро, государь, я дошиваю ему рясу, – то его величество улыбнувшись сказал: а у меня шапка для него готова»⁶². По свидетельству Феофана в письме к Марковичу от 10 мая 720 года труд составления Духовного регламента был окончен им в начале 720 года и представлен к царю, который приказал: «прочитать регламент в своем присутствии и переменяя кое что немного и прибавив от себя, весьма одобрил»⁶³. Приписка к Духовному регламенту обозначает и день, в который происходило это чтение регламента в присутствии государя: «сия вся zde написанная, гласит означенная приписка, первее сам Всероссийский монарх его царское священнейшее величество слушать пред собою чтомая, рассуждать же и исправлять благоволил сего 720 года Февраля 11 дня»⁶⁴. После прочтения и исправления духовного

регламента государем, прислан был им следующий собственноручный указ обер-секретарю сената: «по получении сего (т. е. указа) объяви преосвященным архиреом и господам сенату, дабы проект духовной коллегии, при сем вложенный, завтра выслушали, так ли оному быть, – и ежели что не так покажется, то б ремарки поставили и на каждой ремарке экспликацию вины дела»⁶⁵. Согласно с этим указом 23 Февраля 720 года «регламент слушали, и разсуждали и поправляли преосвященные архиереи, архимандриты, купно же правительствующие сенаторы»⁶⁶. Из архиереев в это время присутствовали в сенате шестеро и три архимандрита. Но никто из слушавших проект коллегии никакой «ремарки и экспликации» на него, по-видимому, не представил. На другой день после этого Петр писал сенату: «понеже вчерась от вас я слышал, что проект о духовной коллегии, как архиреи так и вы слушали и привяли все за благо, того ради надлежит архиреом и вам оный подписать, который потом и я закреплю, а лучше б два подписать и один оставить здесь, а другой послать для подписания прочим архиреом». После этого к регламенту приложили свои руки с одной стороны епископы и архимандриты, с другой сенаторы. К первому маю по именному царскому указу велено было прибыть в Москву для подписи регламента архиереям ростовскому, суздальскому и коломенскому, а также патриаршей области рязанской и помянутых епархий степенных монастырей архимандритом и игуменом. Для этой цели послан был в Москву подполковник Давыдов с регламентом и с указом сената к московскому вице-губернатору Воейкову и к Златоустовскому архимандриту Антонию, которые, объявив регламент, должны были предложить подписать его. Но из опасения, вероятно, что такое предложено может встретить недоразумение, в указе найдено было нужным добавить, что если кто стал бы уклоняться от подписания, у того взять письменное объяснение о причине уклонения. После того, когда было окончено подписание регламента вышеуказанными лицами в Москве, первого сентября того же года дан был Златоустовскому архимандриту новый указ, чтоб он вместе с подполковником Давыдовым ехал

в Казань и Вологду, где должны архиереи казанский, астраханский, вятский, холмогорский и устюжский, а также архимандриты и архиереи степенных монастырей подписаться под регламентом. Архимандрит Антоний уклонился впрочем на этот раз от возложенного на него поручения под предлогом невозможности отъехать из Москвы по случаю отправления им в приказе церковных «превеликих дел» (раскольниковских) и на его место назначен был Спасского монастыря в Казани архимандрит Иоанн Салникеев. К декабрю 720 года подпись под регламентом была совсем уже окончена и, по-видимому, благополучно. Только местоблюститель патриаршества по свидетельству «Молотка на Камень веры» весьма противился и «чрез долгое время подписать Духовный регламент отрицался, отговариваясь немощми, иногда же яко неясным некоторых пунктов толкованием»⁶⁷.

Вслед за подписанием регламента вызваны были в С.-Петербург назначенные для присутствия в духовной коллегии лица, которые «по учинении присяги» до приготовления светлиц, т. е. до 14-го февраля 721 года в Александровском подворье пребывание имели. В январе 25 числа издан был царский манифест об учреждении духовной коллегии. Этот манифест, судя по его слогу и мыслям, принадлежит также вероятно перу автора регламента. Февраля 9-го того же года сенат особыми указами дал повсеместно знать, «дабы писать о чем надлежит к Святейшему правительствующему духовному Синоду доношениями и патриаршие и архиерейские вотчины сборами и правлением ведать в том же Синоде». Приблизительно около этого же времени «его величество слушал сочиненного духовного регламента во второй раз и опробовал оный, по которому учинен духовный Синод, который того же месяца в 14-й день начало свое восприял». Об этом «восприятии начала» Святейшим Синодом на другой день, т. е. 15-го февраля было помещено в «С.-Петербургских Ведомостях» следующее известие⁶⁸: «сего февраля в 14-й день в церкви Живоначальной Троицы на литургии было народное собрание великое, как духовного, так в мирского чина, при котором и сам его царское величество высокою своею особою

присутствовать изволил и предика была о объявлении начинающейся духовной коллегии, которую чинил архиепископ псковский. А по окончании оной служили молебны определенные быть в той коллегии особы». Эта предика о начале духовной коллегии была произнесена псковским епископом Феофаном на тексте: «избрах вас и положих да вы идете и плод мног принесете». Так учреждена была духовная коллегия 14-го февраля 721 года. Духовный же регламент напечатан был только семь месяцев спустя после ее учреждения под следующим заглавием: «Регламент или устав духовные коллегии, по которому она знать долженства своя и всех духовных чинов, також и мирских лиц поскольку оные управлению духовному подлежат и притом в отправление дел своих поступать имеет»⁶⁹. Тридцатого сентября того же 721 года отправлена была из С.-Петербурга от государя грамота к константинопольскому патриарху Иеремии, в коей испрашивалось как от него, так и от прочих вселенских патриархов александрийского, антиохийского и иерусалимского признания со стороны патриархов бытия и канонического достоинства новоустроенного в русской церкви Синода и вместе с тем право иметь последнему с первыми «о всяких духовных делах сношение и корреспонденцию». Ровно чрез два года после посылки Петром означенной грамоты восточным патриархам последние прислали свои ответные грамоты по вопросу, с которым к ним обращались из России (23 сентября 723 года). «Мерность наша, писали в этих грамотах восточные первосвятители патриархи Иеремия константинопольский и Афанасий антиохийский (иерусалимская патриаршая кафедра вдовствовала в это время за смертью патриарха), благодатию и властью всесвятаго и животворящаго и совершенноначальствующаго Духа укрепляет и утверждает и обновляет и узаконяет... что определенный в российском святом великом царстве Синод есть и нарицается нашею во Христе братиею святою и священным Синодом от всех благочестивых и православных христиан священных и людей начальствующих и подначальных и от всякаго лица сановитаго и имеет позволение совершати елика четыре апостольска святии престолы,

наставляет же, увещавает и уставляет, да хранит и содержит непоползновенные обычаи и правила священные вселенских семи соборов и иная елико восточная св. церковь содержит и пребывает во всех весь непоползновенно»⁷⁰.

После сделанного нами краткого изложения истории учреждения Святейшего Синода, держась основной задачи нашего исследования, мы должны были бы рассмотреть проектируемый Духовным регламентом строй жизни церковной в связи с устройством государства, созданным петровскими преобразованиями; показать, какие начала и формы внесены были в этот строй под влиянием создавшегося тогда государственного порядка, в чем сохранена была при этом самобытность прежнего строя и жизни церковной и какие побудительные причины могли заставить Петра ввести новую форму церковного правления на Руси. Но прежде чем приступить к исследованию всех этих вопросов, мы необходимо должны сделать характеристику и разбор того исторического памятника, который кладем в основу нашего исследования.

Как памятник русского церковно-государственного законодательства, Духовный регламент прежде всего с внешней своей стороны, со стороны изложения резко отличается как от соименных с ним исторических памятников петровского времени, регламентов разных других учреждений, так и вообще от законодательных актов тогдашнего времени. Обращаясь к рассмотрению его содержания, мы напрасно стали бы искать в нем спокойного и хладнокровного тона речи, какой приличен канцелярским уставам. Духовный регламент – это литературное произведение, в котором, как в зеркале отразились характерные черты его автора. Живой и подвижный ум составителя духовного регламента Феофана Прокоповича, в данном случае (при составлении регламента) особенно возбужденный, не мог помириться с тесными рамками сухого официального законодательного предписания. В Духовном регламенте виден живой человек, резко определяющий свои симпатии и антипатии, раздраженный своими противниками и преследующий их с желчной язвительностью, беспощадно осуждающей все, что противоречит его убеждениям. Этой

страстностью тона, которая повсюду разлита на страницах регламента, этой беспокойной речью его автора объясняется и недостаток систематичности и частые повторения одного и того же, и, наконец, неполнота, потребовавшая впоследствии многих дополнений. Этим объясняется также и то, что регламент, принятый церковной практикой для руководства, никогда не имел в истории нашей церкви силы обязательного законодательного акта, никогда не имел действительного приложения во всей своей широте и подробностях к нашей церковно-исторической жизни.

Сличая Духовный регламент с другими актами древнерусского церковно-государственного законодательства, находим, что в основании его прежде всего лежат те общие начала церковного управления, которые определены уже отчасти в Священном Писании, но раскрыты главным образом в различных канонических постановлениях православной вселенской церкви и которые были приняты во всей силе и нашей русской церковью и всегда считались у нас необходимым условием истинно-православной церковной жизни. В оглавлении, которое придано было регламенту Феофаном, мы читаем: «управления основание, то есть Закон Божий, в Священ. Писании предложенный, також каноны или правила соборные святых отец, и уставы гражданские, слову Божию согласные, собственной себе книги требуют, а zde не вмещаются». Впрочем, несмотря на поставленное сейчас замечание, автор регламента в очень многих параграфах своего труда в подтверждение своих слов приводит ряд цитат из правил вселенских и поместных соборов, как равно и из правил отцов и учителей церкви вселенской и даже из самого Священного Писания. Иногда не приводя самого текста тех или других канонических правил в подтверждение истинности своих слов, он замечает вообще, что «суть каноны» (т. е. канонические правила), запрещающие епископу, напр., или какому другому лицу то-то и то-то. Что касается ближайших источников, которые легли в основу Духовного регламента, то разбирая его, не трудно приметить, что автору его неизвестны были памятники и древнерусского церковного законодательства и он

нередко ими пользовался, как готовым и уже вполне обработанным материалом. Некоторые определения, например, Стоглавого собора и соборов позднейших регламентом повторяются почти с буквальностью. Таковы особенно постановления о монашестве, о белом духовенстве, о правах и власти епископов и некоторые другие. Наряду с правилами русских церковных соборов в основание регламента легли и те памятники, которые были первоисточниками древнерусского церковного законодательства с самого начала принятия нами христианства. Мы разумеем Номоканон и Кормчую книгу. Постановления последней, т. е. Кормчей книги автор регламента приводит иногда прямо, иногда же как, например, после изложения правил о монашестве, просто лишь заявляет, что де «многая о сих обретаются в книге Кормчей». Так духовный регламент, как акт законодательства церковного, в своей основе держится всех тех источников и признает их важность и значение, кои всегда считались нашей церковью за источники, определяющие церковное право. Но помимо этих церковных источников в регламенте живо отразился дух и характер современного ему гражданского, государственного законодательства. И с этой стороны регламент резко отличается от предшествовавших ему законодательных памятников русской церкви. Вот почему регламент является памятником сколько церковного, столько и государственного законодательства. Так прежде всего за образец при составе нового устава церкви брались несомненно раньше его появившиеся регламенты разных гражданских учреждений. Влияние гражданского государственного законодательства отразилось в Духовном регламенте настолько, что автор его не счел нужным писать даже особых правил о порядке отправления дел в устанавливаемой им духовной коллегии, заметив, что образцом в этом отношении для деятельности коллегии должен служить так называемый генеральный регламент.

Глава II. Церковно-административные реформы Петра Великого – центральные и областные со времени учреждения Синода

Со стороны своего содержания Духовный регламент, как мы уже имели случай о том заметить, представляет из себя особенный интерес прежде всего в том отношении, что он есть учредительный акт новой формы церковного правления. Вводя последнюю, регламент прежде всего старается в первой своей части дать более или менее точное определение ее и выставить те соображения, в силу которых она признана была необходимою; во второй части он очерчивает круг дел, подлежащих ведению духовной коллегии и, наконец, в третьей, по его выражению, он определяет «должность, действо и силу» ее членов. Во всех означенных пунктах, относящихся до устройства новой формы церковного правления, устав является, как известно, не вполне удовлетворительным ни с точки зрения полноты, ни с точки зрения ясности. Это особенно нужно иметь в виду при рассмотрении тех параграфов устава, коими определяется регламентация дел или предметов ведомства нового высшего церковно-административного учреждения. Вот почему и Синоду в его первоначальной деятельности во многих случаях представлялось широкое поле для деятельности произвольной. Первый вопрос, который подлежит нашему вниманию при рассмотрении регламента, есть вопрос об устройстве вводимой им новой формы высшего церковного управления. Для того, чтобы по возможности яснее и отчетливее представить себе, какая перемена произошла в устройстве и характере высшего церковного управления по Духовному регламенту и законодательству Петра его сопровождавшему, чтобы затем дать ответ на вопрос о связи церковно-административных преобразований Петра с реформами его в государственном управлении, о сходстве или тождестве начал, какие проводились преобразователем в том и

другом управлении, нам прежде всего необходимо остановиться несколько и бросить беглый взгляд на действовавший в древней Руси порядок церковного управления и отметить вместе с этим существовавшие тогда отношения между государственным и церковным управлением. Этим путем мы, вместе с тем, по возможности уясним себе происхождение реформ, произведенных Петром в церковном управлении.

Когда хотят отвечать на вопрос о том, какая перемена произошла в устройстве и положении нашей церкви со времени Петровской реформы, то ответ этот в кратких словах очень нередко формулируют приблизительно так: «Петр Великий ввел отечественную церковь в общий порядок государственной жизни». Такому ответу обыкновенно всегда предшествует представление о том, что в древний допетровский период своего существования церковь у нас всегда занимала самостоятельное, почти ни в чем независимое от государства положение, что она была «status in statu» и как бы особым государством в государстве. Так как такое представление основывается лишь на поверхностном взгляде на положение древнерусской церкви, то оно с первого раза может казаться справедливым. Древнерусская допетровская церковь потому главным образом представляется по своему положению малоуависимой от государства и как бы составляющею status in statu, что на ней в означенный период времени ее исторического существования лежало чрезвычайно много, помимо чисто церковных, духовных, – еще государственно-материальных обязанностей. Получив свое первое бытие от церкви греческой, руководствуясь в своем управлении законными книгами последней, русская церковь вместе с этим получила от своих православных государей те же права и тот же круг действий, какие имела церковь греческая. Но при этом, так как положение России было во многом отлично от положения греческой империи, то естественно и само собой понятно, что и постановления греческого законодательства будучи применяемы в России, не могли остаться без изменений, сокращений или распространений. Впрочем, что касается собственно ведомства церковной власти, то уже самими

первыми законодательными нашими актами, определявшими положение церкви, оно распространяется гораздо далее тех пределов, в которых оно заключалось у греков. В своем развитии и дальнейшем область церковной юрисдикции частнейшим образом расширялась и слагалась постепенно. Здесь мы попытаемся в самом общем очерке показать, какими границами очерчивался круг церковного ведомства в древней допетровской Руси. Делаем это для того, чтобы яснее была видна перемена, произведенная в этой области Петром.

С самого начала бытия русской церкви в ведомстве ее легко заметить распадение круга дел на два разряда, из коих один составляли дела собственно церковные в строгом смысле этого слова и другой дела гражданские. К первому разряду относились дела, касавшиеся внутреннего управления церковью, разрешение сомнительных случаев и решение спорных дел к нему относящихся, духовное обличение и наказание нарушителей законов церкви. Сюда же должно быть отнесено и охранение гражданских прав, получаемых церковью от мирской власти с самого начала утверждения церкви на Руси. Права этого последнего рода, как известно, были чрезвычайно широки и разнообразны. Одним из самых первых и притом едва ли не самых важных дел церковного ведомства означенного нами второго разряда, были различные дела по гражданскому управлению. Во все периоды нашей древней церковно-исторической жизни, как известно, духовенство являлось у нас сословием, имевшим величайшее влияние на все дела гражданского управления, особенно же представители его высших церковно-иерархических лиц. Наша церковная история полна примерами, из которых видно самое живое и прямое участие нашего духовенства в деле споспешествования целям государственным. В особенности XVII столетие представляет множество примеров участия духовной власти в делах государственных⁷¹. Помимо прямого и непосредственного участия, которое время от времени представители церкви принимали в делах гражданских с самого начала утверждения у нас христианства, в ведомство церкви поступил широкий и разнообразный круг дел чисто гражданского характера. Это

были дела юридического преимущественно характера. Так с самого начала введения у нас христианства под защиту церкви были приняты все лица, которые, как замечает Неволин, «в прежние времена или совсем не пользовались покровительством законов или пользовались им только несовершенно»⁷². К числу таких лиц особенно принадлежали дети, женщины, престарелые родители, рабы. Особенно судьба последних является тесно связанной с церковью во все периоды ее исторического существования. Наряду с сейчас указанными классами лиц, находившихся под покровительством церкви, такого же покровительства или прямой защиты церкви нередко искали для себя лица обвиняемые в разного рода преступлениях; нередко также наоборот и сама церковь, как известно, принимала на себя ходатайство пред мирским правительством за преступников или за людей, обвиняемых в преступлении. Помимо этих так сказать особых случаев, юридическая власть древнерусской церкви широко распростиралась над лицами всех без исключения состояний. Прежде всего издавна суду церковному у нас подлежали дела семейный в самом обширном их значении. Таковыми были дела союза супружеского, дела союза родителей и детей, дела союза родового, дела опеки, дела по наследству и прочие дела, вытекавшие из семейных отношений. После этих дел гражданского характера суду церковному подлежало множество дел уголовных над лицами всех состояний. Преступления этого последнего рода могут быть сгруппированы по следующим группам: 1) преступления против веры, 2) преступления против чистоты нравов, 3) преступления против союза семейного, 4) преступления против личности ближнего, 5) преступления против имущества ближнего. Если лица всех вообще состояний подведомственны были по известному сейчас обозначенному нами кругу преступлений суду церковному, то естественно ожидать еще более широкого распространения этого суда над лицами собственно духовного ведомства. К этому последнему разряду в нашей древней церкви, как известно, принадлежали: 1) лица духовного звания; 2) миряне, по особенному их отношению к церкви причислявшиеся к церковным людям; 3)

лица, жившие на землях духовного ведомства, и дворовые люди этого ведомства. Лица духовного звания подлежали суду церковной власти за проступки: а) по должностям, соединенным с саном тех, которые имели его; б) по тяжбам и искам гражданским; в) по делам уголовным. К людям подсудным церковной власти причислялись еще некоторые миряне, находившиеся в близком отношении к церкви и ее установлениям. Уставом Владимира к этому разряду лиц причисляются: лечец, прощенник, задушной человек и все люди, жившие в монастырях, больницах, гостиницах, странноприимницах, разумеется, церковных, а также паломник, сторонник, слепец, хромец. По смыслу и позднейших памятников определявших пространство церковного суда над мирянами, стоявшими в особенно близком отношении к церкви, к числу таких мирян относились лица, обозначенные Владимирским уставом⁷³. Наконец, церковный суд в древней Руси распространялся над лицами, жившими на землях духовного ведомства и дворовыми людьми этого ведомства. Обыкновенно почти всегда вместе с пожалованием земель от власти гражданской всегда жаловалось духовенству и право судить живших на ней людей; впрочем, оно иногда было жалуемо и независимо от пожалования земли. Право суда относилось здесь не только к делам гражданским, но и к делам уголовным; обыкновенно, хотя не всегда исключались от него только дела о душегубстве, разбое и воровстве. Помимо дел юридического свойства гражданского характера в ведомстве древнерусской церкви заключалось немалое количество и других дел, которые с течением времени перешли в ведомство власти гражданской, как ближе относящиеся к последней по своим свойствам. Таковыми прежде всего были дела общественной благотворительности в самом обширном значении этого слова. Не только церковь и духовенство своими увещаниями возбуждали проявление общественной и частной благотворительности в обществе, не только указывали направление для той и другой, но обыкновенно принимали под свое непосредственное попечение и самые благотворительные заведения.

Такими широкими границами захватывался круг церковного ведомства в древней Руси. Рассматривая его, мы находим, что в его составе был целый ряд дел чисто гражданского нецерковного характера. Соприкасаясь тесно кругом своего ведомства с государственной гражданской жизнью, древнерусская допетровская церковь соприкасалась с ней еще теснее устройством внешних форм своего управления.

Известно, что существенные черты церковного управления, определенные уже отчасти в Священном Писании, но раскрытые главным образом в различных канонических постановлениях православной церкви, были приняты во всей силе и нашей русской церковью и всегда считались у нас необходимым условием истинно православной церковной жизни. Так что касается высшего церковного управления, то оно с самого начала бытия русской церкви сосредоточено было во власти собора иерархов русского духовенства и в лице сначала митрополитов, а потом патриархов. В древний, допетровский период существования отечественной церкви соборная форма правления была, как известно, временной, вызывавшейся большей частью теми или другими обстоятельствами церковной жизни, которые по обыкновенному порядку церковного делопроизводства надлежало разрешать посредством собора. Вот почему у нас никогда не были с точностью определены как все предметы церковного управления долженствовавшие подлежать соборным определениям, так равно и самое время созыва соборов. Постоянную силу и значение в тогдашнем устройстве такой соборной церковной администрации издавна получило лишь одно правило, в силу которого определения соборов получали свою силу не иначе как по царскому их утверждению, так как сам царь нередко и председательствовал тогда на соборе и ему же часто принадлежала инициатива созыва последних. Обыкновенными же текущими делами церкви заведовала постоянная высшая церковная администрация в лице до 1589 года митрополита московского, а с конца XVI столетия в лице всероссийского патриарха. Внешний порядок управления делами церкви как при верховном архипастыре, так равно и при епархиальных архиереях

организовался постепенно. Эта его организация во весь допетровский период слагалась под сильным и заметным влиянием управления государственного. Известно, что до самого почти начала XVII века в основе как центрального высшего церковного управления, так равно и низшего епархиального лежал частно-владельческий характер, на котором основывалось и древнее гражданское княжеское управление⁷⁴. Выражением такого порядка служил многочисленный штат светских архиерейских чиновников, совмещавших в себе в одно и тоже время обязанности домашних слуг архиерея и вместе обязанности епархиальных чиновников. Когда в течение XV и XVI веков государственная жизнь, под влиянием которой слагался такой порядок церковного управления, изменилась и на место прежнего частно-владельческого княжеского управления стал постепенно выдвигаться государственный порядок с целой сетью правительственных учреждений, правильно более или менее организованных, между которыми разделены были все области государственного управления, то это изменение оказало решительное влияние и на внешние формы церковного управления. У носителей высшей церковной власти явилось желание, возбужденное и чисто церковными (учреждение патриаршества) и политическими обстоятельствами, управлять всей русской церковью чрез точно такие же учреждения, чрез какие совершалось царское управление. Центральными органами гражданского управления в XVI столетии в московском государстве были так называемые приказы, существование которых очень древне и впервые отмечено княжеским судебником. И порядок управления делами церкви в последний пред временем учреждения Синода период, в период управления патриаршего выразился в форме приказов, устроенных по образцу гражданских государственных приказов. Общие черты этого порядка за означенный период времени можно представлять себе приблизительно в таком виде. Верховный правитель церкви, держа в своих руках главное управление церковными делами, имел своими помощником жившего в Москве владыку сарского и подонского. В

позднейшее время постановлено было, чтобы в епархии его находилось несколько таких подвластных ему епископов. Широкий круг дел по управлению делами церкви сосредоточен был при нем в церковных приказах. Таких приказов в XVII столетии было несколько. Так прежде всего в числе их был так называемый патриарший разряд, который был как бы центром всего церковного управления и разнообразные предметы ведомства которого нами уже перечислены. Рядом с этим центральным приказом для надзора за благочинием в церквях и поведением духовенства при патриархе существовал приказ церковных дел, значение которого точно также простиралось на всю русскую церковь. Непродолжительный промежуток времени (1663 по 1675 г.) При патриархе с таким же общецерковным значением существовал патриарший духовный приказ, имевший своей исключительной обязанностью судить все духовенство как белое, так и черное во всех делах⁷⁵. Наконец, Уложение царя Алексея придало самостоятельное существование так называемому монастырскому приказу, учрежденному ранее издания Уложения. Таковы были приказные учреждения при первосвятителе церкви, круг ведомства которых обнимал собой пределы всей русской церкви. К ним нужно присоединить еще те приказные учреждения, значение которых не простиралось на всю церковь, а ограничивалось более узкой сферой управления. Это были те патриаршие приказы, в ведомстве которых состояло управление патриаршим двором в самом широком, тогдашнем смысле этого слова. Сюда относился так называемый казенный патриарший приказ, заведовавший различными сборами, поступавшими в казну патриаршую. Недвижимыми имуществами, населенными и ненаселенными людьми, принадлежавшими патриарху, управляло ведомство так называемого патриаршего двора. Здесь же был даваем суд на патриарших людей приказных и дворовых людей, детей боярских, крестьян вообще на всех людей, живших в патриарших домовых вотчинах. Наконец, патриарший судный приказ ведал патриаршие и монастырские излишние доходы и сборы с раскольников, которые должны были обращаться на содержание больниц, богаделен, сиротских домов и училищ.

Так устроена была сфера высшего церковного управления в досинодальный период истории нашей церкви. По принципу в ней всегда строго соблюдался и уважался порядок соборного правления, приложение которого на практики имело место по различным обстоятельствам только лишь в случаях особой важности и необходимости. Обыкновенный же всегдашний порядок высшего церковного управления сосредоточен был в руках сначала митрополитов, а потом патриархов всероссийских. Порядок отправления различных церковных дел при них был устроен по образцу гражданского государственного порядка и развивался параллельно с развитием последнего. Управление это под высшим и непосредственным наблюдением самого архипастыря церкви распределено было между различными ведомствами, обнимавшими под именем патриарших приказов тот или другой круг дел.

В своей деятельности по преобразованию администрации Петр, говоря вообще, стремился с самого начала этой деятельности к тому, чтобы из бесчисленного множества административных учреждений старой Руси создать более крупные, значительно ограниченные числом административные учреждения, сгруппировав в них с возможной систематичностью прежнего управления. Мысль, которую имел при этом в виду преобразователь, состояла в том, чтобы установить более легкий контроль за управлением. В этих целях за лучшее средство при организации администрации признан был Петром принцип коллегиальности и потому слабые зачатки коллегиальности, которые можно было подмечать в устройстве администрации XVI–XVII вв. им были широко развиты и проведены сверху до низу как в гражданской, так равно и в церковной администрации с той только разницей, что в устройстве первой принцип коллегиальности проведен был с гораздо большей последовательностью. Это замечание, впрочем, имеет место при сопоставлении только лишь низшей или областной гражданской администрации с епархиальной или низшей церковной администрацией, как это мы сейчас и увидим при рассмотрении свойств нового административного порядка.

Коллегиальное начало церковного управления, выраженное в Духовном регламенте, раньше времени учреждения духовной коллегии было проведено Петром в сферу гражданской администрации. Здесь оно выразилось прежде всего в устройстве центрального государственного управления в форме Сената и коллегий. Высшее центральное государственное учреждение – правительствующий Сенат, обязанное своим происхождением чисто внешней случайности – необходимости «частых отлучек» царя из столицы, во все продолжение царствования своего творца подвергалось неоднократно различным изменениям в своем устройстве большей частью благодаря случайным же внешним причинам, благодаря тому, что энергический преобразователь нередко допускал промахи и несообразности в своих распоряжениях и «многое неосмотря делал». В первое время по его учреждении в Сенате велено было заседать тем же думским сановникам, которые заседали и в ближней канцелярии. При решении дел, как это было введено в ближней канцелярии, все сенаторы имели равные голоса, точно также как и все они должны были собственноручно подписывать и сенатские приговоры. Дела решались здесь в первое время единогласием и несогласие одного сенатора делало сенатский приговор недействительным; но несогласившийся сенатор обязан был дать протестацию за своей рукою на письме, т. е. протест должен был быть чем-нибудь мотивирован, а не быть следствием одного лишь упрямства, каприза. Впрочем, указом 714 года апреля 4 введено было решение дел в Сенате по большинству голосов, что естественно должно было быть наиболее удобным и сообразным с деятельностью Сената тогдашнего времени. Все дела, поступающие на решение в Сенат, к какой бы сфере они ни принадлежали, поступали сначала в сенатскую канцелярию к обер-секретарю, который и давал уже им дальнейшее движение. Если по делу не требовалось какой-нибудь справки, то оно могло быть прямо доложено Сенату; если же дело требовало справки, то обер-секретарь обыкновенно делал на нем помету. Дела, подготовленные канцелярией к сенатскому докладу, докладывались обер-секретарем по реестру, по

старшинству их поступления. После выслушания дела решению его обыкновенно предшествовала подача сенаторами мнений начиная с низу⁷⁶. Таково в общем было устройство Сената и таков порядок отправления дел в нем, над описанием которого мы позволили себе остановиться несколько долее потому, что такому же точно порядку в отпращивании своей деятельности должен был следовать и святейший Синод, так как источником для руководства того и другого учреждения служил один и тот же так называемый генеральный регламент. Подле сената поставлены были в известных отношениях подчиненные ему центрально-административные учреждения коллегии. Устройство их в общем напоминало собой устройство Сената. В декабре 717 года издан был Петром указ о штате коллегий и о времени открытия оных. По этому штату каждая из десяти коллегий состояла из одиннадцати членов: президента, двух вице-президентов, четырех советников коллегии и четырех ассессоров. У каждой коллегии положено было быть своей особой канцелярии, которая управлялась коллежским секретарем с нотарием, актуарием, регистратором и переводчиком. Первоначально Петр старался иметь в каждой коллегии по одному или больше сведущих иностранцев. Вот почему на должность вице-президента в коллегию Петр почти всегда назначал иностранца. Например, в коллегии иноземской президентом был граф Головин, вице-президентом барон Шафиров – крещеный еврей; воинская коллегия – президент светлейший князь Меншиков, вице-президент немец Вейдэ. Только в берг-коллегию требовавшую больше всего специальных знаний и президентом был назначен иностранец химик и знаток своего дела генерал Брюс. По указам Петра коллегии должны были решать всякие дела большинством голосов и это производило их отличие от Сената, где по крайней мере первоначально установлено было решение дел по единогласию.

Внешние черты устройства духовной коллегии по Духовному регламенту и сопровождавшему его законодательству определялись почти во всем применительно к государственным коллегиальным учреждениям. Так прежде

всего по отношению к личному составу духовной коллегии Духовным регламентом целиком проводится тоже начало, которое Петр старался провести в организацию светских государственных учреждений. Те же иностранные названия членов, те же условия избрания, то же безразличие по отношению иерархических степеней, равно как и в праве подачи голоса. Духовная коллегия по регламенту должна была состоять из «двенадцати правительствующих особ» или членов из лиц разных чинов – архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и других. В числе этих правительствующих особ непременно должны были быть три архиерея, а прочих чинов лиц, т. е. игуменов, протопопов и других «сколько достойных сыщется» для замещения должности членов в Синоде. В полное соответствие государственным гражданским коллегиям преобразователь называет членов духовной коллегии иностранными именами, распределив эти имена также, как и в прочих коллегиях: один президент, два вице-президента, четыре советника и пять ассессоров. Спустя пять лет по учреждении духовной коллегии в 726 г. эти иностранные названия ее членов были заменены более приличными для назначения коллегии именами первоприсутствующего, членов Синода и присутствующих в Синоде⁷⁷. При составе членов духовной коллегии законодатель больше всего заботился о том, чтобы дать возможно большее обеспечение свободы действий этих членов коллегии. С этой целью при организации состава коллегии он предписывает правило, чтоб архимандриты и протопопы «не были в чину сего собрания, которые подручны суть некоторому архиерею в сем же собрании обретающемуся», т. е. не должны быть в Синоде в качестве членов в одно и то же время лица подначальные со своим епархиальным архиереем, ибо в противном случае подчиненные всегда будут склоняться на сторону начальника «архимандрит или протопоп будет непрестанно наблюдать, к которой стороне судимой преклонен есть епископ его, к той и тот архимандрит и протопоп преклонен будет». Таким образом, состав духовной коллегии из разно-епархиальных духовных лиц по мысли регламента должен был иметь своей целью большую

свободу деятельности лиц, входивших в него. Президенту духовной коллегии регламентом усваивается голос совершенно равный с прочими членами коллегии и он «подлежати имать суду своея братии, сиесть тойжде коллегии, аще бы в чем знатно погрешил», как гласил царский манифест об учреждении духовной коллегии. Имя «президент» старается объяснить в другом месте регламент, отнюдь не содержит в себе каких-нибудь преимуществ, которые бы усвоились лицу, носящему это имя. Имя это «не гордое есть», оно не иное что означает собой, как только «председателя» духовной коллегии, поэтому и лицо, носящее этот простой и огромный титул, не может и не должно «помышлять о себе высоко». Да если бы наконец это лицо и пожелало гордиться носимым им именем, то такое его желание едва ли пошло бы дальше простого желания, потому что при своем проявлении вовне нигде не находило бы для себя фактической опоры. «На президенте духовной коллегии, объясняет регламент, нет великия и народ удивляющия славы, нет лишняя светлости и позора», а потому ни сам он, если бы пожелал, не может возноситься безмерными похвалами ни «ласкатели» его не могут этого сделать, потому что не имеют нужных для достижения цели средств в своем распоряжении.

Так должен был быть устроен по Духовному регламенту первоначальный персонал состава духовной коллегии. Подробнее этот личный состав коллегии определен был последовавшим вслед за регламентом церковно-гражданским законодательством.

Особыми какими-либо преимуществами члены Синода не пользовались. Архиереям, заседавшим в нем, предоставлено было право носить митры с крестом на верху⁷⁸, архимандритам в звании советников золотые кресты⁷⁹. Нельзя смотреть, как на особое преимущество членов Синода на то обстоятельство, что их монастыри и вотчины подчинены были непосредственно самому Синоду⁸⁰. Это было сделано лишь для удобства, как видно из распоряжений Синода на этот счет⁸¹. Кроме того это непосредственное подчинение Синоду вотчин синодальных членов сделано было с целью избавить подчиненных синодальным членам от тех неприятностей и тягостей, какие им

могли наносить в отсутствие их посылаемые от монастырского приказа «посыльщики»⁸². Позднейшим указом от 18 января 727 года членам Синода положено жалованье в таких размерах: президенту 3000 р., вице-президентам по 2500 р., советникам по 1000 р., ассессорам – 600 р. Исключение было сделано только для ассессора грека иерея Анастасия Кондоиди, которому за верную его императорскому величеству будущую в Царьграде при полномочном после господине Толстом его службу «государь указал давать жалованье наравне с синодальными советниками». «Сия дача, говорилось в указе о жалованье синодальным членам, имеет с тем, что они могут получить из своих мест, а именно: архиереи с епархий, архимандриты с монастырей, а протопопы с их жалованья».

Пред вступлением в отправление своей должности члены Синода или, как говорит регламент, «всяк коллегият как президент, так и прочие» должны были принести присягу, в которой они дают обещание как относительно справедливо честного выполнения своих обязанностей по вверенному им управлению, так и относительно строгого соблюдения интересов государственных. В первом отношении «под именным штрафом анафемы и телесного наказания» «они обещаются искать всегда самую сущия истины и самую сущия правды» «и поступать во всем по написанным в духовном регламенте уставам и впредь могущим последовать дополнительным к ним определениям». В случае же, если бы в чем-нибудь явилось недоразумение, то «коллегиат» должен искать всячески «уразумения и ведения от св. писаний и правил соборных и согласия древних великих учителей, а не претворять своего невежества». Вместе с верностью служения назначенному делу члены коллегии дают клятву на верность служения царствующему государю и его преемникам, на то, чтобы с «пожертвованием своею собственною жизнью, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять все к высокому его царского величества самодержавству силе и власти принадлежащая права и прерогативы (или преимущества) узаконенные и впредь узаконяемые, доносить заблаговременно о ущербе его величества интереса, вреде и убытке, строго

содержать вверенные тайны» и, наконец, члены Синода клятвенно должны были «исповедовать крайнего судию духовная сея коллегии быти самого всероссийского монарха». Эта подробная формула клятвы написана также, как и манифест об учреждении Синода, несомненно Феофаном Прокоповичем. Указание на это дают следующие замечательные слова, написанные в конце клятвенных обещаний: «кленуся и еще всевидящим Богом, что вся сия мною ныне обещаваемая неинако толкую во уме моем, яко провещаваю устнами моими, но в той силе и разуме, яковую силу и разум написанныя зде слова чтущим и слышащим являют». Эта оговорка, предусматривающая возможность так называемой *reservatio mentalis*, как замечает о ней г. Морозов, будет совершенно непонятной, если не признать в ней тонкого укора президенту Синода, Стефану Яворскому – укора, который конечно не мог исходить ни от кого другого, как именно от автора регламента. Оговорка эта в связи с тем известием, какое дает нам автор «Молотка на камень веры» о поведении президента Синода относительно регламента, делается совершенно понятной и не требующей для себя никакого комментария. Личный состав духовной коллегии, не вполне обозначенный регламентом ее, определен был лишь позднейшими законодательными распоряжениями. Это определение сложилось под влиянием устройства светских коллегиальных учреждений Сената и коллегий. При организации последних учреждений Петр резче всего, кажется, стремился проявить свое любимое правило – заботу об отчетности. Он крепко держался здесь правила, «чтобы дела не на столе только вершились, но и самым действием по указам воспроизводились». В этих видах созданный Петром центральный правительственный механизм был увеличен рано двумя контрольными учреждениями – прокуратуры и фискал. Прокурорский надзор был явным административным контролем. Петр делает попытки к установлению этого надзора в Сенате очень рано. В 15 году Петр назначил в Сенат со званием «генерал-ревизора» Зотова. Ему было приказано: «иметь столик в той же избе, где сенаторы сидят и записывать указы и вместе

с тем смотреть, чтобы все исполняемо было по указам». После Зотова те же обязанности надзора за сенаторами и порядком сенатских прений были поручены сенатскому обер-секретарю. Последний должен был смотреть: «дабы в Сенате все было сделано порядочно и суетных разговоров, крику и прочаго не было». Незадолго до учреждения должности генерал-прокурора эта обязанности в Сенате должны были отправлять гвардейские штаб офицеры. По указу Петра они по очереди сидели в Сенате и смотрели, «чтобы дела шли правильно»; в случае неправостей должны были напоминать Сенату два раза, а в третий доносить уже на сенаторов государю: «а ежели кто станет браниться или невежливо поступать, такого арестовать и отсылать в крепость и нам потом дать знать». Но, сознавая несостоятельность всех этих мер относительно надзора в Сенате, Петр в 22 году высказывает неотложную потребность в наискорейшем учреждении должности генерал и обер-прокурора в Сенат и просто прокуроров по коллегиям, для того «в сии чины дается воля выбирать из всяких чинов, а особливо в прокуроры понеже дело нужно есть»⁸³. Через шесть дней после этого Петр сам назначил главу прокуроров Ягужинского и Скорнякова-Писарева его помощником обер-прокурором. Представитель государя в Сенате генерал-прокурор должен был смотреть здесь за порядком ведения дел и поощрять к правильному их решению. Он по данной ему инструкции обязан был всегда находиться в Сенате на самых заседаниях и наблюдать, дабы Сенат должность свою хранил и как следует отправлял. Он руководит сенатскими прениями, не допуская сенаторов до излишних разговоров и брани, для чего он вооружен теми же средствами, какие прежде были даны сенатскому обер-секретарю и офицерам гвардии, присутствовавшим при Сенате; а именно: генерал-прокурор назначал по песочным часам срок обсуждения вопроса, останавливал чересчур пылкие мнения, брал с бранившихся сенаторов штраф, а в нужных случаях доносил даже на них государю. Генерал-прокурор собственной властью мог останавливать не правильные, по его мнению, определения Сената. По выбору своему он или дает новый срок для

пересмотра дела или уже докладывает его царскому величеству.

В ведении генерал-прокурора находится и сенатская канцелярия. Все рапорты и донесения других подчиненных Сенату учреждений идут не иначе как чрез канцелярию; следовательно, всегда дела проходят и чрез руки генерал-прокурора. Наконец, генерал-прокурор должен был смотреть, чтобы сенатские решения без замедления достигали до места своего назначения. Как только тот или другой указ был подписан сенаторами, генерал-прокурор приводил в движение все подчиненные ему органы чрез экзекутора или с особенными нарочными рассылал он указы по коллегиям и областным административным учреждениям. Он имел у себя книгу, в которой записывал в одной графе время посылки указа, а в другой время его исполнения. Генерал-прокурор поддерживал, наконец, и законодательно-административную деятельность Сената и своим согласием скреплял все сенатские решения, которые без этого согласия оставались недействительными⁸⁴.

Должность генерал-прокурора соединена была с большой ответственностью. Он был полным представителем государя в Сенате: «чин сей, читаем в генерал-прокурорской инструкции, яко око наше и стряпчий о делах государственных. Предписанные ему инструкцией обязанности прокурор должен был исполнить со всей строгостью «ибо первое на нем взыскано будет».

Генерал-прокурор Сената имел своими помощниками подчиненных ему прокуроров в коллегиях и так называемых надворных судах. Как генерал-прокурор глава надзора, состоя при высшем государственном учреждении, есть «око государя», которому он и доносит о всякой замеченной им неправильности и незаконности, так прокуроры, стоя на второй ступени иерархической лестницы, должны были быть «оком» генерал-прокурора и ему доносить о всем ими замеченном. Как первый в Сенате, так последние в подведомственных им учреждениях смотрят, «чтобы не на стол только дела вершились, но чтоб по оным самая действия по указам, как скоро возможно исполнены были». Для этой цели они пользуются почти теми же

средствами, как и генерал-прокурор лишь с некоторыми ограничениями против первого в правах⁸⁵.

Институт прокуроров во главе с сенатским генерал-прокурором являлся явным административным контролем. Параллельно с ним был поставлен контроль тайный. Такой контроль дан был преобразователем в учреждении другого института – фискалов. Учреждение фискалов относится ко времени учреждения правительствующего Сената. Определяя круг деятельности Сената указом второго марта 711 года, между прочими поручениями последнему Петр поименовал и то, «чтобы учинить – фискалов во всяких делах, а как быть им придется известие»⁸⁶. Этим известием Петр действительно и не замедлил. Указом от 5 марта того же года, определяя порядок заседаний и делопроизводства в Сенате, Петр между прочим указывал: «выбрать обер-фискала в сенат человека умного и доброго»⁸⁷. Должностью государственного фискала при Сенате институт фискалов и начинался. В коллегиях он продолжался званием обер-фискала при государственной юстиц-коллегии и фискала при всех прочих коллегиях. На должность фискалов наказывалось избирать людей добрых и правдивых, «которые, имея добрую совесть пред Богом, могли бы никому не манить и никого напрасно не оскорблять, особливо безпорочно служащих»; наказывалось избирать «из всяких чинов»⁸⁸. Лучшими фискалами были люди из низшего класса, например известный прибыльщик Неклюдов. Сенатский фискал данными ему инструкциями обязывался доносить о всяком лице, как бы оно высоко ни стояло в ряду чиновной иерархии. Но существо фискальской должности в отличие от параллельной с нею должности прокуроров состояло в том, что фискалы обязаны были только: «проведывать и доносить и при суде обличать, а самим ничем ни до кого отнюдь не явно ни тайно не касаться под жестоким штрафом или разорением и ссылкой (смотря по делом чего будет достоин), так же как в письмах так и на словах в позыве всякого чина людям безчестных и укорительных слов отнюдь не чинить»⁸⁹. Равным образом им предписывалось: «осторожно и основательными

свидетельствами поступать и никого безвинно в подозрение не приводить»⁹⁰.

Кроме Духовного регламента д. коллегия в своем первоначальном устройстве и деятельности должна была руководиться еще генеральным регламентом. «О действиях духовных коллегий собственно zde не написано, читаем мы в первом из них, понеже царское величество приказал действовать по генеральному регламенту». Вот почему и первоначальное устройство дух. коллегии определилось параллельно устройству гражданских коллегияльных учреждений. Так прежде всего по примеру вселенских и поместных соборов греческих и русских, где присутствовал или сам царь или уполномоченный от него, в постоянном соборе – Синоде положено было присутствовать обер-прокурору. Высочайшее повеление о назначении в Синоде обер-прокурора состоялось 11 мая 1722 года»⁹¹. Первым обер-прокурором был назначен полковник Иван Васильевич Болтин⁹². На обер-прокурора дух. коллегии возложена была обязанность входить в сношения с гражданским начальством о делах церкви по определениям Синода и подавать отрицательный голос, когда решения Синода в каком бы то ни было отношении могли казаться несогласными с общими узаконениями. Синодальному обер-прокурору дословно была повторена инструкция, данная сенатскому генерал-прокурору⁹³. Как этот последний, так и обер-прокурор синодский в данной ему инструкции называется «оком государевым и стряпчим о делах государственных». Он должен «накрепко смотреть, чтобы в Синоде не на столе только дела вершились, но и самым действием по указам исполнялись». Для целей возможно исправнейшего отправления своей должности синодский обер-прокурор имеет все те средства, какие даны были генерал-прокурору Сената. Первоначально по инструкции прокурор в Синоде имел значение только наблюдателя. Но так как власть всегда стремится к соответствующим отличиям, а ответственность обер-прокурора Синода была очень велика, то последний скоро сделался по оным руководителем синода. Обер-прокуроры Синода впоследствии действовали очень нередко чрез Синод, как чрез

свое орудие и управляли таким образом внутренними делами всей русской церкви... Подле должности синодского обер-прокурора в совершенной сообразности с институтом светских фискалов был поставлен институт фискал духовных, или как они иначе назывались «инквизиторов». Во главе этого института также как и в гражданской администрации, была поставлена должность протоинквизитора при самом Синоде с двумя подчиненными ему инквизиторами. Но протоинквизитор Синода с подручными ему инквизиторами имел местом своего наблюдения не один лишь Синод. Для заведывания ему назначена была своя особая «диспозиция» или округ, обнимавший несколько епархий. Пред вступлением в свою должность лица инквизиторского надзора обязаны были учинить присягу пред Евангелием по особо составленной для них форме. Пред вступлением в свою должность в той или другой местности лицо инквизиторского звания обязано было предъявить свою инструкцию «всем» до кого должность смотрения его касалась»⁹⁴, «дабы известно было как ему по инструкция действовать определено». Наблюдение и деятельность инквизиторов должны были ограничиваться делами и предметами исключительно духовного ведомства, при том так, чтобы они, подобно светским фискалам «ни в какие глас имеющая дела ни явно, ни тайно не вступались и ничем до таковых не касались и вообще поступали умеренно и никаких продерзостей не употребляли». Так при учреждении духовной коллегии, как и в светских коллегиальных установлениях, создан был контроль в лице обер-прокурора и инквизиторов.

По инструкции обер-прокурору подчинена была канцелярия Синода. Устройство последней, после больших хлопот и пререканий Синода с гражданским ведомством, определилось приблизительно в таком виде. Во главе синодской канцелярии стоял обер-секретарь, находившийся под непосредственным надзором обер-прокурора. Обер-секретарь Синода, как и сенатский, наблюдал, чтобы подьячие прилежно отправляли дела. С ним сносились светские лица по делам, касающимся Св. Синода и на его обязанности лежала подпись неважных синодских бумаг и прием бумаг для доклада в Синоде. По штату

синодской канцелярии положены были такие же чиновники, какие значились и в канцелярии правительствующего Сената, а именно секретари, переводчики, протоколисты, архивариусы, актуариусы и т. д. Для исполнения низших служительских обязанностей, при Синоде находились сторожа, которых по штату положено было шесть человек. Кроме их для исполнения тех же обязанностей здесь были солдаты. Генеральный регламент каждой коллегии предписывал иметь «вахмейстера и караульных солдат»⁹⁵. К концу 722 г. мы находим при Синоде уже достаточное число офицеров и солдат⁹⁶. Кроме чиновников, поименованных в штате Св. Синода, при нем были еще некоторые другие чиновные лица. Так, для того, чтобы создать живую связь Синода с Сенатом, необходимость которой на первых порах деятельности Синода ощущалась особенно заметно, при Синоде установлена была должность агента. По инструкции на обязанности агента лежало «рекордовать как в Сенате, так и в коллегии и в канцелярии настоятельно, дабы по оным синодским ведениям и указам надлежащая отправка чинена была, без продолжения времени»⁹⁷, затем агент должен смотреть, чтобы синодские ведомости, посылаемые в Сенат и другие установления, слушались прежде других дел, как о том повелевает Высочайшая резолюция от 15 марта 721 года⁹⁸. Ежели в которой команде будет кто в синодальных делах поступать не по содержанию вышеозначенных и прочих его императорского величества указов, на обязанности агента лежало: «президующим тамо персонам протестовать», а ежели протест не достигнет цели, то доносить об этом генерал-прокурору⁹⁹. Важные бумаги, поступавшие из Синода в Сенат, а также в коллегии и другие ближайшие места, агент должен был сам туда относить и рапорты от президентов этих установлений приносить в Синод. Инструкция агенту заключалась такими словами: «поступать ему, агенту, во звании своем умеренно и благопочтенно, дабы на Св. Синод не нанес какого нареkania и самого себя не показал бы штрафованию повинна, чего ему и опасаться долженствует»¹⁰⁰.

Кроме должности агента мы видим еще при Синоде должность комиссара от монастырского приказа, установленную

Синодом в 21 г. 30 июня по предложению судии этого приказа Ершова¹⁰¹. Обширный круг ведомства монастырского приказа требовал того, чтобы был постоянный представитель его в высшем церковно-административном учреждении Синода. По своему положению и значению комиссар от монастырского приказа живо напоминал собою тех комиссаров из губерний, которые были установлены для присутствия в Сенате. Обязанности этого комиссара определены были инструкцией, данной ему Ершовым. По последней комиссару предписывалось: «ведать и управлять указною корреспонденциею, так, как о том Св. Синоду в доношении Ершова написано»¹⁰². Сверх того «за неудовольствием потребных к делам служителей», синод возлагал на комиссара мон. приказа прием денежной казны, поступавшей в Синод из подчиненных ему мест, ее хранение и приведение в исполнение разрешаемых Синодом расходов¹⁰³. Выдача жалования синодским сторожам¹⁰⁴, расходы по ремонту здания¹⁰⁵ были также на обязанности комиссара, который таким образом являлся в некотором смысле и синодальным казначеем. Таково было внешнее устройство д. коллегии, определенное Дух. регламентом и связанным с этим историческим актом последующим законодательством Петра. В дополнение к нему следует добавить, что управление делами, подлежавшими ведению коллегии, скоро по ее открытии распалось на особые, так сказать отрасли. Восьмая глава генерального регламента, которым Синод должен руководствоваться в своем устройстве, между прочим гласит: «в коллегии не имеют президенты особого труда или надзирания, но генеральную и верховную дирекцию (или управление), а дела между советниками и ассессорами тако разделяются, что каждому как из приходящих в коллегии дел определенная часть, так и над канцелярией и конторами и над делами и трудами оных особое надзирание дается, яко о том в партикулярных инструкциях коллегиев пространно усмотреть можно»¹⁰⁶. Вследствие этого в Синоде устроены были четыре конторы. Одна – заведует школами и типографиями, потому и называется конторой школ и типографий; другая – ведает судные дела и называется

конторой судных дел, третья – раскольнические дела и называется конторой раскольнических дел, наконец, в четвертой – сосредоточены инквизиторские дела¹⁰⁷. Каждая из этих контор должна была рассматривать и решать своей собственной властью все дела, которые «не зело важны». Дела, решаемые в конторах, подписывались членами, заведующими той или другой из них и скреплялись подписом обер-секретаря¹⁰⁸. Дела же более важные конторы со своим мнением предлагали на рассмотрение всего Синода¹⁰⁹. Разделение Синода на конторы существовало только до 1726 г. когда они были закрыты¹¹⁰. Так новый строй высшего церковного управления получил больше самостоятельности в отпращивании своих дел и обогатился новыми, неизвестными дотоле церковно-административными органами, образцом для устройства которых послужили государственные коллегиальные учреждения. Несмотря, однако, на то, что к строю высшей церковной администрации почти целиком приложены были формы светских коллегиальных учреждений, учредительный акт новой формы церковного правления – Духовный регламент чужд мысли о том, что с введением последней высшее церковное управление снисходит на степень «государственного учреждения». По мысли регламента духовная коллегия есть ничто иное как «постоянный церковный собор», имеющий в виду заменить и упразднить собою временные церковные соборы, бывшие, как мы замечали, столь обычным делом в древнерусской церковной жизни. Это ясно видно из того определения какое дает коллегии регламент. Определяя, что такое дух. коллегия, регламент дает понять, что разница между собором и предполагаемой коллегией полагается только в том, что собор созывается на время, а дух. коллегия учреждается навсегда. «Всегдашнее же коллегиум есть, читаем в регламенте, когда именным неким делам, часто или всегда во отечестве бываемым, определяется ко оных управлению число некое мужей». Кроме того, вслед за этим определением или разъяснением неупотребительного дотоле на языке нашей церкви понятия «коллегия», регламент указывает на то, что учреждаемая теперь в России новая форма церковного правления вовсе не есть новость, доселе

невиданная и неслыханная во всем мире. Любопытно, что регламент прежде всего приравнивает новое учреждение к высшему учреждению церкви ветхозаветной: «Такое было, говорится в регламенте, церковное Синедрион в ветхозаветной церкви во Иерусалиме». В других местах регламент прямо называет новое учреждение духовым соборным правительством», (ч. I) «собором», «всегдашним синодом или синедрионом». Помимо Духовного регламента и все другие акты, относящиеся к истории учреждения Синода, не оставляют сомнения в том, что как преобразователь Петр Великий, так и его сподвижник на поприще преобразований Феофан понимали новое учреждение в русской церкви не иначе как постоянным церковным собором. В царском манифесте об учреждении дух. коллегии последняя называется «духовным соборным правительством»; в грамоте Петра к патриарху константинопольскому Иеремии говорится: «заблагоразсудили установить со властью равнопатриаршескою духовный синод». Та же самая мысль о значении дух. коллегии в русской церкви разделяется и восточными патриархами. «Есть и называется (Синод), писал константинопольский патриарх Иеремия в своей ответной грамоте, нашим во Христе братом... он имеет право совершать и устанавливать тоже, что и четыре апостольских святейших патриарших престола». Что же касается соблазнительного для многих названия Св. Синода в регламенте «коллегиумом», то нужно заметить, что это название, ровно ничего собою, не доказывающее, особенно в глазах тех безпристрастных исследователей, для которых *nomina non semper sunt odiosa*, – на практике вовсе не употреблялось. Соответственно «титл» данной государем Синоду на докладные пункты последнего от 721 г. на практике синод с тех пор всегда именовался «Святейшим правительствующим Синодом». Титул «Святейший» усвоен Синоду конечно от русских патриархов, которые именовались не иначе как «святейшими» патриархами и основание для унаследования этого титула лежало не столько в простом преемстве власти, сколько в том, что синод по правам своим признан равным патриаршему достоинству. Титул

«правительствующий» дан был Синоду по сравнению его с Сенатом, который назывался «правительствующим». Что новоустроенный Петром Великим Св. Синод не низводился последним на степень гражданского государственного учреждения, это особенно заметно обнаруживается при взгляде на то положение, которое должен был занимать он по регламенту в ряду параллельных с ним учреждений гражданского ведомства.

По своему значению и правам все государственные коллегии были, как известно, равны между собою. Все они принимали указы только от государя и Сената. Но в последнем отношении коллегиям было предоставлено следующее весьма важное преимущество: «буде Сенат о каком деле что повелит, а коллегиям усмотрит, что то его величества указам и высокому интересу противно, – то государственному коллегиям не должно того вскоре исполнять, но представлять о том Сенату»¹¹¹. Если же Сенат подтверждал свой прежний указ, то коллегия уже должна была его немедленно исполнить, но вместе с тем донести о том государю под опасением в противном случае строгой ответственности¹¹². Затем каждой коллегии предоставлено было право делать представления прямо государю, а также и Сенату, «если коллегия что усмотрит к произведению какой государственной пользы»¹¹³. Кроме того велено: «дела сомнительныя и какого изъяснения требующия не скоро спешить вершением, но или Сенату докладывать или справиться откуда надлежит»¹¹⁴. Предоставляя коллегиям важную власть в делах государственного управления, Петр грозит каждому за всякий непочтительный отзыв о них тяжким наказанием: «яко помешателю добрых порядков и общего покоя, такожде яко противнику и неприятелю его величества воли и учреждения»¹¹⁵. Что касается духовной коллегии, то в сфере своей специальной деятельности по смыслу регламента она является таким же высшим безапелляционным учреждением, каким правительствующий Сенат в своей сфере. Именной высочайший указ об учреждении этой коллегии гласил: «Повелеваем всем верным нашим всякого чина духовным и мирским иметь сие за важное и сильное правительство и у него

крайняя дел духовных управы решения и вершения просить и судом его определенным довольствоваться и указов его слушать во всем под великим за противление и ослушание наказанием против прочих коллегий. Должна же есть коллегия сия и новыми впредь правилами дополнять регламент свой, яковых правил востребуют разные разных дел случаи; однакож делать сие должна коллегия дух. не без нашего соизволения». Зависимость дух. коллегии от верховной власти, кроме указанного здесь случая, выражалась еще в назначении верховной властью членов Синода. Первые члены Синода, как и в настоящее время это бывает при назначении членов Синода, были поставлены в свою должность именным царским указом. Мы уже имели случай упоминать о том, как значительно возвышалось над всеми остальными государственными учреждениями учреждение, стоявшее во главе их, – правительствующий Сенат. Подчиненные Сенату учреждения беспрекословно должны были исполнять все его распоряжения: давать ему известный отчет в своей деятельности и т. д. Очевидно, что духовная коллегия, заменившая собой власть патриарха, не могла стать в подобные отношения подчиненности к Сенату. Указ об учреждении коллегии прежде всего дает знать, что она сама по себе есть «важное и сильное правительство». В третьей части Дух. регламента, в главе о том, какие дела должны подлежать ведению д. коллегии, между прочим читаем (пункт второй): духовная коллегия должна «обвестить или публиковать всем общехристианом коего-либо чина, что можно всякому, усмотрев нечто к лучшему управлению церкви полезное, доносить на письме духовному коллегиям так, как вольно всякому доносить Сенату о правильных прибылех государственных». В пункте тринадцатом той же главы читаем: «и сие немалая должность (т. е. д. коллегии), как бы священство от симонии и безстудного нахальства отвратить для сего полезно есть сделать совет с Сенатом». В означенных пунктах регламента дается понять, что юридически д. коллегия ставится законодателем в совершенно параллельное положение с Сенатом. По представлению самого преобразователя д. коллегия должна была иметь «честь, силу и

власть патриаршескую» и быть совершенно независимым от Сената, равным ему по степени власти учреждением. Это можно видеть кроме сейчас указанных пунктов регламента и из ответов государя на так называемые докладные пункты, предложенные ему Синодом после открытия последнего. Так, например, Синод просил, чтобы на его требования в Сенате смотрели не как на партикулярные дела и доклад их был бы не по реестру, иначе происходит в духовных делах замедление и остановка. На это Петр отвечал: «о духовных делах надлежит прежде всяких коллегийских дел, первыя по наших указах слушать и решать». Или, например, Синод спрашивал: «о прилучающихся требованиях от правительствующего духовного собрания в правительствующий Сенат такожде и в коллегии и от них в духовное собрание каковым образом письменное обхождение иметь?» Петр отвечал: «в Сенате ведение и за подписанием всех, а в коллегии так, как из Сената пишут и за подписанием только секретарским». Из этих ответов государя видно, что по мысли его Синод юридически всегда должен стоять на одинаковой ступени с Сенатом. Как последний был высшим правительствующим и судебным местом в сфере государственной, так Синод д. б. быть таким же в области церковной. Что касается того замечания, выставленного в Духовном регламенте, по которому за неисполнение указов и распоряжений духовной коллегии как «важного и сильного правительства», законодатель угрожает наказанием «против прочих коллегий», то здесь вовсе нельзя видеть указания на то, что степень власти нового, духовного правительства приравнивается ко всем другим коллегиям и что следовательно духовная коллегия наравне с последними должна стать в такое или иное, но во всяком случае подчиненное отношение к высшему административно-гражданскому учреждению, правительствующему Сенату. От одинаковости наказаний заслушивание распоряжений того или другого учреждения вовсе нельзя еще делать заключения об одинаковости прав и власти этих учреждений, особенно в том случае, когда имеется ряд фактов, красноречиво свидетельствующих об их неодинаковости в этом отношении. Правда, на практике тотчас же при

вступлении в отправление своей должности духов. коллегии оказалось нужным упрочивать свое положение и авторитет государственных установлений. Тотчас же после первых шагов своей деятельности Синод обращается к царю с жалобами, в которых объясняет, что в самом начале его действий является «уничтожение и противность и как от Сената, так и от других подведомственных Сенату учреждений» и что если оскорбление власти Синода на первых же порах останутся без «сатисфакции», то на будущее время еще большая подастся к презрению смелость и продерзость, и данная духовному правительству власть «не будет иметь достаточного действия»¹¹⁶. Крайне напряженные отношения, бывшие в первое время между Синодом и гражданскими учреждениями, сделали то, что Синод в ведениях своих и указах стал беспрестанно изъяснять, «что его повелено всем, всякого вида духовного и мирского персонам за важное и сильное правительство иметь, что оный Синод имеет честь, славу и власть патриаршескую». Даже между лицами, подведомственными св. Синоду, находились в то время такие, которые превратно понимали свои к нему отношения, так что было необходимо разъяснять и им его власть и значение. Так, крутицкий митрополит Игнатий прислал доношение, в котором вместо того, чтобы писать: «святейшему правительствующему Синоду», написал «в правительствующую духовную коллегию святейшему правительствующему Синоду». Св. Синод вследствие этого предписал Игнатию, чтобы он «впредь в присылаемых в правительствующий Синод доношениях данную от царского величества оному Синоду честь изъяснять ему без всякого умаления и повиноваться оному во всем безпрекословно, понеже оный Синод имеет честь, силу и власть патриаршескую, или едва и не большую, понеже собор есть»¹¹⁷. Так на практике очень нередко не только Сенат смотрел на св. Синод, как на установление низшее его и даже ему подчиненное, но и подведомственные Синоду лица не всегда понимали власть и значение нового учреждения. Но мы говорим только лишь о юридической стороне дела, а не о том, как было на практике. При тогдашнем положении дел, когда происходила

повсюдная ломка старых порядков, на практике почти каждому новому учреждению приходилось самому выяснять и определять свои права и положение в ряду других учреждений. Это подтверждает красноречиво история почти всех учреждений петровского времени.

Описанные нами внешние черты устройства духовной коллегии по регламенту ее и дополнявшему его законодательству показывают нам сходство форм устроенного Петром центрального государственного и церковного управления. Для организации строя высшей церковной администрации преобразователь брал уже готовые формы раньше ее переустроенной светской государственной администрации. Эти формы, заимствованные от гражданского порядка, тем не менее не нарушали самобытного начала церкви, не низводили ее на степень гражданского учреждения, государственной коллегии по делам церковным, потому что с признанием этих форм духовный регламент совершенно чужд мысли о нарушении церковной автономии. Напротив, эта автономия церкви, повсюду где нужно, подтверждается и регламентом и в еще большей мере и степени сопровождавшим его законодательством.

Всматриваясь в круг дел, отнесенных Духовным регламентом к ведомству новоучрежденной духовной коллегии, не трудно заметить, что очерченное регламентом ведомство высшего церковно-административного учреждения весьма значительно разнится по своему объему от того, какое было сосредоточено в руках высшей церковной власти в предшествовавший патриарший и допатриарший периоды нашей истории. «Что касается церковного управления, говорит Неволин, то в продолжение семи веков, истекший от принятия русскими христианства при Владимире равноапостольном, сила истины, открытой людям в евангельском учении, действовала у нас хотя медленно, но могущественно и произвела свое дело. Общество напиталось благотворными началами. Правила деятельности были высказаны, объяснены примером, поняты, приняты к исполнению. Жизнь семейная была образована, цели, которые должна осуществлять любовь к ближним, указаны.

Люди научены были видеть и уважать во всех людях человеческое, или лучше божественное достоинство. Лицам, которых прежде не ограждали внешние законы, доставлена защита. То, что во времена грубости нравов не считалось преступлением, стало в ряду преступных действий; что не отличалось как особенное преступление получило свой должный оттенок. Власть государственная утвердилась, сознала свое призвание и приняла на себя дело, которое прежде не составляло существенного ее занятия. После сего власть духовная сосредоточила свою деятельность на предметах преимущественно духовных»¹¹⁸. Обращаясь к обозрению круга дел, отнесенных Духовным регламентом к синодскому ведомству, мы находим точное подтверждение этих слов. Правда, время великих реформ Петра еще очень далеко было от точного знания государственного и церковного права; оно не знало еще вполне точно теории разделения властей, границ, где кончаются права того или другого подчиненного органа верховной власти, не умело точно определить задачу и круг ведомства каждого органа власти и отделить их одни от другого. Тем не менее, при внимательном рассмотрении церковно-преобразовательной деятельности Петра в связи с гражданскими его реформами, нетрудно заметить, что общая главная цель и идея церковных реформ Петра состояла в выделении, если можно так сказать, права церковного от государственного. В области гражданской, государственной жизни время Петра было временем широкой разработки, систематизации гражданского и государственного права. Уже самые начальные реформы Петра особенно в области гражданской администрации носят на себе более или менее заметные следы попыток в этом роде. Переустроявая старые беспорядочные административные учреждения, Петр уже тем самым более или менее сознательно прокладывал себе дорогу к той цели, которая или совсем чужда была древнерусскому правительству или если и сознавалась им, то весьма слабо. В учреждении правительствующего Сената, заменившего старую думу бояр, можно видеть весьма ясную попытку выделения из всей области государственного права той его сферы, которой

можно дать название сферы права всем правящего. Сенат потому и назван был Петром «правительствующим», что цель и задача его состояла в том, чтобы править всем и над всеми. Именно во время широких преобразований Петра осязательно чувствовалась потребность в создании такого учреждения. При кипучей и разнообразной деятельности царю самому не было времени для того, чтобы править дедами в кругу своих бояр. Сам царь редкий гость в столице, а правительственная деятельность всегда и прежде исходила сверху, из столицы. Постепенно, так сказать, организуясь во все продолжение царствования Петра, Сенат к концу царствования становится высшим правительствующим учреждением, восполняющим, разрешающим только то, что не имели власти и затруднялись разрешать низшие учреждения. Сенат представлял из себя власть охранительную, контролирующую по всем сферам государственной жизни. Подле Сената поставлен был ряд низших гражданско-административных учреждений сходных с ним по характеру устройства и подчиненных ему в некоторых случаях отправления своей деятельности – коллегий. Низшие органы гражданской администрации центральной в старом московском государстве, как известно, представляли крайнюю беспорядочность в своем устройстве. В них круг дел сосредоточен был без всякой системы и порядка. Взамен их Петром установлены были на манер иностранных коллегии, между которыми поделены были дела. На место целых десятков прежних приказов таких коллегий Петром устроено было всего десять. Круг ведомства каждой коллегии был определен Петром с большей или меньшей точностью, так что коллегии по своей организации, положению, систематичности в распределении круга дел и, наконец, по их отношению к высшему государственному учреждению Сенату далеко превосходили старые приказы. Так в сфере высшей центральной государственной администрации Петр стремился к тому, чтобы создать наиболее крупные административные учреждения и с возможно большей точностью сгруппировать между ними дела. Древнерусская администрация с слабыми задатками коллегиальности в своем устройстве была беспорядочна,

проста; чисто коллегиальная петровская система управления несравненно сложнее по своему составу. Вводя ее, преобразователь, кажется, и не имел в виду цели создать простой и дешевый административный порядок. Цель эта лежала вне намерений Петра: он не опасался сложной и тяжелой системы управления, имел ввиду лишь одно, достижение правильности, порядка в центральном управлении. Эти основные начала гражданской центральной администрации, вводимой Петром, в большей или меньшей мере отразилась и на областной гражданской его администрации. Реформы Петра в сфере областного управления начались с нового областного деления. Как известно, старое московское государство делилось на очень разнообразные по пространству округа, называвшиеся уездами. При Петре произошло новое областное деление. Указом от 708 года 18 декабря из старых уездов московского государства созданы были более крупные областные округа, названные губерниями. Таких губерний указом 18 декабря назначено было восемь для всей империи. Итак, это были тогда очень крупные округа. Каждая из этих губерний в свою очередь подразделена была на провинции, а эти последние на уезды. Итак, вместо простого деления, существовавшего в древней Руси, теперь создано было тройное. В конце 16-го года губернии подразделены были еще на так называемые «доли». Это последнее деление имело преимущественно финансовое значение.

В новых областных единицах создан был административно-судебный порядок не похожий на существовавший прежде. Порядок этот опирался на желания применить в России начала иноземного, главным образом шведского местного управления и поставить вновь изобретенные губернские учреждения в гармонию с новыми высшими государственными установлениями Сенатом и коллегиями. Во главе управления губернией был поставлен губернатор, в пограничных областях носивший название генерал-губернатора. Иногда губерния управлялась вице-губернатором, что значило помощника губернатору. Так; архангелогородские губернаторы с 711 года носят название вице-губернаторов, несмотря на то, что круг их

ведомства, степень и пределы власти были общие губернаторские. Эти новые областные правители становились теперь вполне государственными чиновниками и назначались по личным качествам для пользы службы, а не в видах достижения своекорыстных целей.

Губернаторская власть в губернии не была единоличной. Любимый принцип Петра – коллегиальность введен был им и в областную администрацию. Указы и грамоты, которые посылались от центральной власти в губернаторам содержали в себе обычную формулу: «губернатору с товарищи». Такими товарищами по указу 702 г. тогда еще при воеводах для ведения дел назначались дворяне, помещики и вотчинники подведомственных воеводам уездов. «Ведать всякия дела с воеводы дворянам тех городов, гласил означенный указ, помещикам добрым и знатым людям, по выбору тех же городов помещиков и вотчинников, в больших городах по четыре и по три, а в меньших по два человека и слушав те дела и указ по них чинить с ними воеводы тем дворянам обще и те дела крепить тем воеводам и им дворянам всякому своими руками, а одному воеводе без них никаких дел не делать и указу никакого по них не чинить»¹¹⁹. Этот указ, не вполне выясняющий институт губернаторского правления, более подробно объясняется указом 713 года. При новом делении государства на губернии при каждом губернаторе предписано было: «учинить ландратов в больших городах по двенадцати, в средних по десяти, в меньших по восьми человек; дело их то, что они должны все дела с губернатором делать и подписывать И губернатор у них не яко властитель, но яко президент и имети оному два голоса, а прочим по одному»¹²⁰. Ландраты выбирались в каждом городе или провинции всем местным дворянством из среды его за подписью рук. Часто впрочем Сенат сам без выборов назначал то или другое лицо ландратом»¹²¹.

В губернаторском совете ландраты ежемесячно присутствовали по двое, а к концу года съезжались все в губернский город для отчетности и составления общегубернских ведомостей. Ландратские советы иногда заменяли собою

губернаторов¹²². Но ландраты были не только советниками при губернаторе, но и сами стояли во главе управления известной частью губернии. Мы сказали, что петровская провинция для сбора податей подразделена была на так называемые «доли», из которых в каждой числилось 5536 под дворянами крестьянских дворов. Начальниками этих долей и были ландраты, не переставая в тоже время быть советниками губернатора. В подведомственной им части губернской территории ландраты были самостоятельными правителями, находившимися под начальством только одного губернатора.

Ландрат в своей части действовал не один. Он администратор, судья и сборщик дани в «доле»; но все это он делает с помощью «земского комиссара». «А с теми ландраты для управления всяких сборов и земских дел быть по одному комиссару», говорилось в указе о назначении ландратов. Земский комиссар при ландрате должность важная: он – помощник ландрата. Когда ландрат отправляет очередную службу при губернаторе в ландратском совете, в это время земский комиссар занимает его место в доле. Сбор государственных податей в указанное время прямая и главнейшая обязанность комиссара. Но кроме этой обязанности земский комиссар в подведомственной ему части управленца являлся вообще полным блюстителем государственных интересов не только материальных, но даже и чисто нравственных, потому что он должен был смотреть за тем, чтобы «подданные при всех случаях страху Божию и добродетели к добрым поступкам обучены и поставлены были» и пр.

Так устроена была Петром новая областная администрация в связи с новым областным делением государства. Рассматривая ее, находим, что местному дворянству теперь открыто было совершенно свободное участие в ней. Провинциальная администрация под руководством губернаторов была передана Петром в руки выборных из дворянства. Для того, чтобы создать живую связь областной администрации с высшей центральной – губернии с Сенатом, установлена была, еще при самом учреждении Сената

должность комиссара при Сенате. Определяя состав Сената указом 22 Февраля 11 года, Петр писал: «також со всех губерний в вышеписанном суду (в Сенате) для спроса и принимания указов быть по два комиссара с губернии». Мысль учреждения комиссаров при Сенате выражена в сейчас приведенном указе очень сжато и кратко. Должность учреждалась «для спроса и принимания указов» от губернских властей. Но очевидно, что только этим не могла ограничиться деятельность сенатского комиссара. На практике круг деятельности сенатского комиссара не ограничивался далеко одним лишь приемом и отсылкой входящих и исходящих бумаг сенатских. Комиссаров штрафуют; держат в канцелярии Сената на правеж и учиняют им даже смертную казнь и за множество других дел, неопределенных точно и ясно указами¹²³. В такой форме определены были Петром отношения областной администрации к центральной.

Над областной администрацией также как и над центральной простирался надзор как явный – прокурорский, так и тайный – фискальный. В области генерал-прокурор имел своим помощником прокурора при так называемых придворных судах. Что же касается института фискального, то он, насколько он выясняется в законодательных постановлениях Петра, представлял по своей организации целую иерархию. Начинаясь сверху должностью государственного фискала при Сенате с зависящими от него помощниками, в числе которых двое должны были быть из купеческого сословия, которые могли бы купеческое состояние тайно ведать¹²⁴ «институт фискал в области выражался в должности «провинциал-фискала» при надворных судах и «земского фискала» при губернских правлениях.

Наконец в областной администрации заметнее, чем в центральной проведено было разделение административной власти от судебной. В губернии администрация была отделена Петром от суда. Здесь губернатор с ландратами имел только распорядительную и исполнительную власть, судебные же дела ведались в особых учреждениях и особыми лицами. В губерниях для суда учреждены были так называемые ландрихтеры, имя которых указывает на то, что в кругу их ведомства главным

предметом был суд. И действительно ландрихтер, хотя иногда в кругу его дел и были несудебные, собственно был помощником губернатора по судебной части. «Своим положением при губернаторе, говорит Дмитриев, они напоминают тех «дворян у судебных дел», которые в старину находились при воеводах больших городов¹²⁵. Окончательно судебный характер ландрихтеров выясняется указом 719 года, который предписывает им быть в юстиц-коллегии, не примешивая к этим делам никаких других; вследствие этого в том же году должность эта и была подчинена юстиц-коллегии. В 20 году в главных городах империи учреждены были надворные суды, президенты которых стали называться обер-ландрихтерами. Учреждение этих судов являлось вполне естественным при коллегияльном начале в центральном судопроизводстве. С учреждением надворных судов областное судопроизводство распалось на три судебные инстанции: высшую между ними составлял надводный суд, среднюю провинциальный, а последний низший городской суд. Губернаторам теперь уже окончательно запрещено было мешаться в эти инстанции суда. Была еще сфера, выделенная из областной гражданской администрации. То было управление городов.

В XVII в. действовали очень слабо остатки городского самоуправления, введенного Грозным. Отец и старший брат Петра заботились о поднятии городского населения. Самодеятельность городских общин тогда уже считалось главным средством к поднятию городской промышленности. Петр осуществил это. По указу 699 г. промышленное и торговое население города Москвы получило право выбирать из своей среды бурмистров «добрых и правдивых людей». Они составляли бурмистерскую палату (совет), чередуясь ежемесячно в звании президентов. Совет их ведал городское население в гражданских, торговых и городских делах, собирает подати. И остальные города наряду с Москвой также получили право управляться земскими выборными. Управление бурмистров было вне контроля губернаторов. Так восстановлено было Петром самоуправление городов. Новые городские учреждения имели прямое сходство с учреждениями

Грозного. Только тогда не введено было обязательно самоуправление и окупалось самим городом. Города, хотевшие выйти из-под власти воевод, должны были платить. Московская бурмистерская палата ведала всеми палатами других городов. Она не подчинялась приказному управлению. Впоследствии городские ратуши были преобразованы в магистраты. В Петербурге был устроен главный магистрат, который заменил московскую палату. Устройство этого магистрата не вполне было похоже на ратуши. Городской магистрат ведал городское общество купцов и ремесленников. Купцы делились на 2 гильдии. К первой гильдии относились оптовщики и крупные ремесленники (золотых и серебряных дел мастера); ко второй гильдии торговцы и ремесленники. «Подлые люди» – чернорабочие, числящиеся в гражданстве, составляли 3-й класс. Гильдейское купечество составляло высший класс города. Со старостами его советовались члены магистрата, а старосты чернорабочих должны были только ходатайствовать пред магистратом. Лица, выбранные в члены магистрата, так и оставались навсегда, чем и отличался магистрат от ратуши. Кроме того магистрат заведовал полицией города, уголовными делами, писал даже смертные приговоры, только последние должны были представляться на конфирмацию главного магистрата. Таким образом, новому учреждению была указана техническая цель: прежние ратуши состояли из представителей города, защищавших городские интересы. В магистрате же это было начальство; президент, бургомистр и пр. получали чины. Значит, Петр кончил в городе учреждением техническим и бюрократическим.

Из представленного нами очерка устройства администрации при Петре весьма ясно обнаруживаются те цели и задачи, которые имел в виду преобразователь с ее устройством. Древнерусская администрация как центральная, так и областная представляла из себя крайне запутанную систему управления, потому что при изобилии административных органов, совсем не было правильности в распределении дел. С этого именно наиболее точного определения дел и наиболее систематического распределения их по их сходству между

административными учреждениями и начались реформы Петра в административной области. Цель создания такой администрации лежала вне последней, взятой самой по себе. Вся Петровская администрация рассчитана была в казенном, чисто финансовом интересе, который подсказывался Петру, как предшествовавшей ему правительственной деятельностью, так и современными нуждами государственными. Но помимо этой прямой цели путем создания нового государственного управления весьма рельефно обозначились границы различных отраслей государственного права, действовавшего правда и при старой системе управления, но если можно так сказать, ясно и отчетливо не признаваемого. Такой разработке так сказать права, весьма много способствовал тот принцип, которым руководился преобразователь, по которому он стремился из всей области администрации выделять отдельные ее части и вводить в этих последних то, что называют самоуправлением. В устройстве городской и дворянской администрации, созданной Петром, этот принцип становится весьма заметным. Так устроенный Петром механизм государственного управления, с большей или меньшей точностью вобравший в себя все предметы государственного ведомства, впервые, кажется, установил в государстве известную определенную систему государственного права, более или менее ясно признаваемую самим государством. Благодаря этому обстоятельству теперь государство впервые могло отделять себя от церкви, область права которой до сего времени была перемешана с областью государственного права.

Тоже аналогичное с реформами государственными явление мы наблюдаем, рассматривая церковные реформы Петра. Вводя новую систему церковного управления, сходную по своим внешним формам с системой государственной, Петр стремился в тому, чтобы определив более или менее круг ведомства церкви, определить вместе с этим и границы церковного права, доселе неясно отделявшиеся от государственного права и с ним перемешанные. Духовный регламент, как акт законодательный, помимо установления новой формы церковного управления, имеет в виду еще и более или менее точное определение как права всей церкви вообще,

так и отдельных сторон церковной жизни. В этом отношении он является аналогичным актом с памятниками гражданского Петровского законодательства – регламентами и законами учреждений гражданских. Только в изложении этих попыток регламент является наиболее живым памятником, чем эти последние. Рассматривая его содержание, как акта, определяющего права церкви, нужно поэтому иметь в виду лишь основные его мысли и дополнять его другими законодательными актами.

Описание круга дел, подлежащих ведению духовной коллегии, содержится во второй и третьей частях духовного регламента. Здесь предусмотрен двоякий род дел, на которые духовная коллегия должна была простираť свою деятельность. Дела эти могут быть или «общие», касающиеся «как духовного, так и мирского чинов и всех великих и малых чиновных степеней также и рядовых особ» или частные дела одного «духовного чина». Под именем подлежащих ведению духовной коллегии «общих дел» регламент разумеет все то, что имеет такое или иное отношение до религии и нравственности христианина. «Зде наблюдать подобает, говорит регламент, аще все правильно и по закону христианскому деется, и аще, что оному противно обретається и несть ли коея скудости в наставлении христианину всякому подобающем». Таким образом, внутреннее управление церковью, духовный суд в делах веры, попечение о нерушимости внешних прав, предоставленных церкви верховной государственной властью, оставались и после преобразования церкви обязанностью церковной власти. Важнейшее право, а вместе с тем и обязанность Синода составляли забота о чистоте веры в России и о чистоте нравственной жизни русского народа. В силу этих двух прав Синод поставлен на степень высшей инстанции: а) церковного управления и б) церковного суда. Предписывая Синоду заботиться о чистоте веры народной, регламент прежде всего излагает ряд мер полицейского претительного свойства, а потом развивает меры и активные, имеющие целью распространить в народе понятия чистой веры. Того же порядка держится регламент, рассуждая о народной нравственности.

Прежде всего, он запрещает пороки, а потом преподает правила к распространению в народе понятий о добродетелях.

Возлагая на Синод обязанность блюсти чистоту народной веры, регламент первоначально предписывает ему очистить веру народа от различных суеверий.

Суеверие «прельщающее, по выражению регламента, простой народ, и аки снежные заметы правым истины путем возбраняющее», наделало правительству едва ли не больше всего хлопот в деле преобразовался русской общественной жизни. Это было тогда зло, распространенное во всех классах общества, обретавшееся «во всех чинах его». Это замечание регламента нельзя считать преувеличенными и с ним нельзя не согласиться. Ниже мы будем иметь случай показать, как глубоко распространен был этот порок даже в среде самих пастырей церкви. Исследователи религиозного быта России в XVII в. обращают между прочим внимание на тот факт, что в первые века христианства в России, оно, судя по письменным памятникам представляется более чистым, нежели в XVI и XVII вв. и говорить, что в эту эпоху снова появляется множество суеверий и как будто вновь воскресает умирающее язычество¹²⁶. И при предположении преувеличения в указанном положении исследователей все же нельзя не согласиться с тем, что в нем заключается значительная доля правды. Современники Петра Великого отзываются о религиозно-нравственном состоянии народа почти буквальными словами древнерусских исторических свидетельств об этом предмете. «Окаянные последние времена наши, пишет святитель ростовский Димитрий в начале XVIII в., с трудом можно где найти истинного сына церкви; почти в каждом городе изобретается особая вера, простые мужики и бабы догматизуют и учат о вере». «Не обретается в нас ни знака христианского, повторяет вслед за ним Посошков, кроме того, что только мы именем словом христиан, а чего ради христианами нарицаемся и что в том нарицании сила, того отнюдь не знаем же». В Духовном регламенте приводится любопытный перечень суеверий, господствовавших в народе; он обнаруживает в народной среде до крайности невежественный и внешний

взгляд на веру, даже остатки язычества. Так, в народе существовало убеждение, что каждую недельную пятницу необходимо проводить в праздности, также поститься двенадцать каких-то именных пятниц в году, что благовещенская обедня важнее других, утренняя в Светлое Воскресенье и вечерняя Пятидесятницы более важные службы, чем во всякие другие дни; что человек погребенный в Киево-Печерском монастыре, хотя бы он умер и без покаяния, непременно будет спасен. Наряду с этими суеверными убеждениями в народе существовало множество нелепых обрядов и суеверных церемоний, которые разделялись и самими пастырями народа. Так, регламент приводит пример, что Стародубье в церковном ходу водили женщину с распущенными волосами, называя ее Пятницей, а в церкви воздавали ей честь, принося подарки. Во многих местах священники молебствовали «под дубом» и, срывая ветви последнего, раздавали их народу, как какой-то благодатный символ. Другие священники «молитву людям далече отстоящим чрез посланников их давали в шапку». Такие грубые суеверия господствовали в среде народной массы. Не чужды были их нередко и люди высшего класса, «персоны разных высоких чинов и рангов». Вот, например, какими чертами описывает злое перо памфлетиста Татищева и самый двор цариц и царевен: «от набожности он был госпиталем на уродов, ханжей и шалунов. Между многими такими был знатен здесь Тимофей Архипович, которого за святого и пророка суеверцы почитали. Как я отъезжал в 722 г. другой раз в Сибирь, к горным заводам и приехал к царице прощение принять, она, жалуя меня, спросила одного шалуна, скоро ли я возвращусь. Он, как меня не любил за то, что я не был суеверен и руки его не целовал, сказал: он руды иного накопает да и самого закопают»¹²⁷. (Речь идет здесь о царице Прасковье Федоровне). Известны также хорошо качества первой супруги Петра, Евдокии Лопухиной. Понятно, как чувствовал себя в такой среде преобразователь. Отрешенность от древнерусского благочестивого направления с самого детства, дружба с не православными, свободный взгляд на вещи далеко отшатнули его от окружавшего его общества и

сообщили ему болезненную ненависть к религиозному суеверию и религиозной исключительности, ко всему тому, что в сознании народа считалось существеннейшей принадлежностью религии и в то же время в действительности лежало вне религиозной сферы. С величайшею энергией и озлоблением во все продолжение царствования он преследует суеверные злоупотребления в делах веры, «все лишнее, выражаясь словами регламента, ко спасению не потребное, на интерес только свой от лицемеров вымышленное», все эти вымышленные обряды и суеверный церемонии, которые человека в «недобрую практику ведут и образ ко спасению ложный предлагают». Строгие наказания, телесные пытки, вечная ссылка на галеры, по предварительном вырезывании ноздрей и ушей, смертная казнь чрез сожжение ровно ожидали пред судом Петра всех распространителей суеверий. Вот почему в Духовном регламенте забота о частоте народной веры поставлена так сказать в главу всей синодской деятельности. Из общей обязанности Синода заботиться о чистоте религиозных верований в народе ему вменяется регламентом в особенное внимание разыскать вновь сочиненные акафисты и молебны и рассмотреть, согласны ли они слову Божию; на нем же лежит обязанность рецензировать все сочинения духовной или церковной письменности: «аще кто о чем богословское письмо сочинит и тое б не печатать, но презентовать первее в духовный коллегийум». Синод должен определить, какие из многочисленных молений обязательны для христиан и какие могут быть исполняемы по соизволению каждого «дабы по времени не вошли в закон и совести бы человеческой не отягощали». Синод должен рассмотреть биографии святых, не вымышлены искоренения других родов нравственных недостатков такие меры мало действительны: они ведут только к тому, что порок прячется и не показывается. Другое дело нищенство: она составляет нарушение того закона, по которому все здоровые члены государства обязаны приносить на общее благо свой посильный труд. Что касается добродетели милосердия, то она в простом ее виде непосредственного подаяния бедному человеку без разбора способствует развитию

нищенства и поэтому заслуживает порицания в регламенте. О подаении милостыни, говорит регламент, должно коллегиям духовное сочинить наставление: ибо в сем не мало погрешаем. Много лентяев питается подаением, что противно христианскому учению, ибо Господь велел всем кормиться от праведных трудов своих. Да и государству большой вред отсюда, ибо сколько тысяч людей не только не работают, но еще истребляют плоды чужих трудов, нагло выпрашивая себе подаения. Благодаря этим бесстыдным попрошайкам истинно бедные люди часто лишаются возможности получить вспомоществование. Эти бездельники так как здоровы, скорее являются за милостынею, где она раздается, чем калеки, убогие и пр. Многие же из лентяев и тунеядцев грабят и убивают проезжих по дорогам, поджигают села, пьянствуют, вселяют в простом народе неуважение к властям, ослепляют и изувечивают младенцев для того, чтобы разжалобить подателей милостыни и собирать больше подаения. Коллегиям должно подумать, как бы уничтожить это страшное зло и определить правильный способ подаения милостыни – «хватать бы таковых всюду, советует от себя регламент, и к делам общим приставлять». Все рассмотренные нами меры регламента против искоренения религиозно-нравственных недостатков общества совершенно отрицательного и притом исключительно внешнего свойства. Они имеют силу не столько нравственного убеждения и увещания сколько юридического, законодательного акта, неисполнение которого сопряжено с тяжелой ответственностью. Закон запрещает веровать в ложные чудеса и видения, точно также, как обманывать, грабить, убивать, налагая за нарушение этого запрещения кары, если не одинаковые, то совершенно однородные. Насколько сильны такого рода меры в данном случае, ли они, не противны ли христианскому учению. В подтверждение неотложной необходимости этого дела регламент указывает для примера на житие Евфросима Псковского, где заключаются раскольничьи мнения о сугубой аллилуиа и даже мнения еретические, например, Савелия, Нестория.

Так составитель регламента при новом порядке в строе церковной жизни желал бы повести дело обновления народной веры так сказать с самых корней: с тщательного пересмотра всех тех источников, которые были в обращении у народа и давали обильную пищу всем его религиозным понятиям. Но не одними только «болгарскими сказками и бабскими бреднями», бывшими в весьма популярном обращении в среде нашего общества XVI и XVII вв. питалось и поддерживалось религиозное его чувство. Другой обильный источник для него доставляли различные проделки тех темных личностей, которые эксплуатировали на разные способы религиозное чувство массы. Множество подложных мощей и чудотворных икон было распространено по лицу земли русской в XVII в. Редкая новая церковь в это время устроилась без того, чтобы не было предварительно какого-нибудь сверхъестественного знамения, вызывавшего собой ее постройку. «Сказуют, читаем в регламенте, что неции архиереи для вспомошествования церквей убогих или новых построения, повелевали проискывать явление иконы в пустыне или при источнике и икону оную за самое обретение свидетельствовали быти чудотворною». Синоду вменяется регламентом в строгую обязанность разыскать, нет ли где подложных мощей; при открытии мощей новых угодников удостоверяться в действительности их и отсутствии подлога; также удостоверяться в действительном существовании объявленных кем-либо видений, наблюдать не появляются ли где выдающие себя за чудотворцев; искоренять сейчас указанные злоупотребления архиереев. Говоря короче Синод тщательно должен оберегать религиозное чувство народа, расследовать всюду и все «вымыслы ведущие человека в недобрую практику».

Рассуждая о народной нравственности, регламент предписывает предпринимать полицейские меры только лишь против порока нищенства. Составитель регламента сознает, что в деле это понятно. Они могли только на время прикрыть обнаружение суеверий и нравственной распущенности в обществе. Это ясно сознавал и законодатель, как равно сознавал и то, что корень зла таится в данном случае в

народном невежестве, в непонимании самых элементарных истин христианской веры. «Когда нет света учения, говорит регламент, нельзя быть доброму церкве поведению и нельзя не быть не строению и многим смеха достойным суевериям, еще же и раздорам и пребезумным ересем». Преобразователь ясно сознавал потребность дать народу взамен суеверных понятий о Боге и его святых чистые верования. Не искоренить только суеверия и пороки, но и научить народ правой вере и чистой нравственности – вот задача, которую преобразователь желал бы решить. Но оглядываясь кругом и спрашивая: «есть ли у нас довольное ко исправлению христианскому учение», он не видит вокруг себя людей, готовых и способных действовать на массу путем убеждения. Чтобы приготовить таких деятелей потребно продолжительное время, а между тем народ на все это время будет обречен коснеть в невежестве. Нужда в духовном образовании народа действительно живо чувствовалась людьми преобразовательной эпохи. Народ решительно почти не находил никаких средств удовлетворять своей потребности духовного просвещения. Мы ниже будем иметь случай показать, в каком состоянии находилась в это время живая устная проповедь. Здесь заметим только, что, по словам регламента, «чистое слово сложить мог даже не всякий из епископов». Кроме же проповеди у народа не было никаких других источников, из которых он мог бы почерпать наставление в христианской вере и нравственности. Правда в XVII в. на Руси было чрезвычайное обилие переводов святоотеческих творений, а к концу века появилось много и оригинальных русских сочинений в роде, например, проповедей Полоцкого, обличительных сочинений против раскола. Но вот что говорит, например, известный в истории русского проповедничества этого времени орловский священник относительно книг Полоцкого. «Обед душевный и вечера душевная люботрудного и мудраго мужа отца Симеона Полоцкаго слог и тоя простейшим людям за высоту словес тяжка бысть слушати и грубым разумом невнимательна, а Божественнаго Златоуста беседы его и нравоучение и Евангелие и Павлово послание зело невразумительна... не точию от мирян, но и от священник

иностранным языком та Златоустаго писания нарицахуся»¹²⁸. Другие книги, какие только были в народе для научения его истинам веры, были, по словам регламента, «неудобны, наипаче простому народу, ибо книга Омологии, или Исповедание Православное (единственный катехизис того времени), немалая есть... и писана непросторечно и для того простым не весьма внятна. Також и книги великих учителей... писаны суть эллинским языком и в том токмо языке внятны суть, а перевод их славянский стал темен и с трудностию разумеется от человек и обученых, а простым невеждам отнюдь непостижаем есть. И сверх того толковательные беседы учительные много имеют высоких богословских тайн, и также и не мало сказуют, что тогда сказывать подобало по приклонности разных народов и по обстоятельству оных времен, чего ныне невежливый человек в пользе своей употребить не умеет». Понятно, каких книг требовал тогдашний народ для своего назидания, народ, который всю свою надежду в деле спасения, по словам Пекарского¹²⁹, «возлагал на пение церковное, пост и поклоны и прочее тому подобное в них же строение церквей, свечи и ладан». Такому народу было не до созерцательных богословских творений, а тем более не до риторической схоластики юго-западной учености. Известный Посошков с замечательной ясностью понимал духовные потребности народа своего времени, когда обращался к митрополиту Стефану Яворскому с просьбой поучить народ, как Бога знать и как его чтить и как Пресвятую Богородицу и как ангелов Господних и как образы их почитать и свечи с каковым намерением пред кои иконы поставлять и кои свечи идут в честь самому Богу и кои токмо единому изображению»¹³⁰. В одном из своих проектов о народном образовании¹³¹ Посошков предлагает напечатать «малыя тетрадошки» с кратким катехизическим содержанием и раздать их всем жителям России, также краткие нравственные поучения о должностях каждого чина людей. Другой прожектор петровского времени Авраамов предлагал сделать точную перепись народа «и против той переписи напечатать толикое число в малых тетрадошках славословие Божие, царю небесный, заповеди Господни и церковные и проч. и разослать

эти тетрадки чрез епископов по приходам, чтобы каждый прихожанин имел их пред собою, читал и слушал каждый день и чрез год испытывать его в знании того, что содержится в них. Тогда, по словам Авраамова, «во всем народе плод правды легко умножится, а злоба искоренится»¹³². Для нас важна в данном случае мысль этих проектов, верно отзывавшихся на духовные нужды времени. Имея в виду ту же потребность в элементарном наставлении народа правилам веры регламент возлагает на Синод обязанность в видах наискорейшего обучения народа – составить такие руководства (книжицы), которые бы излагали главные догматы христианской веры и нравственности и которые бы написаны были кратким и понятным для народа языком. На первый раз достаточно сочинить три таких книги. В первой из них должны быть изложены главные догматы религии и заповеди Господни; во второй обязанности каждого чина и в третьей должны быть изложены главные образцы разных общепонятных проповедей разных учителей церкви. Эти книжки священники должны читать после утрени и обедни, так чтобы в четверть года они были прочитываемы все. При этом наблюдается еще и та польза, что первую и вторую книги могут изучать дети в начале своего обучения грамоте. В виду необходимости всем иметь эти книги, последние не должны дорого стоить в продаже, чтобы были доступны по цене не только церквам, но и частным даже лицам. Этот проект регламента приведен был в исполнение еще раньше издания самого регламента. В 720 г. в С.-Петербурге было напечатано «первое учение отроком, в ней же буквы и слоги, также краткое толкование законного десятилетия, молитвы Господней, Символа веры и девяти блаженств». Составителем этой книги был автор регламента. Кроме этой книги Прокопович же написал для тех целей «Катехизис с кратким объяснением всех важнейших должностей». Вместе с ним Стефан Прибылович написал «Катехизис преимущественно о должностях христианина»¹³³. Таковы регламентарные предписания, данные в наставление Синоду для исправления народной веры и нравственности. Рассматривая их, легко заметить, что составитель регламента, ученый богослов своего

времени, усвоивший воззрения протестантского рационализма, с глубоким пренебрежением отнесся к народному пониманию религии. В борьбе с религиозно-нравственными недостатками времени он совсем не признает той вероисповедной исключительности, в духе которой вело эту борьбу древнерусское законодательство. Не с точки зрения греха или несообразности с верой смотрит он на недостатки религиозно-нравственной жизни народа, как смотрело на них законодательство древней Руси, а преимущественно со стороны противоречия этих недостатков разуму и естественности. Он выступает в регламенте рьяным проповедником разрушительного учения, в корень подрывавшего все то, что считалось основой святорусского благочестия. Он первый провозглашает мысль о том, что в этом благочестии «многое наплутовано», что для духовной пищи народа «предлагаются чуждая некая бездзделия». Феофан, как и сам преобразователь, считают теперь вполне возможным с помощью строгих репрессивных мероприятий сразу уничтожить все проявления старинного склада древнерусской жизни, которые шли так или иначе в разрез с их собственными понятиями. Правда, в регламенте не отрицается та истина, что главным орудием для борьбы с суевериями народа должно быть просвещение. Но этому последнему усвоится внешне формальный характер. Преобразователь считает возможным научить народ истинам веры также, как ружейным приемам или фабричному производству. Легко понять, как мог относиться народ к этому формальному слушанию нравственно-религиозных наставлений «о собственных всякого чина должностях и о главнейших спасительных догматах веры нашей». Сухие, отвлеченные догматические положения, изложенные в рекомендованных Феофаном «книжицах», также скоро и легко забывались народом, как скоро и затверживались в его памяти, если только когда они преподавались народу путем, рекомендуемым регламентом.

Из права и обязанности Синода следить за чистотой православной веры и нравственности вытекало для него право высшей администрации и суда а) над лицами и учреждениями,

назначение которых состояло в том, чтобы содействовать Синоду в достижении означенных целей. Синод есть высшее административное и судебное место для лиц, составляющих церковную иерархию: архиереев, архимандритов и всего духовенства; духовно-воспитательных учреждений и церковных имуществ; б) для мирян по вопросам веры и нравственности и некоторым другим. Частнее определяя права Синода, как высшего административного по церковным делам учреждения, регламент возлагает на него следующие обязанности по отношению к подведомственным ему лицам и установлениям. Прежде всего регламент старается точно определить обязанности Синода по отношению к высшим иерархическим лицам в церкви – архиереям. По отношению к этим лицам он возлагает на Синод следующие обязанности. Духовная коллегия прежде всего должна была заботиться о том, чтобы высшие церковно-иерархические места занимались людьми их достойными. Она испытывает производимых в архиерейский сан не ханжи ли они, не суеверы ли и проч., ежели при посвящении епископа откроется, что он имеет богатство, то коллегия опрашивает, новопосвящаемого, откуда и каким путем приобретено оно и как велико. Так епископ поставляется в зависимость от высшей церковно-административной власти с самого принятия им на себя сана. Эта зависимость продолжается затем и во все время управления преосвященного вверенной ему епархией. Епископ по регламенту должен обращаться к Синоду за решением всех сомнительных вопросов архиерейской практики, а также и пререканий, возникающих между преосвященными. Синод свидетельствует и рассматривает отчеты епископов о состоянии их епархий. В случае болезни, старости тех или других епископов, Синод в пособие им для управления епархиями или назначает администраторов, или же устраняя прежних, назначает новых епископов. Особенное внимание Синода наконец в отношении его к епископам обращено на наблюдение за епископской властью в вопросе о церковном наказании. Он, Синод, должен строго смотреть за тем, чтобы епископы

отлучали от церкви или снова разрешали не из-за корысти, личного интереса или мести.

В вопросе о церковных имуществах административная власть Синода по регламенту простирается на наблюдение за целостью церковных и монастырских имуществ. Духовная коллегия должна смотреть, кто из духовенства распоряжается церковными имуществами и как, куда употребляются доходы церковные и не расхищаются ли, с расхитителей же допрашивать расхищаемое. Чрезвычайным монастырским расходам каждый раз в коллегииум делается смета, сообразно с доходами тех монастырей, которые просят сделать эти расходы. А для постоянного контроля над монастырскими имуществами должны быть заведены в Синоде книги, в которые записываются ординарные расходы всех монастырей.

Исключительному, наконец, ведомству Синода подчинены духовные учебно-воспитательные заведения, проект которых подробно изображен в регламенте.

Как высшее административное место Синод, наконец, только один имеет право сноситься со светскими учреждениями в тех указанных нами случаях, когда интересы церкви соприкасаются с гражданскими или когда для достижения духовных целей требуется принятия гражданских мер.

Круг ведомства духовной коллегии как высшего судебного учреждения значительно сужен регламентом сравнительно с прежней высшей судебной властью церкви. Некоторые предметы, доселе находившиеся в ведомстве церковного суда, с учреждением духовной коллегии отнесены к суду гражданскому. Это дела по сущности своей более относящиеся к государству, чем к церкви. В ведомстве суда церковного регламентом оставлены, кроме преступлений против веры и нравственности, многие дела, вытекающие из семейного союза, а именно: дела о сомнительных браках (заключенных в запрещенных степенях родства и свойства, совершенных по принуждению со стороны родителей или помещиков и т. п.). Указами от 12 апреля 722 года и сентября 4-го того же года изъяты из церковного ведомства дела: о наследстве, о браках против воли родителей, о блуде и детях, прижитых в нем, о не

бывающих у исповеди и св. причастии и отчислены к ведомству судов гражданских. Только для постановления церковного наказания за эти противонравственные проступки гражданские судьи должны были обращаться к суду церковному»¹³⁴

В делах собственно духовных Синод является высшей безапелляционной инстанцией. Как такой он разбирает жалобы на несправедливые приговоры подчиненных судебных органов – судов епископских. Все низшие духовные лица и миряне свободно могут приносить жалобу на своего епископа в коллегиум. В качестве верховной судебной инстанции Синод разбирает тяжбы между самими епископами или епископами и другими лицами. Суду его же подлежат и члены самой коллегии.

Таков объем прав и обязанностей Синода по Духовному регламенту. Рассматривая его, легко заметить, несмотря на всю его неполноту, что преобразователь имел в виду в делах собственно духовных дать Синоду всю сумму власти, какая была сосредоточена в руках высшей церковной власти до времени его учреждения и какая должна принадлежать последней и по каноническим церковным определениям. Святейший Синод в первое время своего существования получил даже в свое непосредственное заведывание все те дела, которые подлежали рассмотрению собственно епархиальной патриаршей властью. Известно, что патриарх с одной стороны был епархиальным архиереем в патриаршей епархии с властью совершенно одинаковой власти всякого епархиального архиерея в своей епархии, с другой стороны патриарх был правительственным лицом для всей поместной русской церкви¹³⁵. В первое время существования Св. Синода мы видим то же самое: для С.-Петербурга с новозавоеванными городами не был назначен особый епископ; вся эта местность состояла в непосредственном ведении св. Синода и называлась «с.-петербургскою епархией св. Синода. Последнее происходило впрочем больше, кажется, не из желания даровать таким путем равнопатриаршие права Синоду, а было скорее следствием столь обычных, обнаруживающихся всегда и везде при создании новых административных порядков, промахов, неумелости по новости дела довести его до конца и развить

план нового строя во всех подробностях. Создана была вследствие новых территориальных приобретений новая епархия и по ее новости не сочли нужным назначить в нее особенного архиерея, а вручили ее всему Синоду. Заступая место епархиального архиерея в своей епархии, св. Синод заведовал всеми теми делами, которые подлежат рассмотрению собственно епархиальной властью¹³⁶. Итак, в сущности «постоянный духовный коллегиум», св. Синод остался тем же для русской церкви, чем было патриаршее правление, как утверждают то и акты, относящиеся к истории учреждения новой формы правления в русской церкви.

Изобразив устройство нового высшего церковного правления созданного Петром Великим, показав сходство начал и форм этого устройства с началами и формами государственной петровской администрации, теперь прежде чем приступить к обозрению и характеристике связанных с этим устройством перемен в других сферах жизни отечественной церкви, мы должны ответить на вопрос: какими мотивами было вызвано переустройство высшего церковного управления при Петре и почему это переустройство выражено было именно в сейчас описанной нами форме? Для того, чтобы оправдать столь важную перемену в строе церковной администрации и тесно связанные с нею изменения в других сферах церковной жизни, автором Духовного регламента, конечно по инициативе и желанию преобразователя, написано было несколько апологетических «трактатов», как до времени открытия коллегии духовной, так и после этого. Феофан при всяком удобном случае старался защитить с истинно-литературным жаром свое новое детище, духовную коллегию и данный ей в руководство регламент. К сочинениям, написанным в апологию нового учреждения до времени открытия его деятельности должно отнести: царский манифест об учреждении духовной коллегии, проповедь Феофана Прокоповича на день открытия коллегии и специально посвященную означенному вопросу первую часть духовного регламента. Но и после того, когда Синод вступил уже в свою деятельность, Феофан не переставал раскрывать в глазах общества мысль о необходимости нового учреждения

для русской церкви и показывать значение и цели этого учреждения. Еще во время написания Духовного регламента Феофан извещал Марковича в известном письме следующими словами: «Я написал для главной церковной коллегии или консистории постановление или регламент. В нем всех правил почти триста. Пишу теперь трактат, в котором изложу, что такое патриаршество и когда оно получило начало в церкви и каким образом в течение четырехсот лет церкви управлялись без патриархов и доселе еще некоторые патриархам не подчинены. Этот труд я принял на себя для защиты учрежденной коллегии, чтобы она не показалась чем-нибудь новым и необычным, как конечно будут утверждать люди невежественные и злонамеренные». Действительно почти одновременно с составлением регламента вышли из-под пера Прокоповича оправдательные к нему статьи в виде особых трактатов о патриаршестве. Таких трактатов нам известно два: 1) «Розыск исторический коих ради вин и в яковом разуме были и нарицались императоры римстии, как язычестии, так и хрисианстии, понтифексами или архиреями многобожного закона; а в законе христианстем христианстии государи могут ли нарещися епископы и архиреи и в каком разуме?»¹³⁷ 2) «О возношении имене патриаршаго в церковных молитвах, чего ради оное ныне в церковных молитвах оставлено»¹³⁸. Во всех означенных сочинениях Феофан старается то явно, то более или менее «прикровенно» оправдать необходимость петровской церковной реформы. Доводы, которые развиваются в означенных сочинениях с целью оправдания новых церковных порядков, лишь наполовину изображают нам действительные причины установления новой формы церковного правления и переустройства церковной жизни вообще. Написанные рьяным панегиристом дел Петровых, они гораздо больше имеют значение для характеристики риторических, диалектических и полемических приемов псковского витии Феофана, чем для определения действительных исторических мотивов преобразования высшей церковной администрации. Вот почему к ним нельзя относиться без критики и действительные исторические причины установления новой формы церковного

правления нужно видеть за этими обширными «трактатами» панегириста Прокоповича, потому что они не объясняют нам исторического происхождения петровской церковной реформы. Это объяснение, по нашему мнению, и будет служить ответом на вопрос о мотивах и целях петровской церковной реформы. Здесь мы встречаемся с вопросом, решение которого имеет, по нашему мнению, весьма большее значение при исторической характеристике отношений Петра и церкви. В нашем обществе и исторической литературе давно сложилось мнение, которое находит себе последователей и в наше время, будто преобразовательная деятельность Петра Великого сдвинула Россию со старой колеи, поставив ее совершенно на новые начала. В области жизни гражданской, по этому мнению, преобразовательную деятельность Петра отмечали нередко как начало новой эры русской жизни и считали ее эпохой не только возрождения, но и настоящего рождения последней. Впрочем, взгляд этот при определении исторического смысла гражданских преобразований Петра уже давно в истории уступил место более простому и глубокому и естественному взгляду, вникающему в генетическую связь деятельности Петра с предшествовавшей ему деятельностью. Более упорно так сказать я твердо взгляд этот держится при определении смысла церковных реформ Петра, хотя и здесь строго держась в сфере права, мы отнюдь не должны полагать глубокой разницы между старорусской и новой петровской церковной жизнью. В древней допетровской истории отношения между церковью и государством были переплетены между собою, как мы видели, настолько, что весьма трудно было, если и не совсем невозможно, во многих случаях положить грань между областью права церковного и гражданского. Лица почти всех классов и состояний, как мы видели, в известных случаях подсудны были не только духовному суду церкви, но и так сказать материально от нее зависели. Это объяснялось тогда особым положением, которое заняла церковь в государстве. Еще задолго до времени Петра с того почти самого момента, когда в московской Руси начал организовываться определенный порядок жизни государственной, стали заметно ощущаться неудобства от

такого положения дел. Но древнее время и правительство лишь смутно представляло себе идею разделения права во всех вообще областях жизни: вот почему, несмотря на большие неудобства, упорно держался исконный порядок отношений между государством и церковью. Только лишь там, где – как, например, в вопросе об имущественных правах церкви – прямо материальные права церкви соприкасались с правами государственными, рано явилась у правительства мысль о более или менее точном размежевании их.

Коренные преобразования русской жизни, предпринятые Петром Великим с самого начала их появления стали выдвигать на очередь требовавший для себя безотлагательного решения вопрос о границах прав церкви и государственных, потому что не было почти ни одной области в русской жизни, где бы права их не соприкасались тесно друг с другом. Начавшись в сфере, весьма отдаленной от церковного ведомства, преобразования эти должны были скоро коснуться и перейти за пределы этого последнего. Впрочем, до времени учреждения Святейшего Синода область церковной жизни как будто ускользнула от внимания преобразователя. Казалось, крутой вихрь гражданских реформ настолько увлек его, что у него не было времени разом решать самые неотложные, очередные вопросы из текущей церковной жизни, как вопрос о патриархе, кафедра которого была вдовствующей с самого почти начала царствования Петра и, – что было уже совсем несообразно с характером и духом энергичного царя-преобразователя, – в решении их он должен был прибегать к временным мерам. Вопросы жизни церковной за все это время разрешаются Петром лишь постольку, поскольку они соприкасаются с жизнью гражданской, государственной. Но к двадцатым годам прошлого столетия под влиянием целого непрерывного ряда преобразований, жизнь гражданская вошла уже в довольно определенную норму. Создан был новый механизм государственного управления, вобравший в себя из области церковной жизни некоторые сферы, долженствовавшие принадлежать ему и по праву, но принадлежавшие по силе традиции и особого положения церкви в государстве; организовались в известные определенные

классы сословия русского общества, между которыми удобно разместились прежние промежуточные слои этого общества; – словом, государству во всем был сообщен новый строй и порядок. Между тем основы жизни церковной этими гражданскими реформами были весьма сильно поколеблены и требовали для себя неотложного обновления. И прежде бросавшиеся в глаза «нестроения многия» церковной жизни теперь стали еще более заметны и давали себя чувствовать повсюду. Прежде всего церковь, благодаря длинному ряду реформ государственных, незаметно для себя самой очутилась в совершенно новом положении. Полумирской характер, с каким она выступила до сего времени, снят был с нее государственными реформами. Общее, неопределенное точными законами, обнаруживавшееся при самых разнородных случаях участие духовенства в делах гражданского управления по большей части превратилось. Для деятельности духовных особ по отношению к защите угнетаемых законы Петра не открывали никаких почти случаев. Все судные дела по челобитьям разных лиц отняты были от ведомства церкви и распределены между теми гражданскими приказами, которым подсудны были лица, состоявшие в споре. Для управления имуществами духовенства, – урезанными до «без чего пробыть нельзя» – т. е. землями церкви, установлен был приказ из светских лиц и пр. и пр. Так церковь рядом реформ гражданских сдвинута была, если можно так сказать, со своего прежнего положения. В организованном уже более или менее государстве заботы преобразователя должны были естественно состоять в том, чтобы точно определить это новое положение церкви и поставить ее устройство в параллель с устройством государственным. Оставить церковь в прежнем положении нельзя было уже по одному тому, что теперь, в силу широких преобразований жизни государственной, пали прежние отношения между церковью и государством. Прежний порядок церковной жизни и церковного управления был прямым отражением порядка государственного: он тесно сросся с вековым складом жизни гражданской. Теперь этот склад был разрушен, а вместе с ним рушился и порядок прежнего

церковного строя, выработанный под влиянием особого, теперь изменившегося, положения церкви в государстве... К этим обстоятельствам присоединились еще личные впечатления государя, его воззрения на единоличного правителя церкви. Мы уже имели случай замечать, как ненавистны были Петру Великому сторонники клерикального «папезского духа» в среде современного ему русского духовенства, – лица, упорно стремившиеся к восстановлению патриаршества и к освобождению церковного управления от всякой зависимости со стороны светской, государственной власти. К его политическим воззрениям гораздо ближе подходили ходившие в то время в западном протестантском мире учения о значении государя в церкви (*princeps, Landesheer*). Нет никакого сомнения в том, что эти теории далеко не были восприняты Петром во всей их логической последовательности, с какою развивались они в его время на Западе. Из них он вынес только сильную неприязнь к тому, – употребим выражение Самарина, – «рефлексу папизма», следы которого обнаруживались нередко в истории нашего патриаршества и который упорно старалось поддерживать духовенство петровского времени, вступая в открытый антагонизм с реформами Петра. «Удивляемый славой и честью патриарха» народ не видал границ между властью духовной и самодержавной. Он привык ложно отождествлять верховного пастыря церкви с самодержцем и даже ставить первого выше последнего. Этот ложный характер, который иногда получало патриаршество, в сознании Петра – и не одного, конечно только Петра – вполне оправдывал и делал необходимым его отменение. Это сознание было присуще правительству еще гораздо раньше Петра. Когда добродушный царь Алексей Михайлович заставил свергнуть и осудить живого патриарха, то самый факт этого свержения, какими бы побудительными мотивами оно на объяснялось, по совершенно справедливому замечанию Погодина, служит ясным доказательством, «что лед тронулся и наступила другая новая пора»¹³⁹. И так патриаршество уже в себе самом носило некоторые черты, которые рано или поздно делали необходимым его отмену. Период всесторонних преобразований

гражданской жизни, предпринятых Петром, и был самым удобным моментом к этому. Всестороннее преобразование гражданской жизни, начатое Петром, не могло, конечно, обойтись без того, чтобы не коснуться и сферы церковной жизни. Самый характер, который с первых же моментов ее проявления стала получать реформа, характер практический, материальный заставлял правительство необходимо, при том положении, которое занимала церковь в государстве в дореформенное время, войти в такое или иное соотношение с церковью. Следствием этого было очень рано высказанное Петром строго точное определение границ церковного ведомства. Сохранилось известие, что английским купцом, изъявившим опасение, не будет ли патриарх сопротивляться табачной продаже, Петр сказал: «Не опасайтесь, я дал об этом указ, чтобы патриарх в табачные дела не мешался: он при мне блюститель только веры, а не таможенный надзиратель». Намеченная в этих словах программа действий церковной власти строго была предъявлена Петром с самых первых шагов его преобразований в области церковной. Но можно ли было иметь ручательство в том, что патриаршая власть станет держаться в этих отмежеванных ей правительством и приличествующих ей по самому существу ее как власти духовной или церковной границах? Положение патриарха в обществе не давало такого ручательства, не подсказывалось оно и событиями из прошлой истории патриаршества. Самая ближайшая история его напротив красноречиво должна была удостоверить Петра в противном. Эта история свидетельствовала, что в случае распри между царем и патриархом – а само собою понятно, сколько случаев или поводов к этой распре могла подать реформа Петра – «вси духовному паче нежели мирскому правителю, аще и слепо и пребезумно, согласуют и за него поборствовать и бунтоватися дерзают и льстят себе, окаянные, что они по самом Бозе поборствуют и руки своея не оскверняют, но освящают, аще бы и на кровопролитие устремилися». Желание провести реформу возможно покойнее естественно внушало Петру мысль устранить неизбежные столкновения. Кроме того,

необходимость реформы живо сознавалась и в самом внутреннем строе церковной жизни. Нетерпеливый характер царя не мог ни на минуту переносить тех «многих нестроений и великой скудости в делах духовного чина», той, – скажем словами предики Феофана на день открытия Синода, – «тщеты и бедства», от которых «страдал народ христианский», не имевший у себя надлежащего «учения и правления». Он хотел сам лично видеть обновленным свой народ духовно, подобно тому, как видел он его обновленным с внешней стороны. Это духовное перерождение представлялось ему столь же легким делом, как и перемена длиннополного кафтана на короткую европейскую куртку. Нужно было только избрать к тому «лучший способ», тот способ, путем которого получены «толика благопоспешства в исправлении как воинского так и гражданского чина». Способ этот соборное коллегиальное правительство церковными делами, которое Петр считал «панацеею против всех зол духовных и гражданских». Сей вопрос, отвечал Феофан Прокопович в своей проповеди на день открытия дух. коллегии на поставленный им вопрос о том, какую пользу должно принести учреждение дух. коллегии, сей вопрос приводит мне на память некоторое изрядное слово древнего философа Аристотеля. Того некто спросил, для чего лица пригожие как скоро увидит кто их тотчас и полюбит? Отвечал Аристотель: «сей рече вопрос есть слепаго человека, подобне и предложенный вопрос». Как Петру, так и его сотруднику Феофану коллегиальное начало правления представлялось «совершеннейшим и лучшим» единоличного абсолютно во всех проявлениях. Феофан с жаром апологетирует за это начало в первой части регламента. Здесь он в 9-ти пунктах раскрывает пред нами превосходство коллегиального управления пред единоличным, приводя доводы в пользу этого превосходства не раз и раньше того высказываемые в законах преобразователя. Вот эти доводы. 1) Всякая истина становится яснее при обсуждении ее многими по той понятной причине, которая выражена в пословице «ум хорошо – а два лучше». 2) Коллегиальные решения имеют большую силу, чем решения единоличных управителей; причина

та, что приговор целого собрания имеет большее притязание на истинность. В силу этого обстоятельства ему охотнее подчиняются. При единоличном же управлении противники церковного правительства одним только оклеветанием его лица могут ослабить силу его постановлений и решений. 3) Коллегиальное управление в особенности могущественно, когда оно установлено верховною властью, потому что здесь коллегия не есть «некая факция, тайным на интерес свой союзом сложившаяся». 4) При единоличном управлении часто происходит «за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугом и болезнью... продолжение дел и остановка», чего не может быть при коллегиальном устройстве. 5) При коллегиальном устройстве «не обретается место пристрастию, коварству, лихоимству суду»; здесь один член будет стыдиться другого. Тайного же соглашения между членами коллегии в особенности при разноточном и разноточном ее составе невозможно допустить. 6) Коллегиальное управление свободнее единоличного в образе своих действий. Оно не боится сильных мира, потому что уверено в невозможности мести со стороны сильных целой коллегии. 7) От коллегиального управления нельзя ожидать мятежей, «яковые происходят от единоличного собственного правителя духовного». 8) Члены коллегии подлежат суду той же коллегии, над патриархом же нет суда, кроме собора, созывание которого всегда сопряжено с величайшими издержками для государства. 9) Наконец, коллегия будет хорошей школой для воспитания наилучших правителей церковных., Соображая эти регламентские доказательства в пользу преимущества коллегиальной формы церковного правления пред единоличной, не трудно приметить, какие надежды возлагал преобразователь на новое церковное учреждение и каких благих результатов в деле «исправления церковных нестроений» думал он достигнуть при его правильной деятельности. Вверяя духовной коллегии, по выражению проповеди Прокоповича, «весь Божий дом в России с тем, чтобы она и делала, и дабы правильно делалось наблюдала, наставляла и настаивала, преобразователь твердо верил, что при таком порядке

управления в России с помощью Божией скоро и от духовного чина грубость отпадет и надеяться всего лучшаго».

С переменой в высшем центральном управлении русской церковью и областное или епархиальное управление получило больше прежнего определенности и порядка. Правда, объем власти епархиальной администрации, отношения этой администрации к новой центральной Св. Синоду с устройством последнего в сущности оставались теми же, какими они были и в период патриаршего управления; равным образом в сущности теми же остались теперь и взаимные отношения епархиальных архиереев друг в другу. Законодательство Петра стремилось только точнее регулировать эту власть и эти отношения епархиальных правителей. В способах, путем которых правительство стремилось к достижению своих целей в означенной сфере, заметно отразилось веяние нового гражданского духа. Областной епархиальной администрации, оставленной по существу своему в старом виде, приданы были теперь некоторые новые неизвестные дотоле органы власти и всей вообще ее деятельности сообщен был несколько новый характер. Областная или епархиальная церковная администрация в предшествовавший учреждению Синода период сосредоточена была в руках епархиальных епископов и архиепископов. В управлении своими епархиями последние были независимы друг от друга и признавали над собою церковную власть только лишь в лице власти высшей церковной администрации – собора и верховного архипастыря церкви. А отсюда в степени своей власти все они были равны между собою. Время от времени с разных концов епархий собирались к ним духовные лица для совещаний. Обыкновенный и издавна укоренившийся способ замещения вакантных архиерейских кафедр состоял в том, что по созвании собора патриарх назначал от себя троих или четырех кандидатов, из которых потом один по соборном рассуждении волею царя патриарха и был избираем в епископа. Самая существенная сторона в области тогдашней епархиальной администрации, устройство и управление судными делами со времени Стоглава организовалось в таком виде: в епархии

каждого архиерея Стоглав постановил учредить два суда: один из духовных, другой из светских особ. Первый должен судить монашествующих мужского и женского пола во всех делах, прочих лиц как духовных, так и мирян в духовных делах; второй – лиц белого духовенства и мирян во всех прочих делах, подлежащих суду святительскому. На суде у бояр должны сидеть поповские старосты, пятидесятские и десятские по два или по три, чередуясь понеделно, а сверх того градские старосты и целовальники, кому прикажет государь. Выслушав обе стороны бояре представляют судный список вместе с ними на усмотрение святителя, который по учинении допроса и обсуждении дела с искусными людьми – полагает свой приговор. Духовные лица, которые захотят отыскивать обид на мирян должны просить у святителя судей и пред мирскими судьями, святительскими судьями и земскими старостами должны искать удовлетворение в своей обиде. До времени учреждения Св. Синода преобразовательная деятельность Петра почти не касалась епархиального церковного управления. Только устав нового высшего церковного административного учреждения – Духовный регламент старается вдохнуть в эту область церковной жизни новый дух. Автор этого устава, ученый псковский архиепископ Феофан Прокопович, в своих воззрениях на права и значение епископской власти очевидно чужд был того взгляда, который нередко выражали современные ему собратья по духовному сану и который позднее остроумное перо современного Феофану талантливому сатирика Кантемира выразило в известных чертах, выхваченных очевидно из живой действительности. Надо думать, что Феофан Прокопович будучи в сане архиепископа, по его собственному выражению «ведал меру чести своя» и не высоко о ней «мнил». Чуждый духа столь несвойственной высокому епископскому сану внешней гордости и пустого напыщенного тщеславия, Феофан в регламенте старается всячески и больше всего пропагандировать истинное воззрение на право и значение епископской власти. Вот почему глава регламента о епископах позднее, когда после смерти Петра наступило время холодного обсуждения всего, что так резко говорилось его сподвижником

на поприще церковных преобразований при жизни преобразователя, кажется была самым сильным обвинением в руках тех, кто пользовался регламентом как обвинительным актом против Феофана. Как мы сказали, в регламенте помещена особая глава «о епископах». Еще в 700 г. во многих городах, где были митрополиты, узаконено было ставить епископов и служить им повелено в саккосах, а не в ризах и мантии носить митрополические, а клобуки черные; звание же митрополита и архиепископа осталось только для немногих¹⁴⁰. Как по общим постановлениям канонического права, так и по регламенту епископам усвоены права высшего надзора за чистотой веры и нравственности в епархии, следовательно, власть административная и судебная над лицами епархии как духовенства белого и черного, так и мирян. Так как власть епископа в своей епархии весьма значительна, то регламент старается поставить ее в определенные отношения как к лицам подведомственным ей, так и к Св. Синоду. Чего епископ может и должен требовать от подведомственных ему лиц и в чем должен дать отчет Синоду? В каких случаях обязан обращаться к последнему? Так как объем епископской власти тщательно определен на вселенских и поместных соборах и тогда же указаны были способы управления епархией, то регламент прежде всего считает необходимым для епископов изучение постановлений тех соборов или церковных канонов. Принимая же во внимание то обстоятельство, что «неизвестно, будет ли всяк охотник к чтению», регламент делает следующее весьма оригинальное постановление. Изучение канонов церковных, говорить он, может удобно совершаться таким образом: подан будет всем епископам от коллегиума духовного указ, чтоб у всякого при его трапезе чтение было канонов себе подлежащих: и разве тоеб могло иногда оставитися во дни великих праздников, или при гостях достойных, или за иную некую вину правильную. В случаях затруднительных, где епископ недоумеает в решении вопроса, он прежде всего обращается за советом к ближайшему епископу, а в случае неудовлетворительности ответа от него, должен писать и в самый коллегиум.

Указав на необходимость точного знания епископами самых оснований их прав и обязанностей и на оригинальный способ, при помощи которого может происходить это ознакомление, регламент старается начертить епископам подобную инструкцию относительно добросовестного исполнения возложенных на них обязанностей. По каноническим церковным постановлениям епископ должен непрестанно заботиться о своей пастве. Регламент предписывает меры к возможно точному исполнению этих постановлений. Дела епископского управления, по мысли регламента, не должны иметь остановки. В этих видах в исключительных крайних случаях, в случае настоятельной потребности, требующей отлучки преосвященного из его епархии, для служения наприм. на очередь в С.-Петербург, он на время своего отсутствия должен «кроме обычных домовых своих управителей определить к делам некоего умного и житием честного мужа, придав к нему в помощь и других несколько умных же человек от монашеского или священнического чина». О всех важных делах эти лица пишут епископу, прося его разрешения. В сомнительных же делах как и сам епископ, они должны обращаться за разрешением в коллегium. В случае болезни епископа, препятствующей ему управлять епархией, он должен написать об этом в коллегium, который уже или присылает администратора, или поставляет нового епископа. В этих же целях в регламенте проглядывает желание ввести в область областной церковной администрации и формы администрации гражданской. Глава епархиального церковного управления – епископ, по регламенту, в способах отправления своей власти пользуется в некоторых случаях теми же средствами, коими пользуются высшие гражданские областные правители. Так как гражданский генерал-губернатор пользуется сторонними сведениями от людей подчиненных о состоянии губернии, так равно и епископы, чтобы «с успехом управлять епархией», должны иметь подробные сведения о состоянии ее. Для доставления и получения этих сведений в регламенте установлены два средства, из которых одно целиком заимствовано из области светских учреждений времени, а

другое опирается на канонических постановлениях о правах, власти и обязанностях епископа. Для постоянного неослабного надзора за тем, везде ли по епархии исполняются церковные и регламентарные постановления, епископ прежде всего «указать должен по всем городам, чтобы закащики или нарочно определенные к тому благочинные, аки бы духовные фискалы, тое все надсматривали и ему бы епископу доносили, если бы такое нечто где появилось, под видом извержения кто бы утаить похотел». На основании этого постановления регламента в синодском указе от 19 июня 721 года было предписано: «в архиерейских епархиях определить в каждую по собственному инквизитору, которые б были по примеру учрежденных в светском правлении провинциал-фискалов». Здесь эти инквизиторы должны были наблюдать за духовными особами и разными духовными чиновниками, посылаемыми в епархию Синодом по разного рода поручениям. «В граждански же дела, гласила инструкция, какого б звания оныя не были... провинциал-инквизиторам и инквизиторам не вступать»¹⁴¹. Для успешной деятельности духовным инквизиторам подобно тому, как и светским фискалам, дозволено было делать необходимый для них справки смотреть и надлежащее выписывать без всякого препятствия «в подведомственных Св. Синоду установлениях». В этих же установлениях инквизиторы могли пользоваться кормчей книгой, соборным уложением 49–667 гг., а также генеральными и партикулярными указами. Вследствие этого инквизиторы «во всех быть могут, и по ним к должности своей действительно покажутся, а неудовольствованием извиняться уже не возмогут». Дела по инквизиторским доносам в епархиях производились в архиерейских домах.

Другое средство, которое ставит регламент для епархиальной власти с целью успешного наблюдения за состоянием епархии, состоит том, что епископ обязывается строго выполнять каноническое постановление относительно посещения им епархии. В видах восстановления действительного значения архиерейских объездов епархии, составитель регламента пишет подробные «регулы» о том, «како лучше может быть сие посещение». Здесь ничего не

забыто, чтобы сделать посещение епископом своей паствы полезным, а не вредным. Обезымы эти должны совершаться летом, так как в это время путевые издержки менее значительны, чем в другое время года: «хлеб, рыба, корм конский дешевле, да и епископ, чтоб не трудить священства или граждан квартирою может недалече от города в палатке на поле время перестоять». Во время своих обезымов епископ должен настрого наказать своим служителям вести себя в посещаемых местах прилично и трезво, не требовать у духовенства пищи, питья и корма, тем менее грабить, «ибо слуги архиерейские, замечает регламент, обычно бывают лакомые скотины и где видят власть своего владыки, там с великою гордостью и безстыдием, как татары на похищение устремляются». Приехавши в какой-нибудь город, епископ обязан отслужить литургию и сказать пастве наставительное слово; затем он спрашивает и разрешает сомнительные вопросы из духовно-нравственной жизни; собирает сведения у низших церковников и даже посторонних людей, которые покажутся ему заслуживающими доверия о поведении церковного причта. Составитель регламента как бы чувствует, что собирать подобным фискальным образом сведения о поведении духовенства неприлично, даже опасно, потому что эти сведения могут быть высказаны из пристрастия, личной мести и пр. Поэтому он делает здесь оговорку, что епископ не всякому сведению добытому таким путем, обязан верить. Сведения эти, говорит регламент, укажут епископу те недостатки, на исправление которых он должен обратить свое внимание. Во время же своих посещений епископ принимает жалобы на духовных и разбирает их; разузнает, все ли священники читают в праздничные дни наставительные книжки и тех, которые уклоняются от этого, подвергает наказанию; расспрашивает священников о существующих в местном населении суевериях и наконец расспрашивает о монахах, не шатаются ли они бесцельно. Прежде нежели епископ исполнит все эти предписываемые ему регламентом дела, он не имеет права быть в гостях у кого-либо из жителей. По приведении же всех дел церкви в порядок ему не запрещается это, но только под

тем условием, «если епископ похощет звать к себе гостей, то весь бы тот трапезник своею казною отпращивал». Это для того внушается епископу, как замечает в другом пункте регламент, «чтобы он не обольстился чужим трапезником». Два раза в год (вероятно именно после своих посещений епархии) епископ должен присылать в коллегиум отчет о состоянии своей епархии. В нем он описывает, все ли в его епархии благополучно; если же есть нестроения, то какие именно, равно и причины, почему они не могут быть устранены. За все умышленные утайки в отчетах епископ подлежит наказанию Синода, которому и принадлежит суде над ним. «Всякий епископ таким образом в своей епархии является по регламенту распорядителем, непосредственно подчиненным в своей деятельности высшей инстанции церковной администрации – Святейшему Синоду. Так регламент пытается придать епархиальной власти некоторые новые органы, при посредстве которых эта власть деятельнее и с большей пользой могла бы проявляться. С другой стороны в тех же самых целях он указывает епископам на известные уже способы правильной деятельности и старается точнее определить степень их власти. Что касается степени духовной власти епископов над паствою, то в этом отношении регламент заботится о том, чтобы возможно точнее регулировать и определить эту власть. Прежде всего он старается делать напоминание епископам о том, «чтобы всякий из них ведал меру чести своея и невысоко бы о ней мыслил», потому что дело епископского служения, правда, великое дело, но честь за него «никаковая». По определениям Священного Писания епископ только служитель церкви. Его дело «точию внешнее»: проповедь, обряды, совершение таинств и проч. Дело же внутреннее – обращение сердец к покаянию и обновлению есть дело Божие. Это напоминание об истинном значении епископских обязанностей ради того предлагается регламентом, «чтобы укротить оную вельми жестокою епископов славу, чтобы оных под руки (донельже здравы суть) не вожено, в землю бы оным подручная братия не кланялась и пр.». Стараясь напомнить епископам об истинном смысле и значении их духовной власти, регламент обращает

особенное внимание на власть епископа – вязать и решить, т. е. на отлучение и анафематствование. Известно, каким грозным орудием в руках епископской власти и вообще всего духовенства были эти духовные средства церковного наказания. Еще в 718 г. сам Петр счел нужным написать к местоблюстителю патриаршества митрополиту Стефану Яворскому относительно этого предмета собственноручное письмо следующего содержания. «Честнейший отче, писал царь, понеже архиереи хотя по положенному обещанию и обещаются хранить церковные уставы вкупе, но ради некоторых у нас небрегомых дел изъяснение особое написав, при сем посылаю, которое велите присовокупить к настоящему (исповеданию архиереев пред поставлением)». Поэтому «особливому изъяснению» архиереев при поставлении должен был обращаться: «еже кого-либо по моей страстной воле или каких ради ссор со мною или с моими подчиненными вседомовно и единолично не проклинать и от таинств церковных не отлучать, разве кто покажет себя явным преступником и разорителем заповедей Божиих или против церкви еретиком; а по Христову словеси по трех увещаниях не покоршагося и не исправившагося токмо единолично, а не вседомовно проклинать и отлучать; 2) с противными церкви святой с разумом, правильно и кротостно поступать и пр.». По духовному регламенту «епископ не должен быть дерзок и скор, но долготерпелив и разсудителен в употреблении власти своей вязательной: даде бо Господь власть сию, говорит регламент, в созидание, а не на разрушение». Чтобы вязательная власть правильно прилагалась необходимо, говорит регламент, соблюдать следующие правила: 1) определить степень виновности лица, подлежащего отлучению; 2) знать как поступать в таких случаях епископу. По отношению к первому вопросу анафеме по регламенту подвергаются за следующие вины: а) если кто публично хулит имя Божие или Св. Писание, или церковь; б) кто публично сотворит грех и станет его выставлять напоказ всем или в) кто без достаточной причины не станет приобщаться Св. Таин больше году или г) кто насмехается над законом Божиим. Относительно самого

порядка анафематствования регламентом установлена весьма длинная процедура. Епископ произносит анафему только после тоекратного увещания лично или чрез других. Если грешник вследствие увещаний не исправится, то епископ приступает к отлучению не прежде, как испросивши разрешения у коллегиума. По получении разрешения он предаёт виновного публичной анафеме, по составленной заранее формуле. Письменный экземпляр формулы потом прибавляется к дверям церковным. Кроме анафемы в церкви есть ещё другое наказание более мягкое, называемое отлучение или запрещением. Любопытно сравнение, которым регламент хочет объяснить различие между этими двумя родами церковного наказания. «Чрез анафему, говорить он, человек подобен есть убиенному, а отлучением или запрещением подобен есть под арест взятому». Отлучение дозволено епископам произносить и без разрешения коллегиума и даже без «великих чрез протодиакона предвозвещаний, но только на малой хартике написав вину преступника и отлучение его». Однако невинно отлученный может жаловаться на епископа в духовную коллегию.

Таковы по Духовному регламенту права и обязанности епископской власти, стоящей во главе епархиального суда и управления. Рассматривая в общем устройство этого управления находим, что оно, как и высшее центральное церковное управление, не изменяя в сущности своих основ, получило теперь некоторые черты, которая были прямым отражением гражданской государственной администрации, созданной Петром Великим. Так глава епархиального управления епископ, стоя в непосредственной зависимости от высшего церковно-административного учреждения – духовной коллегии, в пособие себе для управления епархией организует совет из хорошо известных ему духовных лиц архимандритов, игуменов и пр. Этот епископский совет или собор некоторыми своими чертами отчасти напоминает собой известный «ландратский совет», учрежденный при губернаторах для коллегиального управления, гражданскими губернскими делами с тем только различием, что члены ландратских советов

избирались местным дворянством из его среды, а лица, участвовавшие в епископском совете, должны были, по плану регламента, назначаться самим епископом. Как гражданские ландраты управляют всеми гражданскими делами губернии, так равно и члены епископского совета заведывают по поручению своего епископа всеми епархиальными делами в отсутствие епархиального преосвященного. В своих отношениях к высшей центральной административной церковной власти – в духовной коллегии, этот последний имеет много характерных черт, напоминающих собою отношение гражданского губернатора к центральной гражданской администрации. Как генерал-губернатор гражданский ежегодно подает в Сенат ведомости о том, что во вверенном ему управлении «все обстоит благополучно», точно такие же отчетные ведомости ежегодно подает в Св. Синод и епископ относительно состояния вверенной его духовному попечению епархии. Во вверенной ему части церковного управления епархии, епископ пользуется некоторыми средствами надзора, теми же какие находятся в распоряжении гражданского начальника губернии. Он назначает «духовных фискал», которые разведывают относительно состояния епархии и собирает эти сведения иными путями. Так епархиальное или областное церковное управление, не изменяя в сущности своего устройства, получило новый дух и характер, отражение которых заметно не только во внешнем устройстве его, но даже и во внутреннем, в тех новых взглядах, которые проводит регламент на значение епископской власти и пр.

Глава III. Заботы Петра Великого относительно устройства и положения белого духовенства

В Духовном регламенте при его первоначальном издании не было сделано никаких специальных постановлений относительно низшего духовенства, как белого, так и монашествующего. Правда, в главе регламента «о делах епископских» были указаны как бы мимоходом некоторые выдающиеся черты, взятые из жизни обоих классов тогдашнего духовенства с тою, разумеется, целью, чтобы обратить на них особенное внимание епархиальной власти. Но естественно, что в трудном деле «исправления многих нестроений и великой скудости в делах духовного чина», каким озабочено было правительство преобразовательной эпохи, весьма недостаточно было ограничиться только лишь формальным, внешним предписанием или инструкцией епископам о том, чтобы они знали «чего суть должны наблюдать в причте своем». Влияние власти, в какой бы общественной среде оно ни обнаруживалось, тогда только может быть сильно и приносить действительную пользу, когда самая эта среда будет проникнута живым сознанием своих непосредственных обязанностей, исполнение которых преследуется органами власти. Живо чувствуя необходимость провести в массы духовенства это сознание его обязанностей, Св. правительствующий Синод, получив «именной Его Императорского Величества указ при самом уже своем откровении новыми впредь правилами дополнять регламент свой», по силе этого указа, в последних числах апреля и в первых числах мая 1722 г. издает особое «прибавление к регламенту о правилах причта церковного и чина монашеского».

Относительно истории этого прибавления к регламенту у г. Пекарского в его сочинении «Наука и литература в век Петра Великого» мы находим следующее весьма любопытное известие: «По состоянию Св. Синода в 721 г. издан был сей регламент, который от Его Величества апробован и надписан

собственною Его Величества монаршею рукою, и тогож году сей регламент отдан был печатать. И по окончании из печати к сему регламенту от Св. Синода членов сделано было прибавление о правилах причта церковного и чина монашеского, и сие прибавление к сему регламенту припечатано было и тогда по напечатании, как есть вещь новая в продажу народную пущен был (т. е. Духовный регламент вместе с припечатанным к нему прибавлением). И в то время церкви Казанской (в С.-Петербурге) священник Тимофей Семенов, который был для церковных нарядов надзирателем над церквами (благочинным), просил Его Величество к себе в дом для крещения новорожденного младенца, и блаженные памяти Его Величество оному священнику восприемник быти не отказался, в дом его прибыл и по совершении таинства крещения младенцу между прочими разговоры оный священник предложил речь о изрядстве изданнаго духовнаго регламента и о некоторых пунктах Его Величеству предлагал, что Его Величество и обо всем том известен был. Когда же при том разсуждении оный священник упомянул о приполнении к сему регламенту, которого Его Величество еще не видел, тотчас Его Величество восхотел оное видеть и, посмотря, что оное вновь присовокупленное, сказал, что я сего еще не видал и мне в доклад на апробацию не предложено было. После Его Величество, может быть, тем синодальным членам изволил выговор учинить и скоро оное прибавление от регламента отменено быти стало и совсем уничтожено, и в том 721 г. изволил Его Величество из С.-Петербурга для мирнаго торжества отъехать в Москву и будучи там в 22 году сие прибавление от Синода Его Величеству на апробацию предложено было и Его Величество апробовал, повелел сей регламент купно с прибавлением вновь напечатать в Москве церковными литерами»¹⁴². Так прибавление к Духовному регламенту, изданное сначала членами Синода без ведома и соизволения Государя, впоследствии было прочитано, исправлено и одобрено самим Государем. «Сие Духовнаго регламента прибавление, читаем мы в заметке, помещенной в конце прибавления, сам Его Императорское Высочество

высокою своею особою слушать и собственноручно исправлять изволил и все написанное апробовав напечатать и распубликовать указал апреля в последних и мая в первых числах сего 722 г.» По именному царскому указу прибавление было подписано всеми синодальными членами и таким образом оно получило силу и значение равное с самим Духовным регламентом.

Постановления регламентского прибавления относительно духовного чина имеют прежде всего в виду привести в порядок белое духовенство. Цель эта проглядывает в самом уже начале этих постановлений. «Достаточно наставлений, читаем здесь, преподавал Господь Бог церковному клиру чрез апостола Павла; но с течением времени клир настолько развратился, что св. отцы нашли нужным на разных соборах издать правила, клонившиеся к исправлению его. В нашей Российской церкви многия немощи существуют. Долг возлагает на нас обязанность изложить, кроме преподанных св. отцами, особая правила, которыя бы для епископов служили основанием, чего требовать от подвластного им клира, и клиру, дабы он знал прямой путь звания своего».

Судьба белого духовенства во время Петра Великого, по справедливому, хотя несколько и преувеличенному, замечанию историка Знаменского, в первый раз еще сделалась предметом тщательной заботливости правительства¹⁴³. Это замечание историка представляется не лишенным справедливости на наш взгляд потому главным образом, что при Петре отношения правительства к этому классу духовенства получили характер, отличный от характера прежних правительственных распоряжений. Кроме религиозных побуждений, которые более рельефно выступают во всем древнем законодательстве относительно церкви, в правительственных распоряжениях Петра относительно духовенства обнаруживается еще новый дух, основание которого заключается в преобразовательном духе времени вообще и главным образом в тех именно переменах, какие были произведены социальными реформами Петра в положении всех остальных классов тогдашнего общества. Дело в том, что новые начала, которые развивались

под влиянием законодательных распоряжений Петра относительно организации духовного сословия, были совершенно параллельны с теми, какие вносились социальными реформами преобразователя в положение всех других общественных классов. Вот почему и для того, чтобы изучить смысл и значение произведенных реформами Петра перемен в положении духовного сословия, нам представляется необходимым проследить основные начала социальных преобразований Петра, указать перемены, внесенные гражданскими реформами преобразователя в положение всех других общественных классов.

Между многими наименованиями, которыми так любят в настоящее время обозначать действительный результат петровских преобразований в их целом, в литературе можно иногда встретить утверждение той мысли, что реформа Петра была крутым социальным переворотом, коренным изменением в положении различных общественных классов и вследствие этого отношений между ними.

Рассматривая социальные реформы Петра, мы совершенно не находим опоры высказанному сейчас мнению. Меры Петра, по-нашему мнению, только юридически определяли те явления социального быта, какие существовали до Петра. С другой стороны эти меры клонились к тому, чтобы яснее обозначались, полнее сформировались древнерусские сословия, переплетавшиеся промежуточными элементами междусословных классов, в роде холопов, городских крестьян и пр. В ряду социальных преобразований Петра на первом плане стоят перемены в положении высшего класса – дворян. Отметим здесь те распоряжения преобразователя, который обособляли дворянское сословие. До Петра все многочисленные слои дворянского класса, носившие в Московском государстве одно общее название «служилых людей», уже в XVI в. являлись вечно обязанными военной повинностью. Отчасти само политико-экономическое положение (поместья и вотчины) служилого люда в Московском государстве, как известно, определялось главным образом этой обязанностью. Но обязательная для служилого люда военная

обязанность в Московском государстве требовала присутствия его в армии только во время кампании. По окончании команды служилый человек снова возвращался к своему обыденному образу жизни; все преобразования войска в XVII в. еще далеко не делали из него регулярной армии. При Петре произошли перемены в устройстве и положении военно-служилого люда. С начала царствования Петр постепенно заводит регулярную армию и изменяет порядок отбывания воинской повинности. Эта повинность распространяется теперь на податное население государства. Целым рядом рекрутских наборов, начавшихся с 699 г., Петр набирает рекрутов сначала с известного числа дворов, а потом тяглых ревизских душ. Таким путем создана была регулярная армия в количестве большем 200 тысяч, не считая при этом казацкой кавалерии и экипажа флота. Такое быстрое развитие регулярной армии прежде всего предполагает большое количество готовых офицеров. Такими офицерами, кроме значительного числа выписанных из-за границы иностранцев, и были при Петре обязанные вечной военной службой дворяне. Так как непрерывные войны сделали армию постоянной, то и дворянская служба стала теперь постоянной на самом деле, т. е. требовала постоянного присутствия дворянина в армии, и не участия его здесь только во время кампании. Так в отношении воинской повинности дворяне, и прежде бывшие вечно обязанными этой повинностью, получили теперь новое значение – значение постоянных военных кадров. С другой стороны, так как регулярный строй армейского вооружения солдат ружьем и артиллерии пушками требовал подготовки, то постоянная служба дворян усложнилась уже новой обязанностью – обучения солдат. Дворянство в новосозданной Петром армии готовилось командовать полками, составленными из рекрутов податных классов. Так дворянская служба устроена была Петром строже и стала несравненно тяжелее прежней. Петр постоянно твердил, что «двойная служба дворянству должна быть, ради которой оно и благородно и от подлости (простонародья) отлично»¹⁴⁴. Обязательная постоянная на самом деле военная служба дворян составляла первое условие, обособлявшее этот класс

при Петре. Правда эта служба падала и на податное сословие; но что касается дворянского класса, то она была его специальным пожизненным ремеслом, необходимой принадлежностью сословия и в этом смысле специальным признаком его общественного положения.

Но дворянство при Петре имело не одно военное значение. В древней Руси оно, как известно, было административным классом. И в этом отношении произведены были реформами Петра перемены в среде дворянского сословия. Прежде административная служба дворянина была занятием его в мирное время и занятием корыстным. Гражданская служба сама по себе не имела тогда другого значения. При Петре произошло более точное разделение службы военной и гражданской. Гражданская административная служба стала рядом с военной и потребовала для себя особого класса людей. По указам Петра дворянин, если не служил в войске, обязан был гражданской службой. В 22 г. «табель о рангах» определила иерархию чинов, поставя должности по гражданской службе параллельно с должностями военными. Впрочем, по указам Петра, правительство весьма сильно сдерживало прилив дворянства в коллегии и различные другие гражданские учреждения. Герольдмейстеру было предписано: «пока академии исправятся учинить краткую школу и от всякой знатной и средних дворянских фамилий обучать экономии и гражданству указанную часть и смотреть ему, дабы в гражданстве более трети от каждой фамилии не было, чтобы служилых на земле и море не оскудить». Так устроена была Петром гражданская служба дворянства. И опять – эта служба была специальной принадлежностью дворянства. Он обязан был состоять в штате гражданского ведомства, если не служил на войне; тогда как лицо другого сословия могло и не служить. В табели о рангах мы находим увязание на то, что в мысли законодателя дворянство создавалось именно как служилое сословие. По табели только человек служащий государству, достигший известного чина (VIII кл.), мог быть дворянином.

Служба требовала знания, развития, образования. Дворянин до 15 лет должен был приобрести обязательное

образование, – уметь читать и писать, знать цифирь. Чтобы побудить дворянство к этому образованию, Петр в 14 году издал следующий указ: «послать во все губернии из школ математических по несколько учеников, чтобы учить дворянских детей, кроме однодворцев приказного чина, цифири и геометрии и положить штраф такой, что не велено будет жениться, пока сего не выучатся и дать знать о том архиереям, чтобы они не давали венчальных памятей без соизволения тех, которым школы приказаны»¹⁴⁵. С 15 лет дворянина записывали в военную службу. Таким образом дворянин был не только обязательно служилый человек, но и обязательно грамотный. Хотя и другие сословия (напр. духовное) обязывались заниматься образованием, – но по силе закона обязательного обучения дворян (дворянин не мог быть семьянином, если не учился) грамотность более специализировала дворянское сословие, чем остальные.

Нигде не видим мы в узаконениях Петра об организации дворянства того, чтобы в это время закон развивал какие-либо личные права дворянина. Дворянство и при Петре не получило никаких личных прав больше того, сколько оно имело до него. Мало этого: теперь даже и бьют дворянина одинаково с лицами всех других классов. Люди высших дворянских чинов не свободны были в это время от телесных наказаний. За то в это время широко развились имущественные землевладельческие права дворянства. Впрочем, справедливость требует сказать, что и здесь, в отношении к экономическому быту дворянства, законодательство Петра только скрепляло факты, установленные частью путем законодательным, а главным же образом путем практического хода жизни прежде. В экономическом быту дворянства древнерусское законодательство делало различие между вотчиной и поместьем. Однако в XVII в. *de facto* произошло сближение между этими родами землевладения. На деле поместья еще гораздо раньше Петра обыкновенно переходили от отца к сыну и вотчинник обязывался государственной службой наравне с помещиком. Так юридически различие поместья и вотчины сильно сгладилось уже в XVII в. При Петре окончательно

сглажено было это различие поместий от вотчин указом 714 г. – знаменитым Петровским указом об единонаследии, кстати сказать неверно называемым некоторыми историками указом о майорате. По силе означенного указа отец мог передавать недвижимое имущество сельское или городское одному из своих сыновей, наделив всех других движимым. В этом законе не проводилось уже больше различия между поместьями и вотчинами, которые одинаково подчинены были этому порядку наследования. С другой стороны этот закон вводил нераздельность имения, охранял его целостность и был паллиативом, побуждавшим младших сыновей дворян заниматься службой, а стало быть косвенно закреплял служилый характер дворянского сословия. Равенство и расширение владельческих прав дворянства было новым условием, выделявшим это сословие из ряда других.

Но самая существенная перемена в землевладельческом положении дворянства при Петре тесно связана была с судьбой крестьянства. В древней Руси XVII в. определено было государственное значение владельческих крестьян и их отношения к владельцам. Крестьяне были прикреплены к земле и срок давности для сыска беглых, установленный сначала на 10 лет, потом на 15, Уложением был отменен окончательно. Уложение царя Алексея указало беглых крестьян всех без различия, какие бы они ни были – дворовые ли, или черных волостей, или помещичьи, или вотчинничьи, возвращать на старые места жительства – бессрочно¹⁴⁶. Это полное прикрепление крестьян к земле, по Уложению, простиралось не только на самих крестьян, но и на их детей, рожденных в то время, когда крестьянин жил в беглых за другим владельцем, и даже на зятя, ежели крестьянин выдал за кого свою дочь, или крестьянская девка или вдова в бегах вышла за кого замуж; все эти лица по суду и по сыску возвращались, по Уложению, старому владельцу, от которого бежал крестьянин отец, записанный в писцовых или переписных книгах; не возвращались только те сыновья, которые жили отдельно от отца своим семейством, своим двором¹⁴⁷. Но прикрепление крестьян к земле по Уложению, несмотря на свою полноту и

строгость, еще не делало крестьян крепостными людьми своих землевладельцев. Уложение считало крестьян только крепкими земле. Землевладельцы, по Уложению, еще не могли продавать крестьян отдельно от земли, как продавали холопов; в Уложении даже нет намеков на возможность такой продажи крестьян; напротив, здесь мы видим довольно ясные указания на то, что закон еще не смешивал крестьян с холопами и позволял только продажу земель с крестьянами, а не крестьян отдельно от земли¹⁴⁸. Таким образом, в Уложении закон заботился вовсе не о том, чтобы уничтожить свободу крестьяне. Он только хотел, чтобы земельное тягло не пустовало, а всегда имело за собою плательщика. Однако на практике уже при царе Алексее началось смешение крестьянства с холопством. К концу царствования Алексея владельцы начали переводить крестьян и меняться ими без земли, как крепостными людьми по сделанным записям и по купчим. Крестьяне, подобно холопам, стали предметом частных сделок между владельцами. Их начали продавать и менять отдельно от земли, как будто они были крепкими не земле, а владельцу. Знаменитый любимец царя Алексея Михайловича, боярин Артамон Сергеевич Матвеев выхлопотал указ, по которому царь дозволил ему записать за собою крестьян по сделочным записям в поместном приказе; а за царским любимцем и другие стали также записывать крестьяне за собой по сделочным записям. Это было злоупотребление, правда, допущенное правительством, но еще не признанное ясно законом. Но к концу XVII в. вопрос о крестьянах уже весьма сильно смешивается с вопросом о холопах как в обществе, так и в законодательстве, и узел прикрепления крестьян к владельцу незаметно затягивается таким образом все туже и туже; земля ускользает из-под крестьян и они из прикрепленных к земле делались крепкими своих господ наравне с холопами. При Петре продажа крестьян без земли и родителей отдельно от детей – была уже господствующим явлением. Даже сам всевластный Петр не решался запретить окончательно этой торговли людьми. Только предложил сенату он, нельзя ли запретить продажу в розницу и велеть продавать только целыми

семьями «чего (т. е. продажи в розницу) во всем мире не водится». Эта просьба ясно говорит о слабости правительства против укоренившегося обычая. Легальное основание этот обычай получил в указах Петра о знаменитой первой ревизии, которая была коренным переворотом в государственном положении крестьян. Указами Петра велено было переписать все податное население государства и обложить его новыми «подушными налогами», которые предназначались на содержание полков. Полки с прекращением боевых действий назначено было разместить по провинциям. Эта перепись вместе с новым обложением, долженствовавшим заменить все прежние прямые налоги – подворные и другие, и обратила поземельное прикрепление крестьян в крепостное состояние. Теперь все подданные владельцев без различия наименования и степеней крепости занесены были в один разряд «крепостных людей»; крестьяне и бобыли сравнялись с задворными и деловыми людьми, с кабальными и полными холопами. Совершилось это превращение не по прямому смыслу закона, а вышло незаметно из последствий ревизии и именно следующим путем. Ревизия имела вместе с обложением подушной податью полицейскую цель. Правительство решилось воспользоваться сельским дворянским классом, возложив на него обязанности полицейского чиновника, для того, чтобы установить порядок в сельском населении. Отныне дворянин в селе являлся органом правительственной власти. По смыслу ревизских законов все податные души распределялись между владельцами, которые и должны были нести за них ответ пред правительством. Ревизия не только переписывает души, определяет нормальное число тягловых плательщиков, но и расписывает, распределяет их между господами. Отсюда – каждая податная душа должна была найти себе владельца; в противном случае ее приписывали к кому хотели. А владельцы – полицейские чиновники теперь стали сборщиками податей; господа отвечали в исправности платежа пред правительством, а не плательщики. Правительство взимало подушный налог с помещика, а помещик с крестьянина. Но очевидно, что такая ответственность помещика пред правительством предоставляла

первому весьма широкую власть над крестьянином. Этот прикреплялся теперь к лицу, а не земле. Крестьянин сделался ответственным только пред господином, правительственным чиновником. Земля, что быть может объяснялось обширностью государственной территории, не допускавшей возможности установления поземельного или имущественного ценза за редкостью населения, – теперь уже вышла окончательно из виду у государства. Государство по ревизии знало только, – сколько душ в известном имении; а сколько за крестьянином было земли – об этом мало-помалу забыли и спрашивать, ибо подати шли с души, а не с земли. Указанная цель первой ревизии и установила собой то, что мы называем крепостным состоянием. Специальный признак его – личная власть помещика над крестьянином; а она и создана была первой ревизией. Она таким образом создала особое положение податному населению, выделявшее его из ряда других сословий. В состав крестьянского сословия теперь вошли и холопы, потому что ревизия совершенно смешала два класса людей, строго разделенных прежде. Холоп платил ту же подушную подать, что и крестьянин, по крайней мере впоследствии; лично и холоп был прикреплен к помещику, к человеку, как и крестьянин.

Итак, дворянство при Петре обособилось а) обязательностью службы военной и гражданской; б) обязательностью обучения; в) равенством и расширением владельческих прав, и г) обязанностями полицейскими, создававшими из дворянина – непременно господина. В этом последнем смысле Петром было положено начало того, что дворяне в поместьях были органами правительственной власти, гражданскими чиновниками, к юридическому определению прав которых хотя и стремилось впоследствии правительство, но не достигало этого определения до самой отмены крепостного права в 1861 г., вследствие чего на практике и развивался произвол помещика-дворянина. Результатом полицейской службы дворянина было развитие крепостного права, которым обособлялось крестьянское сословие.

Законодательство Петра о дворянах и крестьянах имело косвенным своим последствием более резкое обособление городского населения. Это законодательство в связи с городской администрацией, созданной Петром, окончательно закрепило созданный быт города, подготовленный XVII веком. В городах XVII в. население главным образом состояло из промышленников купцов и посадских людей, вольных крестьян, занимавшихся пашнею. Оба эти элемента городского населения имели много интересов, разделявших их. Между ними в XVII веке шла постоянная вражда, которую правительство тогдашнего времени хотело уничтожить тем, чтобы организовать городское население в одно сословие. Уже XVII век сделал несколько более или менее удачных попыток к достижению этой задачи. Не приводя отдельных примеров в подтверждение этого, мы отметим лишь общие черты, которыми характеризуется желание правителей и городов ввести самоуправление в целях организации городского сословия. Дело началось высвобождением городского тягла из-под власти воевод и самостоятельным отбыванием его самими горожанами чрез выборных; а потом постепенно и все дела горожан, получившие сословный характер, образуют круг сословного городского управления. К концу XVII века все сборы по городам окончательно выходят из ведомства воевод и подчиняются выборным старостам. Наконец были высказаны в XVII в. попытки – правда, лишь в форме проектов – к тому, чтобы организовать торгово-промышленное население России в одно целое. Самой любопытной в этом отношении попыткой представляется проект известного деятеля тех времен Д. М. Ордын-Нащокина. В новоторговом уставе 67 г. Нащокин писал: «для многих волокит во всех приказах купецких людей пристойно ведать в одном пристойном приказе, где великий государь укажет своему боярину; этот бы приказ был купецким людям во всех порубежных городах от иных государств обороной и во всех городах от воеводских налог был им зашитою и управою; в том же одном приказе давать суд и управу, если купецкие люди будут бить челом на других чинов людей»¹⁴⁹. Автор его опередил на несколько десятилетий свое

время. Тяжелую и трудную задачу осуществления этого проекта, или говоря прямыми словами, задачу организации торгово-промышленного населения в одно сословие, XVII век оставил неразрешимой и завещал ее великому преобразователю. Самую важную часть законодательства при Петре после устройства военной силы составляла забота правительства о развитии промышленности и торговли. Сильно заботясь о поднятии торговли и промышленности в стране, Петр очень хорошо понимал, что для достижения этой цели необходимо поставить торговое сословие в условия, благоприятствовавшие в большей или меньшей мере его специальной деятельности. Задачи, которые надлежало решить в этой сфере преобразователю, прямо подсказывались ему деятельностью правительства XVII века. Желание городского класса, высказанное в XVII веке, высвободить посадских людей от воеводской власти и дать им самоуправление, осуществлено было Петром раньше других его административных преобразований. В январе 1699 года были изданы сразу два указа, касавшиеся посадских людей в России указ об учреждении бурмистрской палаты в Москве и земских изб по другим городам России. Купечество и мещанство города Москвы по одному из этих указов поручено было ведать выборным из них бурмистрам ради того, что «во всяких промыслах чинятся им великие убытки и разорение, а его великого государя с них окладные доходы учинились в доимке»¹⁵⁰. Московская бурмистрская палата, по смыслу указа о ее учреждении, являлась 1) учреждением чисто государственным, центральным, общим для городского населения всей России; во 2-х) она играет роль чисто местного, общинно-городского учреждения, роль городской земской избы. В качестве учреждения общегосударственного, центрального – бурмистрская палата ведала торгово-промышленное население всего государства «в его расправных и челобитных, и купецких делах, и в сборах доходов»; но ведала не прямо, а чрез посредство городских земских изб, стоявших у него в подчинении. Все пошлины, собираемые с городского населения, шли сначала в земскую местную городскую избы и отсюда уже

поступали в Москву, в бурмистрскую палату. Через эту палату, или лучше сказать, прямо из нее за подписью и печатью президента и бурмистров исходили все указы великого государя, касавшиеся торгово-промышленного населения России. Как учреждение местное, общинно-городское, бурмистрская палата была ничем иным, как земской избой города Москвы, ведавшей дела местных торгово-промышленных и купецких людей. Земские городские избы должны были заменить собой приказные избы и воевод, стоявших во главе этих изб. Объем их власти указом 99 года определился следующими словами: «мирским выборным людям в земских избах ведать всяких чинов торговых и промышленных людей во всяких мирских расправах и челобитных делах и в сборах»¹⁵¹. В 720 году описанное нами городское самоуправление было снова преобразовано. В феврале этого года учрежден был в Петербурге так называемый «главный магистрат», которому поручено было «ведать всех купецких людей и разсыпанную сию храмину паки собрать»¹⁵². Четыре года спустя после открытия главного магистрата открыты были магистраты и по другим городам. Каждый город должен был своими собственными наличными силами снабдить магистратские чины «угодными и искусными персоны», избранными притом из первостатейных и зажиточных граждан, которые могли бы и президировать в них. Этот состав магистратов был не одинаков в каждом городе, а разнообразился смотря по количеству народонаселения города. Все города в этом отношении были разделены на 5 разрядов. Магистраты городов, причисленных к первому разряду, предполагалось составить из 4 бурмистров и одного президента. Города последнего разряда лишались совершенно коллегиального учреждения. В них магистрат заменялся единоличной должностью бурмистра. Всем магистратам предоставлена была широкая власть суда с правом произносить судебные приговоры, исполнение которых зависело от конфирмации главного магистрата. Так устроено было Петром городское самоуправление. Благодаря такому его устройству и благодаря реформе в среде дворян, городское

сословие, прежде тесно связанное с сельским, теперь стало уединенным и резче прежнего обособленным классом.

Оглядываясь назад и подводя итоги сделанному нами очерку социальных преобразований Петра, мы должны повторить здесь высказанное нами в начале настоящей главы замечание относительно смысла и характера гражданских сословных реформ Петра. По закону положение лиц различных общественных классов после Петра осталось почти таким же, каким оно было до него. Законодательство Петра по отношению к сословиям только закрепило развившиеся гораздо раньше его факты и несравненно точнее определило отношения между различными общественными классами. Государственные обязанности, лежавшие на обществе, теперь окончательно определились. Дворянство стало обязательным военным классом, или точнее служащим. Правда, эта обязательность существовала для него и прежде; но за исполнением ее не следили так строго, как стали следить теперь при Петре. Точно в таком же направлении развивалось законодательство преобразователя и по отношению к низшему, податному классу населения. Крестьяне со времени Петровской реформы в их быте окончательно сделались обязательным рабочим классом, платившим подать за право труда. Только теперь крестьяне были гораздо больше подчинены власти землевладельцев, платили государству гораздо больше, и к прежним тягестям на них наложена была еще новая рекрутская военная повинность. Городское сословие, вследствие особенного устройства его администрации, стало резко отделяться от всех прочих слоев общества. Петр пытался даже замкнуть городские классы в цеховые корпорации. Таковы были перемены, внесенные социальными преобразованиями Петра в строй гражданской общественной жизни.

Начала, развившиеся под влиянием преобразовательной деятельности Петра в строе гражданской социальной жизни, отразились в полной мере, как это мы уже замечали, и в узаконениях преобразователя относительно сословной организации духовного чина. Законодательство преобразователя по отношению к сословной организации

духовенства развивалось параллельно с переменами, вносимыми реформами Петра в строй гражданской общественной жизни, и цели, достижение которых преследует преобразователь в своих узаконениях относительно духовенства, – были совершенно параллельны тем, какие обнаруживались в предпринятой им организации других общественных классов. Требуя от всех сословий действительной службы государству, неусыпно заботясь о том, чтобы ни один член государства «в избытках от государевой службы не был», Петр требовал такого же служения государству и от «духовного чина». Он понимал этот «чин», как особый класс в государстве, на который возложены свои особенные, специальные и ему одному свойственные задачи. Придавая самое важное значение тому влиянию, какое оказывает религия и церковь на социальную жизнь государства, а вовсе не отрицая этого влияния, Петр желал видеть в духовенстве государственный класс, назначение которого состоит в том, чтобы быть органом или орудием религиозно-нравственного влияния на народ. К этому он призывал его постоянно. Но для того, чтобы духовенство могло достигнуть этого высокого своего назначения и быть тем, чем желал видеть его преобразователь, необходимо было прежде всего, с одной стороны, дать ему твердую внешнюю сословную организацию, собрать едва ли не больше всех других рассыпанную храмину духовенства таким же точно образом, как собраны были рассыпанные храмины купеческая, крестьянская и шляхетская, а с другой – напомнить духовенству, в чем действительно должно состоять его высокое служебное назначение и сообразно с тем смыслом, какой придавало этому назначению правительство, указать или лучше сказать, поставить в умственном и нравственном отношении духовенство в уровень с этим его назначением. Первая из этих задач достигалась в такой или иной мере, с одной стороны, прямым путем целого ряда правительственных узаконений, направленных к достижению одной общей цели – внешней обособленности духовенства от всех других сословий, выведению его в тесно сплоченный в кругу своего сословия государственный класс, а с другой косвенным образом к

достижению означенной цели вели преимущественно законодательные распоряжения Петра относительно сословной организации других общественных классов. Точно таким же двояким путем развивалось законодательство Петра в разрешении вопроса о внутренней сословной организации духовенства путем поднятия умственного и нравственного уровня духовенства на высоту, соответствовавшую указываемому ему Петром его высокому назначению. Прежде всего в этом отношении правительство преследует ряд мер совершенно отрицательного, репрессивного и притом чисто внешнего свойства, а с другой – ряд правительственных забот направлен на то, чтобы поднять умственный и нравственный уровень духовенства при помощи средств положительных, путем образования и просвещения его. Но в самом своем принципе обе указанные нами цели в законодательстве Петра относительно белого духовенства не заключали в себе ничего нового. Напротив они прямо подсказывались Петру предшествовавшей деятельностью правительства относительно духовенства и к достижению их и в предшествовавшей Петру период церковной жизни предпринят был со стороны правительства гражданского и духовного ряд более или менее решительных попыток. Правительственные же распоряжения Петра по отношению к достижению означенных целей выдавались только с большей строгостью и решительностью, а также и с указанием новых, неизвестных прежде средств, ведущих к достижению означенных целей. Поэтому и в результате правительственных мероприятий Петра в означенной области получались более резкие перемены во внутренней сословной жизни духовенства. Программа, исполнение которой преследовало правительство преобразовательной эпохи, по отношению к внешней организации белого духовенства, сама собой определялась тем положением, в каком находился этот класс духовенства со стороны внешней организации в предшествовавший преобразователю период исторической жизни. В древний допетровский период жизни на Руси белое духовенство, по своему положению в организации всего вообще «духовного чина», представляло из себя как бы простой народ,

«ни чем неотменный», по отзыву современника Петра Посошкова, «от пахотных мужиков». Да и трудно себе представить, как могло бы быть отменно в то время белое духовенство от «пахотных мужиков», когда эти последние и доставляли из своей среды главный контингент лиц для занятия церковно-служительских должностей. В древней Руси, как известно, духовенство не составляло запретного сословия: в ней служение в церкви и для церкви широко было открыто людям всех званий и состояний. Право мирян вступать в духовное сословие не было тогда ограничено стеснительными постановлениями: кто хотел и имел возможность быть духовным лицом, тот легко мог поступить в духовное звание, если не имел за собой пороков, препятствующих принятию на себя священного сана. Не было ограничено стеснительными постановлениями и самое духовенство древней России. Тогда оно пользовалось свободным правом оставаться или не оставаться в духовном звании, вследствие чего дети, рожденные от лиц духовных, беспрепятственно избирали себе род жизни по своему усмотрению. Так было и в XVII в., когда в духовное звание вступали люди даже и несвободных состояний, когда помещики имели у себя священно-церковно-служителей часто из своих же крестьян¹⁵³. Но наряду с этой свободой доступа для лиц всех общественных классов к занятию священно-церковно-служительских должностей, – главным образом путем самого практического хода жизни, а частью и путем законодательным подготовлялась еще гораздо раньше Петра сословная организация духовенства. Очень рано практика церковной жизни так сложилась, что дети духовных лиц с раннего возраста приучались к чтению и пению в приходской церкви и постепенно входили таким образом в обычную деятельность клира, естественно и совершенно последовательно приобретали себе, – действуя притом вместе с родными, право сначала на низшие, а потом и на высшие места в церковном клире: лишь бы достигнуть первого, а после легко было задобрить прихожан, уже привыкших видеть новых членов в составе клира, дать «заручную» на производство в высшую степень клира, хотя бы даже с необходимостью

увеличения самого клира. Таким образом члены клира слишком близко были заинтересованы тем, чтобы отклонить домогательства сторонних лиц на получение места в клире, и на деле действительное уже в XVI в. обнаруживалось, что целые причты составлялись из родных и знакомых. Такой порядок вещей был тем естественнее, что самым главным условием для вступления в клир был выбор прихожан. Прихожане в древней Руси сами набирали достойных людей для служения в их приходской церкви и давали им от себя так называемый «выбор» или «излюб». Очевидно, что этот излюб или выбор прихожан чаще всего и скорее всего должен был падать на лиц, которые по взгляду прихожан удовлетворяли качествам, требуемым от служителей церкви, а такими лицами и были именно дети священнослужителей церкви. Путем законодательным начало оцененного нами порядка в замещении церковно-служительских мест было положено еще на Стоглавом соборе: «а который поп или диакон овдовеет», сказано в соборном определении, «и будет у него сын, или брат, иль зять, или племянник, а на его место, пригож и грамоте горазд, то его в попы на место поставить»¹⁵⁴. Отцы московского собора 1667 года, выражая желание, чтобы на служение церкви не были определяемы «сельские невежды», велели священникам учить своих детей грамоте и церковному благочестию с тою целью, дабы они были достойными наследниками их места: «повелеваем яки да всякий священник детей своих да научает грамоте и страху Божию и всякому церковному благочестию, со всяким прилежанием, яко да будут достойни в восприятие священства и наследницы по них церкви и церковному месту, а не оставляти им детей своих наследников мамоне, а церковь Христову корчемствовати и во священство поставлятися сельским невеждам, иже инии ниже скоты пасти умеют, колыми паче людей»¹⁵⁵. Таким образом законодательные распоряжения правительства XVI и XVII вв. относительно замещения церковно и священнослужительских вакансий шли на встречу тому порядку, который выработан был путем практическим; а благодаря этому обстоятельству наше древнерусское духовенство постепенно теснее и теснее

замыкалось в кругу исключительно своего сословия. Кажется, здесь уместно будет мимоходом бросить замечание, что описанный нами порядок в занятии священно-церковно-служительских должностей, развившийся самой житейской практикой и скрепленный путем законодательным, совершенно игнорируется теми, которые утверждают, что сословность духовенства, сделавшая из него касту, от которой оно не может освободиться до самого позднейшего времени, обязана своим происхождением исключительно петровским реформам. Описанный нами древний порядок в замещении священно-церковно-служительских должностей, в основании которого лежала преемственность или наследство, прямым своим последствием имел даже то обстоятельство, что с течением времени клир церковный до того был переполнен праздной молодежью, выжидавшей для себя вакантных мест при церкви, что ее количество далеко превышало собою наличное количество праздных священно-служительских вакансий. Большая часть этой праздной молодежи значилась при приходских церквях в качестве дьячков и пономарей. По словам Духовного регламента, «при многих церквях попы не припускали в церковники чужих, но своими сынами или сродниками места того служения занимали, иногда и вяще потребы и несмотря, угодны ли суть и грамоте искусны». Все это делалось, по словам регламента, для того, что при таком порядке «удобнее было священно-служителям неистовствовать, о служении и порядке не радеть и раскольщиков покрывать». По официальным табелям, поданным Св. Синоду в 1723 г. и проверенным московской Дикастерией¹⁵⁶, при некоторых калужских церквях, у которых было не боле, как по две тысячи дворов прихода, числилось столько поповских детей, братьев, племянников на причетнических местах, что при пяти священниках их бывало до пятидесяти человек.

Наряду с этим развитием весьма большой массы праздной молодежи в сфере духовенства быстро шло увеличение и наличных членов духовенства в пропорции, которая далеко превосходила собой наличное количество приходов. Различные причины содействовали в большей или меньшей мере развитию

этого далеко непропорционального сравнительно с количеством приходов количества священнослужителей. Одна из самых главных и существенных причин этого быстрого увеличения наличного состава духовенства в период преобразовательной деятельности Петра заключалась, по нашему мнению, в тех строгих требованиях, какие еще гораздо раньше Петра стало предъявлять гражданское правительство по отношению ко всем вообще сословиям и преимущественно к тем из членов духовенства, которые не состояли в наличном его составе. Для церкви эта бездеятельная масса духовенства была таким же тяжелым бременем, каким для гражданского правительства были «вольные или гулящие люди». Правительство гражданское не иначе и трактовало их себе, как именно «вольных гулящих людей»; а поэтому в продолжение всего XVII в. правительство гражданское усиленно хлопочет о том, чтобы привлечь «безместных поповичей» к государственному тяглу. При царе Алексее Михайловиче был издан указ относительно того, чтобы при священниках и диаконах оставалось только по одному, годному в церковной службе, а все же прочие дети их должны были верстаться «в служилые люди». В уложении даря Алексея мы находим даже следующее постановление относительно безместных поповичей: «а которые люди... поповы дети или церковные дьячки или пономари и проч. живут на церковных землях, а торговыми они всякими промыслы промышляют, а ни в каком тягле они не описаны и тех всех... взять в тягло, чтобы такие люди нигде в избылых не были»¹⁵⁷. Наконец, в это же время безместных поповичей очень нередко забирали и прямо в военную службу¹⁵⁸. Если так смотрело гражданское правительство XVII в. на большие массы праздного и бездеятельного люда в среде духовенства, то понятно само собой, как должно было отнестись к этому люду Петровское правительство, зорко наблюдавшее за тем, чтобы ни один член государства «в избылых не был и чтобы государевой собственно службе в ее нуждах не было умаления». До 20 г. царствования Петра таких безместных, неученых и не хотевших учиться грамоте поповичей не велено было принимать ни в какие чины, кроме служилого или солдатства. Со времени первой

государственной ревизии, с 20 г. XVIII столетия явилось новое средство к уменьшению числа священно-церковно-служительских детей – подушный оклад. Известно, что действие первых указов о ревизии распространялось не только на одно податное население, но и на другие классы, между прочим также на духовенство. В этом последнем классе ревизской переписи не подлежали только сами священники и диаконы, которых велено было писать в дополнительных ревизских сказках, всех же причетников и духовных детей велено писать в ревизию¹⁵⁹. С учреждением Св. Синода Духовным регламентом, было вменено в строгую обязанность епископам «весьма зло сие», т. е. излишнее умножение праздных священно-церковно-служительских детей пресекать, а противотворящих попов жестоко наказывать: «разве по приговору прихожан, говорит регламент, и по благословению именному епископа может священник сына своего, петъ и честь искуснаго, да только единого, иметь во дьячках или пономарях, а прочих добре изучившихся отдавать к другим церквам или иной честной жития промысел». Эти строгие правительственные распоряжения XVII и первой четверти XVIII вв. о привлечении к государственному тяглу, о включении в военную службу и в податный оклад всех праздных безместных поповичей, прямо и привели к реакции, к чрезвычайно быстрому умножению без меры количества священно-церковно-служителей. Избегая всех тех тяжестей, которым стало угрожать ему законодательство, весь этот праздный и бездеятельный люд в среде духовенства старался во что бы то ни стало попасть в церковный клир. Для достижения своих целей при этом обыкновенно употреблялись всевозможные уловки и даже прямой обман. В 711 г. освященный собор и правительствующей Сенат жаловались на то, что «им ведомо учинилось, что когда начали брать па службу людей молодых и к воинскому делу пригодных, то дьячки, пономари, сыновья поповские и диаконовские различными коварными образами и лжесоставными челобитными похищают себе чин священства и диаконства неправильно и несправедливо, иногда лет подобающих не имея, иногда посвящаясь в лишнее попы или диаконы, отчего бывает несогласие, вражда и соблазн

между священным чином, а государственной службе в настоящих нуждах умаление», и еще тогда отцы освященного собора сообща с Сенатом постановили ряд мер к более правильному посвящению в священники и диаконы и к более строгому выбору их¹⁶⁰. Но желание во что бы то ни стало избежать государственной службы заставляло подобных, избывавших от государственной службы, по регламентскому выражению, людей изыскивать разного рода обманы к тому, чтобы каким бы то ни было способом «водратся», по выражению Духовного регламента, «в священный чин». В средствах для достижения означенных целей такие кандидаты священно-церковно-служительских должностей обыкновенно никогда не задумывались. Хорошо зная, какое важное значение местная епархиальная власть придавала в деле назначения нового члена клира в тот или другой приход «заручной от прихожан», такие искатели священно-церковно-служительских мест чаще всего употребляли явную ложь для этого спасавшего их от государственной службы талисмана. Подкупив немногих прихожан они брали у последних фальшивое свидетельство о том, что у церкви, к которой они желают определиться, «попа не имеется»¹⁶¹. Сделав таким образом сделку с прихожанами и получив священный сан, они вступали затем в различного рода сделки с наличными священниками, к которым втирались в товарищи. Иногда также без всяких предварительных соглашений с приходом, такие искатели священно-церковно-служительских мест условливались заранее с тем или другим из наличных членов приходского клира и платили ему деньги за то, чтобы тот, если он был священником, уступил им какую-нибудь часть прихода своего, или, если клирик вообще, чтобы сказался больным, слабым, неспособным к прохождению своего служения¹⁶². Не могла служить большой преградой для таких лиц к занятию ими священно-церковно-служительских должностей и строгость ставленического экзамена в непосредственном присутствии местного преосвященного, строгость, относительно которой в 711 г. ко всем преосвященным разосланы были особые статьи «с великим подкреплением»¹⁶³. Они хорошо знали, что в данном случае «в

поставлении поповском архиереи», как замечает Посошков, «полагаются на служебников своих»¹⁶⁴. Эти же последние, по свидетельству того же Посошкова¹⁶⁵, употребляли такую уловку, чтобы провести, как говорится, преосвященного и выставить пред ним лицо, ищущее священно-церковно-служительских места «весьма годным для вступления в священный чин». Служебники же примут от новоставленника и затвердят ему в Псалтири псалма два три и пред архиереем заставят вытверженное читать: ставленник ясно, внятно и поспешно пробежит, и архиереи, не ведая ухищренного подлога, посвящают в пресвитеры и от такого порядка, замечает Посошков, у иных грамота и плоха¹⁶⁶. Благодаря всем указанным нами обстоятельствам, облегчавшим доступ в церковный клир, наличный состав священно-церковно-служителей уже в XVII в. достигал весьма больших размеров. К сказанному нужно прибавить еще и то обстоятельство, что состав этот в весьма значительной мере пополнялся элементами и из всех других сословий. Когда в XVII в. правительство строже стало заботиться о привлечении к государственному тяглу всех классов общества, когда оно настойчивее стало предъявлять свои требования относительно того, чтобы ни один член не был в из былых от государевой службы в различных ее видах, то духовное сословие сделалось самым безопасным местом укрывательства для лиц, которые почему-либо не желали подчиниться этому правительственному требованию. Чаще всего строгости и тяжести военной службы служили побуждением для укрывательства в безопасной среде духовного сословия.

Вот почему даже дети потомственных дворян при Петре служили иногда при церкви и не только на высших, но и на низших степенях церковных – в дьячках и пономарях. Это чрезвычайно быстрое увеличение количества духовенства и образовало в начале XVIII столетия в среде духовенства тот класс, который можно назвать «священно-церковно-служительским пролетариатом» и который напоминает собой «помещичий пролетариат XVI и XVII вв., развившийся вследствие чрезвычайно мелких поместных окладов, бывших на

Руси в это время. В ближайшее к Петру время в очень редком приходе нынешних центральных губерний Империи можно было встретить одного священника. Были такие приходы (это было, наприим. в рязанской епархии), в которых при количестве пятнадцати только крестьянских домов было двое попов¹⁶⁷. При церквях более богатых число их доходило до шести, осьми и более человек. Этот пролетариат в среде духовенства, развившийся в конце XVII и начале XVIII вв. в громадных размерах, увеличивался еще целым классом духовных лиц, входивших в состав его. Мы разумеем класс так называемого бродячего, перехожего или, как его обыкновенно принято называть «крестцового» поповства. Этот последний класс и послужил собственно основанием для священно-церковно-служительского пролетариата, какой обнаружился в. конце XVII и начале XVIII вв.

Крестцовое или перехожее поповство, издавна образовавшееся на Руси, в XVII и начале XVIII столетия сделалось особенно заметным. Крестцами назывались в Москве известные пункты, на которых собиралось много народу, например, у Варварских и особенно у Спасских ворот. На этих-то пунктах, как говорил позднее биограф московского митрополита Платона, «с давних времен сбирались безместные попы и диаконы, запрещенные, под следствием находившиеся и отрешенные от мест; там они нанимались за малую цену служить обедни при разных церквях, особливо домовых¹⁶⁸. Но на крестец собирались не одни только отрешенные от мест, запрещенные и под следствием находившиеся священно-служители. Сюда собиралось много и таких, которые добровольно оставляли свои места и уходили в Москву. Так, в духовном сословии в течение почти всего XVII и начала XVIII веков происходило встречное движение. С одной стороны, массы лиц не только по своему рождению принадлежащие к духовному сословию, но и всех других общественных элементов, усиленно стремятся к тому, чтобы во что бы то ни стало «водраться» в духовный чин и занять здесь хоть какое-нибудь место, а с другой – заручившись местом добровольно покинуть его и уйти на крестец. При той свободе перехода,

которая господствовала в древней России; такое добровольное желание покинуть занимаемое место было делом очень легким и всегда возможным. Так называемые «отпускные грамоты», которые давались священно-церковно-служителям при оставлении ими своего прихода, давали им очень много свободы; с этими грамотами они могли ходить по всем митрополиям, архиепископиям. Не было большого труда для священнослужителей и для того, чтобы временно престать к какой-нибудь церкви. Для этого не требовалось даже входить в какие-нибудь непосредственные сношения с своим епархиальным архиереем. Следовало только предъявить свою отпускную грамоту архиерейскому наместнику или даже десятнику, а последних всегда можно было подкупить посулом, потому что эти господа, по выражению регламента, «обычно бывают лакомые скотины». Благодаря такой легкости перехода священник или диакон, которому почему-нибудь (чаще всего по бедности) не нравилось жить в своем приходе, захватив с собою требник с епитрахилью, преспокойно покидали его. Записавшись в приказе церковных дел и взяв здесь проорарные или епитрахильные грамоты, – а чаще всего даже и без этих нетрудных канцелярских формальностей, – они отправлялись на крестец и здесь дожидались, пока их кто-нибудь не наймет служить или отправлять требу; иногда же они ходили по селам, служа – где обедню, где панихиду, где молебен. О том, как велико было число этого крестцового духовенства в XVII и начале XVIII вв., можно судить по тому, что в делах первой ревизии, т. е. после того как уже предприняты были гражданским и духовным правительством Петра всевозможные меры к сокращению его численности, в одной только Москве числилось около 150 человек одних крестцовых попов. К этому нужно прибавить еще, что в это число, как это само собою разумеется, вошли только «перехожие попы», записанные в приказе церковных дел. А сколько проживало их в столице в неизвестности у начальства гражданского и духовного! Весьма большая численность бродячего духовенства в конце XVII в. еще более увеличивалась от того, что в это время все еще имел силу весьма древний обычай XVI в., по которому вдовы

священнослужители отставлялись от своих приходов и лишались права служить без особого разрешения: выхлопотав себе проорарные или епитрахильные грамоты, которые давали им право совершать некоторые, а иногда и все священнодействия, они обыкновенно поступали в число переходящего духовенства.

Таково было положение белого духовенства со стороны внешней его организации в период петровских преобразований. Эта внешняя дезорганизация духовенства еще рельефнее выступала на вид при сравнении сословной жизни низшего духовенства с такою же жизнью среди других общественных классов и тем сильнее требовала со стороны правительства тщательнейшей заботливости. Тяготясь громадным количеством наличных священно-церковно-служителей, составлявших из себя в начале XVIII в. особый класс священно-церковно-служительского пролетариата, правительство XVII и XVIII вв. весьма серьезно отнеслось к вопросу об отыскании мер, служащих к сокращению численности духовенства. Дух времени, выставлявший прежде всего на вид государственное требование, заботу о том, чтобы «от государевой службы никто в избыток не был», заставлял правительство преобразовательной эпохи плохо ценить даже и истинно духовное служение. Тем более, разумеется само собою, неприятны были для правительства того времени эти громадные толпы праздных священно-церковно-служителей, живших при одном в том же приходе и занимавшихся одним и тем же делом, или, лучше сказать, не имевших для себя совершенно никакого дела. Прежде всего правительство Петра, продолжая политику XVII в. относительно безместных поповичей, стало усиленно заботиться о том, чтобы предотвратить громадный наплыв новых лиц к занятой священно-церковно-служительских должностей. К достижению этой цели правительство шло двояким путем – прямым и косвенным. Когда в 1711 г., по чисто государственным причинам, потому, «что государевой службе в ее нуждах ощутилось умаление» в первый раз было обращено внимание правительства на численность духовенства, общим приговором

освященного собора архипастырей и правительствующего сената ко всем преосвященным архиереям посланы были статьи с великим подкреплением. По всем этим статьям последовательно проводится одна общая мысль – по возможности затруднить доступ новых лиц к занятию священно-церковно-служительских должностей. Вот существенные пункты этих статей: 1) «не ставить в диаконы моложе 25 лет, в священники моложе 30 лет; 2) не посвящать лишних, но где прежде было по одному, там пусть и теперь так остается; 3) не верить дьячкам, которые придут посвящаться на место попа больного или престарелого, но самого попа поставить перед собой и взять у него сказку с подкреплением, что впредь служить и треб исправлять не будет; 4) в скудные приходы диаконов не посвящать; 5) заручные челобитные осторожно рассматривать – не ложные ли, есть ли рука помещика, есть ли отписка от старосты поповского; 6) послать указы к поповским старостам, чтобы отписок не давали прежде чем сами побывают в приходе и допросят крестьян, угоден ли им тот дьячек; 7) если кто из архиереев тому указу противным явится, грозно заключались изложенные статьи, такой подвергнется государеву гневу и удалению от престола». Мысль, выраженная в указанных 7-ми пунктах, неоднократно повторена была и в последующих законодательных распоряжениях Петровского правительства относительно духовенства. Так, спустя только пять лет после издания приведенных статей в 716 г. Петр собственноручно написал «ради некоторых небрегомых дел в епархиях преосвященных» особое изъяснение архиерейских обязанностей, которое изъяснение и препроводил чрез местоблюстителя патриаршества к преосвященным всех епархий. В этом «особливом изъяснении архиерейских обязанностей», между прочим, находим указание, на которое несомненно преобразователь желал обратить особенное внимание преосвященных. Этим пунктом преосвященные обязываются «не умножать священников и диаконов скверного ради прибытка, ниже для наследия ставить» (т. е. священно-церковно-служителей). Последние слова этого пункта уже в самом принципе подрывали старый порядок замещения

служебных должностей в клире. Наконец с учреждением Св. Синода и изданием Духовного регламента обращено было особенное внимание на устранение чрезвычайно большого наплыва в наличный состав церковного клира. Не говоря уже о том, что с этого времени создается целый ряд новых чисто внутренних условий в жизни духовенства, затрудняющих в такой или иной мере вступление в церковный клир, о чем мы скажем в своем месте, – вопрос об излишнем умножении церковного клира теперь размаривается с чисто канонической точки зрения. Так как, с одной стороны, «мнози в священнический чин вдираются не для чего иного, только для большей свободы и пропитания», а с другой, – многие ставятся и в причет принимаются «бежа от службы», то Духовный регламент, неоднократно повторяя прежнее требование епископам, чтобы они «ни под какими видами не ставили излишних священнослужителей», указывает на то, что «и св. Вселенский собор IV в Халкидоне в каноне 6-м запрещает ставить священники и диаконы просто ни в какой церкви не подлежащая». Вместе с этим регламент снова выставляет на вид ряд новых внешних условий, препятствующих в такой или иной мере тому, чтобы водратся в клир церковный. Кандидат священно-церковно-служительской должности должен был необходимо, по определению регламента, заранее еще зарекомендовать себя хорошим поведением пред своими будущими прихожанами. Норма этого поведения определяется почти буквальными словами того идеала христианского пастыря, который изображен в апостольских посланиях (Тим. гл. 7, 3). При прошении для определения на место кандидат священно-церковно-служительской должности непременно должен был приложить аттестат «от своих будущих прихожан о том, что его знают быть доброго человека, а именно не пьяницу, в домостроении своем не лениваго, не клеветника, не сварлива, не злободейца, не бийцу, в воровстве и обмане не обличенного». Даже при совершенном удовлетворении всем сейчас означенным условиям, регламент определяет «приятного ставленника не тотчас ставить» и он, ставленник должен был пройти, как увидим, целый ряд всевозможных испытаний и

искусов, прежде чем иметь несомненное ручательство за свое поступление на ту или другую священно-церковно-служительскую должность. Так дело внешней организации рассыпанной храмины духовного сословия правительство Петра прежде всего начало с того, что при посредстве целого ряда чисто внешних условий старалось плотно притворить широко раскрытую прежде дверь этой храмины, сделать более или менее затруднительною со стороны даже чисто внешних условий дорогу, ведущую ко вступлению в члены духовного сословия. Но храмина духовного сословия представляла, в период Петровских преобразований полнейшую дезорганизацию и в наличном составе своих членов. В XVII и начале XVIII вв., кажется, не было на Руси другого сословия, которое представляло бы такую крайнюю беспорядочность в своем внешнем сословном устройстве, как духовенство. Вот почему правительство Петра, стеснивши целым рядом трудных внешних условий прилив новых членов в наличный контингент духовенства, затворивши, насколько это было возможно, дверь в гостеприимную храмину духовного сословия, одновременно с этим стремится ввести строгий порядок и внешнюю организацию в среде наличного класса белого духовенства. Забота об этой внешней организации в среде наличного класса белого духовенства выразилась главным образом в энергическом стремлении правительства преобразовательной эпохи ограничить по возможности достигшее весьма больших размеров наличное количество безместного духовенства. Эта общая мысль косвенно проходит по всем частным законодательным распоряжениям правительства относительно устройства различных сторон сословного быта в среде духовенства. Выражением того, как действительно тяготилось правительство преобразовательной эпохи количеством наличного безместного духовенства и как сильно желало оно избавиться от него, всего лучше может служить та снисходительность, с какою правительство дозволяло выход из духовного звания даже и священнослужителям чрез добровольное снятия ими сана. Петр, как справедливо замечает историк нашего белого духовенства при Петре г. Знаменский,

«можно сказать поощрял (по крайней мере некоторых из таких лиц) к оставлению ими сана и к второбрачию». Им открыта была широкая довольно дорога при Петре не только в гражданском, но и в духовном же ведомстве¹⁶⁹. Такие лица поступали нередко на службу в коллегии, в духовные школы в качестве учителей и даже в Св. правительствующей Синод, синодальные конторы и канцелярии на разные чиновные должности. Длинный ряд законодательных распоряжений относительно ограничения наличного количества безместных священно-церковно-служителей начинается стремлением правительства изыскать способы к тому, чтобы прикрепить священно-церковно-служителей к их приходам и уничтожить таким образом широко развившееся бродяжничество духовенства. Меры, предпринимаемые правительством преобразовательной эпохи к ограничению количества безместного духовенства путем прикрепления священно-церковно-служителей к их приходам, развивались параллельно с заботами правительства о затруднении доступа в церковный клир новым лицам. Одновременно с тем, как высказаны были в первый раз в 711 г. попытки поставить эти затруднения, было заявлено желание правительства, чтобы священно-церковно-служители по возможности не покидали своих приходов и чтобы местные преосвященные по возможности бдительно следили за этим делом и отнюдь не поощряли такого намерения священно-церковно-служителей. Пятый пункт известных статей, изданных Правительствующим Сенатом совместно с освященным собором, строго запрещает епархиальным архиереям давать духовным лицам «перехожая грамоты к другой церкви и на крестец (наниматься служить в домовых церквах, кроме самой большой нужды например, когда два попа были у одной церкви, а приход оскудеет)». Это же самое запрещение неоднократно повторяется и притом с гораздо большей строгостью и во всем последующем законодательстве Петра относительно духовенства. С учреждением Синода и изданием регламента не только местная епархиальная власть, но и сами члены церковного клира привлекаются к ответственности за то, если они по каким бы то ни было причинам покидали свои прежние

места и отправлялись на поиски новых. По постановлению Духовного регламента, «епископ обязан был не допускать священнослужителей скитаться без места», а необходимо должен был позаботиться об определении таких священнослужителей «туда, где нового священника требуют». Сами священнослужители еще при посвящении своем должны были давать формальное письменное обязательство относительно того, что они никогда не оставят своего прихода, а будут жить постоянно на одном и том же месте. Вместе с этим регламент настрого запрещает мирским лицам принимать таких, «волочащихся, по его выражению, семо и овамо» попов и диаконов ни к которому церковному служению. При приходских же церквях священники никого не могли допускать к священнослужению без предъявления архиерейского свидетельства о том, что желающий служить действительно отпущен из своего места за делом. Оставлявших свою церковь самовольно велено ловить и наказывать; их можно было возвращать на старые места, но не иначе, как за поручительством честных лиц; в случае же их несогласия воротиться на свое прежнее место, они лишались сана. А лица, лишенные сана, если они осмеливались священнодействовать, отсылались уже прямо к гражданскому суду. Если бродячий поп пристаивал к полку, то военные власти, если только они приняли его добровольно и сознательно, а не были им обмануты, предавались суду военной коллегии¹⁷⁰. Так хлопотало правительство Петра о том, чтобы прочно утвердить постоянную оседлость членов клира на одном месте и вместе с этим ограничить широко разросшийся класс священно-церковно-служительского пролетариата в среде духовного сословия, безмерное и постоянное увеличение которого ложилось чрезвычайно тяжелым бременем как на церковь, так и на государство. Но хорошо сознавая, в чем заключается корень этого зла и каких ничтожных результатов в деле его уничтожения можно достигнуть путем простых предписаний и запрещений, правительство со всей энергией позаботилось отыскать более важные и практические меры, которые бы для самих членов клира служили в действительности достаточными

мотивами к тому, чтобы постоянно оставаться при одном и том же приходе. Самая важная и существенная мера правительства преобразовательной эпохи в этом отношении состояла в попытке Петра установить определенные штаты приходского духовенства. Путем этой попытки одновременно достигались две весьма существеннейшие цели, действие которых должно было в такой или иной мере, но во всяком случае, положительным образом повлиять на уничтожение большого количества священно-церковно-служительского пролетариата. С одной стороны, путем установления определенных штатов духовенства *de jure*, принципиально так сказать нарушалось старинное право свободного перехода от одной церкви к другой, а с другой – попыткой установить штаты духовенства правительство открывало возможность членам клира создать более или менее обеспеченное сравнительно с прежним материальное положение и таким образом уничтожало одну из самых основных причин прежней подвижности в среде духовного сословия. Мысль о желании установить определенные штаты духовенства проглядывает в законодательных распоряжениях Петра довольно рано. Выражением этой мысли может служить приведенное выше нами постановление 711 г. о запрещении ставить диаконов по бедным приходам. Не совсем ясно выраженная в этом запрещении мысль о штатах духовенства последующим законодательством развита была гораздо яснее и определеннее. В особенности намерениям правительства установить определенные штаты в среде духовенства весьма много содействовали его распоряжения о первой государственной ревизии. Мы знаем, что по некоторым указам о ревизии в дополнительных реестрах при ревизских сказках велено было писать весь наличный состав приходских священно-церковно-служителей. По отношению к духовному сословию эти переписи имели значение совершенно аналогичное с значением общей ревизии для судьбы целого народа, посредством их юридически совершилось прикрепление клира к приходским церквам. В период времени учреждения Св. Синода и издания Регламента мысль

правительства о штатах духовенства весьма близка была уже к реальному осуществлению. Составитель Духовного регламента замечает, что в период учреждения духовной коллегии и издания регламента у Его Императорского Величества было намерение «определить указне число священно-церковно-служителей и так церкви распорядить, чтобы довольное ко всякой число прихожан было приписано». Ввиду такого намерения преобразователя Св. Синод, по определению Регламента, должен был «согласясь с мирскими честными властями, сочинить совет и намеренное определение (т. е. относительно росписания количества домов по приходам) уставить». В 722 г. синодским указом от 10 августа и были установлены действительно определенные штаты духовенства. Этим указом определялось: «дабы больше триста дворов и в великих приходах не было, но числилося б в таком приходе, где один священник, 100 дворов или 150 а где два, тамо 200 или 250. А при трех числилося б до 800 дворов, и при толиких попах больше двух диаконов не было б, а причетникам быть по пропорции попов, т. е. при каждом попе один дьячек и один пономарь». Только московские соборы по этому указу оставлены в прежнем виде. В архиерейских соборах по епархиям назначено быть одному протопопу, двум ключарям, пяти попам, одному протодиакону, четырем диаконам, двум псаломщикам, двум пономарям, кроме соборов, к которым приписаны церкви с двойными причтами¹⁷¹. Осуществления этого штата по указу положено было ждать до тех пор, пока лишние священно-церковно-служители не переведутся сами собой. Архиереям не велено посвящать новых ставленников, пока оставшиеся сверх штата не найдут себе места. Эти штаты Петровского времени легли в основание всех последующих разборов духовенства, очищавших от времени до времени духовное сословие от излишних безместных членов¹⁷².

Другая и не менее важная, чем самая попытка установить определенные штаты белого духовенства, мера, предпринятая правительством преобразовательной эпохи в виду сокращения численности священно-церковно-служительского пролетариата, состояла в стремлении правительства отыскать какие-нибудь

прямые средства, обеспечивающие материальное положение белого духовенства. Нам нет надобности подробно изображать, каково было материальное положение нашего белого духовенства в XVII и начале XVIII вв. Достаточно только отметить тот факт, что наше древнерусское допетровское законодательство не заботилось об определении постоянных источников для содержания приходского причта и белое духовенство в течение всей древней истории всем своим достатком обязано было единственно народу. Эта тяжелая материальная зависимость духовенства в средствах своего обеспечения увеличивалась еще от того, что духовенство в конце XVII и начале XVIII вв. по-прежнему находилось в очень большой зависимости от прихожан в самом своем выборе и поступлении на место. Так, например, в таком даже городе, каким был Псков, «над церквами, по словам тамошнего митрополита Маркелла, архиереи воли не имели. Церквами мужики корчемствуют, говорить Маркелл, на всякий год сговариваются с священниками на дешевую ругу, кто меньше руги возьмет, хотя, которые попы пьяницы и бесчинники, тех и принимают, а добрым священникам отказывают и теми излишними доходами сами корыстуются..., а священники бедные и причетники у них, церковных старость, вместо рабов и говорить против них ничего не смеют»¹⁷³. Благодаря этой полной зависимости духовенства от своих прихожан уже в XVII в. священно-церковно-служители горько жаловались на свою бедность, на то, что им «кормиться нечем, что нет у них никакого заводишку, ни хлеба, ни лошади взять негде, а купить нечем». К этой бедности духовенства в преобразовательную эпоху присоединились еще весьма тяжелые правительственные требования, большие налоги, возложенные наравне с другими общественными классами между прочим и на духовенство. Реформа Петра потому именно и вызвала против себя такой ропот в народонаселении государства, что она требовала тяжелого материального служения от всех общественных классов. Не говоря уже о том, что у церкви и духовенства отнимались в период реформы все прежние материальные привилегии, духовенство обложено

было новыми налогами в пользу школ, богаделен, на жалованье вновь учрежденному при Петре полковому и флотскому духовенству; кроме того оно должно было нести разные повинности, наприм. поставлять в войско драгунских лошадей¹⁷⁴. Все эти тяжести преобразовательного времени, ложившиеся на духовенство, и создали среди его то неприглядное материальное положение, которое Посошков описывает такими чертами: «жалованья государева им (священно-церковно-служителям) нет, от мира им никакого подаяния нет же, и чем им питаться, Бог весть. Ничем они от пахотных мужиков не отменны; мужик за соху и поп за соху, мужик за косу и поп за косу... понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть; где было идти в церковь на славословие Божие, а поп с мужиком пойдет овины сушить, а где было обедню служить, а поп с причетником хлеб молотить». Чтобы поднять это крайне тяжелое материальное положение духовенства, бывшее одной из самых основных причин его кочевого образа жизни, правительство Петра сильно было озабочено мыслью отыскать какой-нибудь постоянный источник обеспечения духовенства. Вместе с установлением определенных штатов среди духовенства в данном случае конечно весьма много могло бы привести пользы наделение церквей достаточным количеством пахотной земли, жалованьем и пр. Но эти меры вовсе были не в духе Петровского законодательства, для которого государственный интерес, требование «чтобы земля из службы не выходила» стояли на первом плане и которое, как мы указывали, весьма сильно занято было вопросом о секуляризации церковных имуществ. В замене постоянного поземельного дохода или жалованья от государства он думал найти такой источник в постоянном доходе с приходских душ. По словам Духовного регламента у царя было намерение, при распорядке приходских дворов по церквам между прочим определить «что всякий приходский человеку должен причту своя церкви, так чтобы от подаяния тех весь причт мог иметь довольный трапезник». Но этому предположению, как известно, не суждено было исполниться ни при Петре, ни после него. При Петре только в раскольниковых

приходах, где на добротворство дателей плохо можно было надеяться, определено было священнику брать по гривне с каждой приходской души, да по гривне же с рождения, погребения и брака¹⁷⁵. Косвенным образом задача правительства преобразовательной эпохи относительно сокращения громадного количества безместного духовенства разрешалась путем строгих правительственных запрещений относительно постройки новых лишних церквей. Религиозное народное сознание древней Руси возвело построение церквей почти в необходимую обязанность для всех состоятельных людей. От этого число храмов возрастало до огромной цифры. В столице, например, государства Москве количество храмов в XVI и XVII вв. едва ли не превышало собой доселе уцелевшую в народном представлении цифру сорока сороков. По свидетельству подьячего Котошихина, каждый мало-мальски именитый боярин имел свою домашнюю церковь¹⁷⁶ и это достигалось тем удобнее, что устройство новой церкви вовсе не сопряжено было тогда с теми затруднительными условиями, которые существуют на этот счет теперь. Для построения новой церкви требовалось только одно благословение местного архиерея. При этом вовсе не обращалось внимания на то, «можно ли попу сытому быть». Широко развившееся «бродяжничество» духовенства в древней Руси и было самым естественным последствием бесчисленного множества церквей. Вот почему вместе с заботами о прекращении первого, правительство очень энергично стояло на том, чтобы не строили новых церквей. Архиереи должны были давать клятвенное обещание пред вступлением в отправление своей должности относительно того, что «ни сами не будут, ни другим не допустят строить церквей свыше потребности для прихожан». Это запрещение мотивировано было тем соображением, «дабы такие церкви не пустели лишения ради подобающих». Даже с прихожан и помещиков уже существовавших малоприходных церквей предписано было взять письменное обязательство относительно того, что они будут содержать свой приходский причт в надлежащем довольстве. С учреждением духовной коллегии стеснена была весьма значительно и прежняя

легкость, с которой происходило построение новых храмов. Прежде всего в Духовном регламенте была вновь повторена епископам их главнейшая обязанность о недопущении построения новых церквей. «Епископ должен смотреть, говорит регламент, чего смотреть обещался с клятвою на своем поставлении... дабы лишних безлюдных церквей не строено было». Дела относительно построения новых церквей поступали теперь в Св. Синод и даже подавались на имя самого Государя¹⁷⁷. В прошении подробно должно было обозначить, почему нужен новый храм, место, назначенное для него, число приходских дворов и их расстояние близ лежащих церквей и как главное, предполагаемые способы содержания причта. Привилегия иметь особые домовые церкви была допущена только для членов царской фамилии и для знатных престарелых особ, которые не могут ходить к службе в приходские церкви¹⁷⁸.

Ряд рассмотренных нами законодательных постановлений Петровского времени направлен к цели внешней организации духовного сословия и произвел в среде духовенства весьма резкую обособленность в ряду других сословий. Параллельно со всеми другими общественными классами духовенство также с внешней стороны организовалось теперь в особое сословие, отдельное от других с особым управлением. Эта внешняя обособленность духовенства становится еще ощутительнее, если принять во внимание сословную организацию других общественных классов и то обстоятельство, что по указам Петра значительно была стеснена прежняя свобода вступления в духовное звание для лиц других общественных сословий. Правительство Петра, как известно, сильно беспокоилось о том, чтобы лица из других сословий, поступая на церковные места, не отбыли от государственной службы и податей, чтобы не уменьшилось число людей непосредственно и материально служивших государству. Поэтому хотя мы и встречаем позволения при Петре вступать в духовное звание кадетам дворянских фамилий¹⁷⁹ и крестьянам¹⁸⁰, но эти же самые законы содержат в себе и ограничение прежней свободы доступа в духовное звание для людей всех чинов. Эта же

обособленность духовенства в ряду других сословий еще рельефнее выступает пред нами, если мы бросим беглый взгляд на меры, предпринятые Петровским правительством с целью внутренней организации духовенства.

Второй вопрос, который составлял предмет правительственных забот преобразовательной эпохи относительно белого духовенства и разрешение которого предположено Духовным регламентом наряду с более правильной внешней организацией духовенства, состоял в том, чтобы возвысить нравственное значение священно-церковнослужителей, указать им руководящие правила к более исправному отправлению ими обязанностей своего сана и, наконец, вместе с этим точнее определить отношения приходского духовенства к прихожанам. Преследуя разрешение означенных вопросов, правительство Петра вместе с этим полагало твердое основание внутренней организации духовного сословия. Теперь, наряду со всеми прочими государственными сословиями, между которыми распределены были различные государственные обязанности, и духовенству строго предъявлены были требования о правильном исполнении им его специальных служебных обязанностей, по возможности точно определены были границы деятельности и духовного сословия и вместе с этим указаны были руководящие правила этой деятельности. В своем стремлении дать прочную внутреннюю организацию духовенству правительство преобразовательной эпохи опиралось так сказать на самые коренные начала. Ясно сознавая, что корень всех нравственных и служебных недостатков тогдашнего духовенства лежит в слабом развитии его умственного уровня, в недостатке его просвещения и образования, правительство старалось обратить усиленное внимание на эту именно сторону во внутренней жизни духовенства. Заботам правительства петровского времени относительно образования духовенства мы посвящаем особую главу в своем исследовании. Здесь же мы постараемся показать смысл и значение ближайших и непосредственных мер, предпринимаемых правительством с целью возможно правильной организации внутренней жизни среди духовенства.

Зная, из кого состоял контингент лиц низшего духовенства в XVII и начале XVIII вв., легко понять, чего можно было требовать от него в нравственном и служебном отношениях. Если бы мы были в состоянии начертить цельную картину нравственных и служебных злоупотреблений в среде духовенства рассматриваемого времени, которые так низко роняли достоинство служителей алтаря и так глубоко должны были возмущать нравственное чувство паствы, если бы мы в состоянии наглядно представить все ненормальные явления в жизни духовенства XVII и начала XVIII вв., то вероятно многие в настоящее время сочли бы это изображение действительности пасквилем на духовенство и не поверили бы ему. Но отказываясь начертить в своем исследовании полную и точную картину нравственного и умственного состояния тогдашнего духовенства, насколько оно отразилось в официальной-служебной и частной-домашней жизни духовенства, мы тем не менее постараемся показать здесь выдающиеся черты этой жизни. Делаем это больше с той целью, чтобы показать, что у правительства преобразовательной эпохи было достаточно данных к тому, чтобы употреблять те крутые меры к очищению и исправлению внутренней жизни духовенства, которые нередко с неподдельным чувством недовольства осуждаются людьми (особенно самим же духовенством) нашего времени. Уже при беглом взгляде на самый внешний состав массы тогдашнего низшего духовенства можно сказать без преувеличения в словах, что это были не просветители народа, которые могли бы распространять около себя новые лучшие понятия и учить народ благочестию примером доброй жизни, а скорее представители и выразители тех нравственных недостатков, которые царили в среде народной массы, поведение которых служило положительным соблазном для народа. Главный источник, из которого пополняется наличный состав церковного клира, состоял в массе безместных поповичей, проживавших в семействах своих родичей – наличных членов церковного клира и с нетерпением выжидавших для себя удобного случая к тому, чтобы водраться в духовный чин. Во внутренней своей жизни масса этих кандидатов на церковно-священно-служительские

должности представляла из себя крайнее невежество и нравственную распущенность. Акты XVII в. переполнены жалобами на то, что безместные поповичи бесчинствуют во время богослужения даже и в алтаре, ругаются в церкви скаредною бранью, занимаются воровством, чернокнижием, звездочетством, держат у себя разные книги, ересные приговоры, рафли, тетради гадательные¹⁸¹. Исторические свидетельства из времени Петровских преобразований не рисуют нам состояние внутренней жизни в массе этих кандидатов священнослужительских должностей в лучшем виде. С глубокой скорбью замечает святитель Димитрий Ростовский о поведении таких кандидатов священно-церковно-служительских должностей, об их небрежности и невнимании к отправлению самоважнейших и священнейших обязанностей каждого истинного христианина по отношению к церкви. «Иерейские сыновья, говорит святитель, приходят ставиться на отцовски места, – мы их спрашиваем: давно ли причащались? И они отвечают, что и не помнят, когда причащались. О, окаянные иереи, взывает святитель, нерадящие о своем доме! Как могут радеть о святой церкви люди домашних своих к св. причастию не приводящие»¹⁸². Такова была нравственная жизнь в кругу тех лиц, которые стояли на ближайшей очереди ко вступлению в наличный состав церковного клира. «Водравшись» каким бы то ни было, иногда далеко не совсем честными и законными путями в церковный клир, без всякого живого нравственного сознания важности пастырских своих обязанностей и достоинства священного сана, такие священно-церковно-служители не только не заботились о развитии и распространении христианских начал веры и нравственности, но погружены были в крайнюю лень и беспечность относительно исполнения положительных даже уставов церкви – прямых обязанностей их служения. Знаменитый крестьянин Петровского времени Посошков так описывает нам отношение священнослужителей к обязанностям, возлагаемым на них их саном. Священство – столп и утверждение всему благочестию и всему человеческому спасению. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди. Ныне же истинного священства едва след

обретается... Ныне же истинно таковых пресвитеров много, что не то, чтобы кого от неверия в веру привести, но и того не знают, что то есть речение вера и не до сего ста, но есть и таковые, что церковные службы како прямо отправляти не знают... Видел я в Москве пресвитера из знатного дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и татарке против ея задания ответу здорового «дать на умел, что же может рещи сельский поп, иже и веры христианской, на чем она основана, не ведает». «От пресвитерского небрежения, замечает в другом месте тот же Посошков, уже много нашего Российского народа в погибельныя ереси уклонилось. В великом Новгороде едва и сотая часть найдется древняго благочестия держащихся. А пресвитеров хотя и много в городе, однако не пекутся, чтобы от такой погибели их отвратить и на правый путь направить; есть и такие пресвитеры что и потакают им, и потому церкви все уже запустели. В Новгородском уезде в Устрицком погосте случилось мне быть: у церкви три попа, а на св. Пасху только два дня литургии были, а тутошние жители сказывали, что больше одной обедни на святой небывало; теперь меня поопаслись и отслужили две». Итак, несмотря на то, что даже при самых малоприходных церквях, как мы это знаем, нередко проживали целые толпы священников, эти последние далеко не были ревностными и исправными исполнителями прямых обязанностей своего сана. Приход, который приводит в пример Посошков, был конечно не единственным примером в этом роде. Эта беспечная небрежность и невнимание к своим пастырским обязанностям с особенною силой обнаруживались даже и в самом совершении божественных служб и отправлении треб церковных. Церковное богослужение, совершаемое массой низшего духовенства, в тогдашнее время представляло из себя зрелище в высшей степени странное. При совершении церковного богослужения невежественное нерадение пастырей допускало множество опущений, вольности, бесчинства. Весьма часто священник, заранее дома прочитав те молитвы, какие ему нужно было бы читать в церкви по служебнику, во время самой службы стоял уже спокойно и говорил одни возгласы. Эти последние далеко не

соответствовали тому, что пелось или читалось вслед за ними на клиросе. Здесь на клиросе в тоже время шла непостижимая путаница чтения и пения вперемежку со скаредною перебранкой служащих. С таким пренебрежением к совершению божественной службы относилось тогдашнее духовенство. Духовный регламент замечает, что относительно всех вообще священнослужителей «наблюдать надлежит не шумят ли они пьяные в церквях, не делают ли церковного молебствия двоегласно». Еще большие «беззакония» допускали низшее духовенство, по словам регламента, при совершении таинств и отправления треб церковных, как в церкви, так и по домам мирян. Прежде чем приступить к совершению той или другой требы или таинства священнослужители обыкновенно вступали в торги с своими прихожанами и всячески старались вытянуть у них излишнюю иногда весьма тяжелую плату. Эти денежные торги со своими прихожанами особенно практиковались при совершении таинств брака, покаяния и крещения. Не говоря уже о том, что за деньги священники венчали неправильные браки, укрывали на исповеди явных раскольников и помещали в метрических списках крещенными раскольничьих детей без действительного совершения над ними таинства, непосильной денежной платы вымогали они и при действительно законном совершении таинств и отпращивании церковных треб. При совершении, напр., таинства покаяния многие священники пред св. крестом и Евангелием «с безстыдным нахальством», по выражению регламента, старались домогаться чего-нибудь у своих духовных детей и таким образом св. таинство употребляли в средство для достижения своих низких, корыстных целей. «За дело служения своего, читаем в регламенте, напр., за крещение, венчание, погребение и проч., не делали б иереи торгу, но довольны бы были подаваемым доброхотно награждением». Эти торги «за дело служения» были тем непростительнее, что, как часто бывало, священнослужители, получив деньги и разные приношения, не исправляли однакоже церковных треб. «Сие (т. е. чтобы священнослужители не торговались с прихожанами) наипаче наблюдать в сорокоустах, продолжает регламент, за которые

великия цены попы домогаются (хотя бы их и не прошено о том, но и сами они часто сорокоуостов служить не думают, а насильно платы будто пошлины за смерть истязуют)». Подобные вымогательства у прихожан со стороны священников усиливались особенно в тех местностях России, где духовенства было мало. В 1693 г. крестьяне Пудогского погоста жаловались на своих попов: «которых тела умерших мирские люди к церкви привозили, они попы с тех умерших имали по два, по три и по пяти рублев, а с иных просили и 15 руб., а дательде было нечего, и те умерших тела лежат без погребения, а что молитву давали родильницам и свадьбы венчали и младенцев крестили, и которые младенцы умирали и они-де попы имали и от молитвы, и от венчания, и от крещения и от погребения все пред прежним вчетверо... а ругу-де они попы с их мирян емлют накладную пред прежним в трое»¹⁸³. О том как развит был в среде тогдашнего духовенства грубый порок симонии, лучше всего можно судить потому, что составитель регламента в числе главных обязанностей новоучрежденного Синода поставляет ту «немалую его должность», «как бы священство от симонии и безстудного нахальства отвратить... дабы они (священнослужители) совершенное по мере своей имели довольство и не домогались впредь платежу за крещение, погребение, венчание» и проч. – Выторговав себе прежде совершения той или другой требы или таинства произвольную плату, священник приступал наконец к самому совершению того или другого христианского обряда. Во время самого совершения того или другого обряда многие священнослужители, по своему крайнему невежеству, не понимая истинного смысла и значения, какой придается обряду, считали нередко необходимым или освящать своими действиями всю сумму народных суеверий, соединяемых с тем или другим христианским обрядом, или слепо держаться за букву требника, суеверно приписывая ей непреложный смысл и значение. Такая суеверная преданность букве требника особенно имела чрезвычайно большую силу в практике таинства покаяния и напутствия умирающих. Некоторые неразумные священники, по свидетельству регламента, слепо следуя постановлению требника об

епитимии, отлучают кающихся от св. причастия на несколько лет. «Ежели случится, что отлученный тяжело заболит, то те неразумные попы не сподобляют их св. таин, утверждая, что без исполнения епитимии нельзя допустить их к таинству евхаристии и отлученные отходят в вечность, не приобщившись тела и крови Христовой».

Таково было поведение церковного клира в преобразовательную эпоху в его так сказать официальной жизни – в церкви, при отправлении им служебных обязанностей. После этого нет ничего удивительного в том, что, по свидетельствам тогдашнего времени, частная, домашняя жизнь духовенства рисуется нам в самом мрачном и непривлекательном виде. Не сознавая достоинства священного сана и своих духовных обязанностей священно-церковно-служители не стыдились публично, пред народом, выставять себя во внешнем поведении в самом грязном виде, унижающем самое их священство. Это небрежное отношение к себе и своему сану отражалось во всем, начиная с самого внешнего вида священнослужителя. По внешнему своему виду, по своему костюму, обыкновенный священник тогдашнего времени мало чем напоминал собой священника в его настоящей внешней форме. Встретившись со священником, трудно было узнать в нем служителя алтаря Христова. По словам Посошкова, «священники ходили в гнусных многошвейных одеждах, в белых некрашенных сукнах, коротких, с узкими рукавами, и в лаптях». «Иной пресвитер, говорит тот же Посошков, возложит на ся одежду златотканную (церковное облачение), а на ногах лапти растоптанные и во всяком кале обваленные, а кафтан нижний весь гнусен». «Гнусному» одеянию священнослужителей соответствовало вполне и все его внешнее поведение. Пьянство, распутство вдовствующих и бродячих попов, общая грубость нравов в среде массы духовенства – вот отличительные черты внешнего поведения священно-церковно-служителей тогдашнего времени. Особенной грубостью нравов и полнейшей деморализацией отличалось переходное или крестцовое духовенство. Это были самые грязные люди из среды духовенства. Московские крестцы или сборные пункты,

на которые сходилось бродящее духовенство, живо напоминают собою нынешние сборные пункты в Москве для всяких проходимцев – пресловутые Толкучий и Хитров рынки и другие места. У Варварских, и в особенности у Спасских ворот, где был в древней Руси так называемый Фроловский мост, также не безопасно было проходить мало-мальски порядочному человеку, не рискуя быть ни за что ни про что, как говорится, оскорбленным, как небезопасно проходить в настоящее время по Толкучему или Хитровке. Здесь изо дня в день повторялись те сцены, яркую характеристику которых представлял нам боярский сын при патриархе Иове (в XVII в.) Чортов в своем донесении о крестцовом духовенстве: «безместные де и попы и диаконы, писал Чортов в своем донесении, садятся у Фроловскаго мосту и безчинства чинят всякия, меж себя бранятся и укоризны чинят скарედныя и смехотворныя, а иные меж себя играют и в кулачки бьются, а которые наймутся обедню служить и они со своею братьею, с которыми бранились, не простясь божественную литургию служат и де и безместные попы и диаконы в поповскую избу не ходят и пред божественною литургиею правила не правят»¹⁸⁴. Мало того, что крестцовые попы принимались служить божественную литургию только что поссорившись и даже подравшись со своими собратьями, мало того, что многие из них приступали к св. алтарю, состоя в то же время под архиерейским запрещением, между ними попадались иногда на крестцах даже и прямые священнослужители – самозванцы. Однажды при Петре попался в совершении священнических треб простой рабочий. По доносу его хозяина Св. Синод подвергнул его допросу и узнал, что он был сын священника, по смерти отца просился было на наследное место, но почему-то долго его не получал; соскучившись ждать, он надел на себя отцовское платье, пришел в свое село и начал служить при церкви без рукоположения; так прошло около года, когда ему вдруг пришло в голову покаяться в своем страшном грехе. Духовное начальство отправило его на покаяние в Невский монастырь, но еще до окончания епитимьи он нанялся в работники к одному мастеру металлических изделий и в подспорье к своим

заработкам потихоньку совершал разные требы по Петербургу¹⁸⁵. И так вели себя, впрочем, не одни только крестцовые попы. С таким же пренебрежением и к богослужению и к достоинству своего сана относились и штатные священнослужители. Составитель регламента, глубоко возмущенный картиной внешнего поведения духовенства, не щадит красок для ее изображения и ядовито-желчных слов для того, чтобы рельефнее представить нам все «нестерпимое, по его словам безстудие», обнаруживаемое в поведении тогдашнего духовенства. «Не токмо наблюдать надлежит, читаем в регламенте, не безчинствуют ли священники и диаконы и прочие церковники, не шумят ли по улицам пьяни... не ссорятся ли по мужичью на обедах, не истязуют ли в гостях подчивание (а сие нестерпимое безстудие бывает), не храбрствуют ли в боях кулачных, и за таковыя вины их наказывать: но и сие прилежно им заповедать должен епископ, чтобы хранили на себе благообразие, а именно: чтобы одеяние их верхнее хотя убогое, но чистое было и единой черной, а не иной краски. Не ходили бы простовласы, не ложились бы спать по улицам, не пили б по кабакам, не являли б в гостях силы и храбрости к питию и прочая сим подобная: таковыя бо неблагообразия показывают их быти ярыжными». И все эти исчисленные Духовным регламентом неблагообразия в поведении духовенства тем более – воспользуемся выражением регламента – представляли лиц, носивших на себе священный сан «ярыжными», что ими унижалось не только достоинство носимого ими священного сана, но вместе с этим нередко профанировалась и самая святость и важность того или другого священнодействия. Очень нередко, напр., бывали такие священники, которые (как это было, напр., в Ростовской епархии), гордясь безмерно в пьяном виде своим священством, угрожали пастве данной им от Бога властью вязать и решить. «Доносится нам слух, пишет св. Димитрий Ростовский, о неких попах неискусных и злонравных, иже детей своих духовных исповеданные грехи изъясляют, и в прилучающихся между людьми беседах, егда бывают пьянии, хвастают тщеславно детьми духовными, сказующе которыхя лица к ним на исповедь

приходят. Егда же за что разгневаются на духовных детей, абие с укоризною поносят им, глаголюще: «ты мне духовный сын (или духовная дочь) не веси ли яко вем грехи твоя сия, абие обличу тя пред всеми» и прочие безумные глаголы»¹⁸⁶. Вместе с храбростью к кулачным боям и силой к питью, бывшей источником многих самых грубых пороков в среде священнослужителей, соединялось еще распутство многих, особенно же вдовых и безместных священнослужителей. По словам регламента, многие из священнослужителей «вдовы держат под образом потреб церковных не без подозрения, яково не однократно явилось в духовных делах». Как велико было зло и соблазн, проистекавшие от распутства вдовых священнослужителей, это видно из того замечания, которое ставит на счет их регламент Синоду. «Должен быти прилежный совет в Святейшем правительствующем Синоде, говорит регламент, что делати с овдовелыми иереи и диаконы, наипаче же которые в юности своей овдовели».

Таково было состояние внутренней жизни в массе низшего духовенства в преобразовательную эпоху. Всматриваясь в эту мрачную, безотрадную картину жизни низшего духовенства, невольно поражаешься теми нескончаемыми затруднениями, которые предстояли правительству в его заботах о лучшем устройстве церковного клира и невольно проникаешься чувством глубочайшего уважения к тем разумным практическим мерам, которые предпринимало Петровское правительство с целью предупреждения грубых пороков, царивших в массе духовного сословия. Уже чисто внешние строгие меры, какие предпринимало Петровское правительство в своих заботах о том, чтобы по возможности изменить беспорядочный внешний строй социальной жизни в среде духовенства и открыть доступ к вступлению в церковный клир и к принятию на себя священного сана лицам достойным его, должны были, как само собой разумеется, в такой или иной мере оказать свое влияние на изменение и внутренней жизни в массах духовенства. Если такие внешние меры и не производили внутреннего преобразования, перевоспитания духовенства, то во всяком случае несомненно то, что они заставляли поведение

духовенства постепенно вдвигаться так сказать в определенные, официальные рамки. Но правительство преобразовательной эпохи в своих стремлениях поднять низкий нравственный уровень в современном ему духовенстве не останавливалось только на одних лишь отрицательных внешних мерах; параллельно с этими мерами оно старалось выработать положительные начала, последовательное проведение которых во внутреннюю жизнь духовенства давало бы действительные и постоянные результаты в изменении этой жизни. Самым существеннейшим из таких начал, было, разумеется, образовательное, фундамент которого был так прочно заложен в первой четверти XVIII в., что на нем по преимуществу строились все попытки последующего времени относительно организации внутренней жизни в среде духовенства. Но благие результаты образовательного начала в приложении к духовному сословию, как ни твердо веровало правительство в силу и действенность этого начала, естественно не могли быть ощутительными в кратковременную преобразовательную эпоху; а между тем для тогдашнего нетерпеливого так сказать в достижении своих целей правительства не было кажется ничего тяжелее, как постоянно видеть перед глазами «многия нестроения и великую скудость в делах духовного чана» и видеть в то время, когда правительство осязательно уже так сказать ощущало «толикая благопоспешества в исправлении как воинского, так и гражданского чина». Вот почему одновременно со стремлением правительства преобразовательной эпохи регулировать строй внутренней жизни духовенства путем постепенного развития образовательного начала, правительство останавливается в деле достижения означенной цели на ряде мер хотя и положительных, внутренних, но так сказать не радикальных, а паллиативного свойства. Эти последние меры, путем которых правительство стиралось регулировать внутреннюю жизнь в среде духовенства, сосредоточиваются преимущественно в постановлениях Духовного регламента. Предшествовавшие регламенту законодательные распоряжения Петра относительно белого духовенства стремились преимущественно к

организации внешнего социального строя в массе низшего духовенства и действие их лишь косвенным образом отразилось на внутренней стороне жизни духовенства. После того как законодательными правительственными распоряжениями значительно стеснена была прежняя свобода вступления в церковный клир и получение священного сана обставлено было довольно сложным рядом чисто внешних формальностей, на очередь выдвигался прежде всего вопрос о том, чтобы сделать по возможности более или менее исправным прохождение обязанностей пастырского служения. Этот вопрос и разрешается Духовным регламентом путем разъяснения сущности важнейших пастырских обязанностей. Мы указывали уже на то, что регламент запрещает спешить рукоположением в священный сан тотчас по исполнении всех строгих внешних формальностей кандидатами на получение священнослужительского сана. Отправив все эти внешние формальности или, как говорят в настоящее время, «получив резолюцию от начальства о поступлении на место», ставленник прежде своего посвящения должен был пройти довольно сложный внутренний искуc. Этот искуc начинался с того, что ставленник обязательно должен был изучить «помянутыя книжицы», т. е. о главнейших спасительных догматах веры нашей и о заповедях Божиих, в десятословии заключенных, о собственных всякого чина должностях и наконец 3-ю как о главных догматах, так и иначе о грехах и добродетелях и собственно о должностях всякого чина. Пока ставленник должен был трудиться над изучением элементарных сведений из области христианского вер и нравоучения: во все продолжение этого времени необходимо должно было «испытывать» чистоту его собственных нравственных убеждений – «не ханжа ли он, не претворяет ли смирения, такожде не сказует ли своих о себе или о ином снов и видений, ибо от таковых каковаго добра надеяться, замечает регламент, разве бабьих басен и вредных в народе плевел, вместо здраваго учения». Само собой разумеется, что такая экспирементация внутреннего настроения человека не может быть легким делом; пословица говорит, что «чужая душа – потемки», но регламент замечает, что «умному

человеку не трудно узнать обо всем этом». Наконец пред самым уже поставлением в священный сан ставленник должен был «публично в церкви» проклянуть все раскольничьи согласия принести присягу на безусловную верность государству и на то, что в назначенном ему приходе не будет скрывать раскольников молчанием своим о них, но необходимо будет доносить о них ведением на письме епископу своему, по каким бы только приметам он ни открыл их. Так регламент задерживает некоторое время кандидата священства на пороге уже так сказать к принятию им на себя священного сана и при помощи несколько иезуитского характера средств, пытается предупредить обнаруживавшиеся очень нередко на практике злоупотребления среди духовенства и воспитать в молодом поколении священства чистоту нравственных убеждений. Прошедши длинный ряд внутреннего испытания, ставленник получал наконец рукоположение, но все же еще не отпускался в свою паству. За поставлением в священнический сан, как это водится и теперь, следует некоторое время обучение новопосвященного «церковным служениям». По предписаниям регламента, такое обучение необходимо должно было происходить на архиерейском подворье. В период этого обучения церковным служениям для новопоставленного иерея находилось и другое, стороннее дело. Если ему не на что было купить печатного Духовного регламента, то в таком случае он должен был списывать его во время обучения на архиерейском подворье. После же обучения, пред отпуском в свой приход, новопоставленный иерей должен был дать расписку в приказе архиерейском в том, что он взял с собою помянутые правила и по оным исправляться будет, под штрафом, по рассуждению архиерейскому. Отпуская новопоставленного иерея в приход, регламент старается дать ему несколько наставлений касательно исправного прохождения им должности. Эти наставления не ограничиваются только рассмотренным нами простым указанием и запрещением тех злоупотреблений, какие обнаруживались в официальной жизни тогдашнего духовенства. Составитель регламента озабочен вместе с этим и тем, чтобы разъяснить сущность важнейших пастырских обязанностей. Эти

его разъяснения сосредоточены главным образом на практике таинств покаяния и причащения, так как именно относительно этих двух таинств чаще всего обнаруживались злоупотребления священнослужителей. Все регламентские постановления относительно практики исповеди направлены к двум пунктам: во-первых, чтобы сообщить исповеди характер действительного таинства и во-вторых, чтобы установить правильный взгляд на духовное наказание или епитимии. По существу и смыслу, какой усвоится христианской церковью таинству покаяния, оно не должно ограничиваться лишь простой передачей кающимся грешником грехов духовному отцу. Эта внешняя передача грехов необходимо должна предваряться сердечным сокрушением о них и сопровождаться надеждой на всепрощающее милосердие Божие. Возбуждение в душе кающегося грешника чувства внутреннего сокрушения о грехах и укрепления в нем надежды на милость Божию регламент вменяет в особенную непрременнейшую заботливость духовника. «Сия суть воистину нужнейшая священникам должности, говорит регламент, како на исповеди кающихся, аще кого студенаго и без умиления видят, судом Божиим устрашить: аще же кого видят сумнящагося и ко отчаянию преклонного, како такового возставить к преломлению греховного обычая, как утешить больнаго, каким словом напутствовать умирающаго, ведомаго на казнь» и т. д.

Так как нельзя надеяться, чтобы малоученые священники сами сумели все это выполнить, то поэтому нужно сочинить поучения на каждый такой случай, а священники должны выучить эти поучения наизусть и читать их при всяком подлежащем случае. Последующие регламентские постановления относительно практики таинства исповеди, опираясь на канонические и главным образом просто разумные основания, имеют в виду разъяснить то положение, что основному свойству исповеди – тайне ее отнюдь не противоречит открытое объявление пред властями некоторых грехов кающегося. К числу таких грехов отнесены регламентом задуманное намерение сделать воровство, бунт, измену, злой умысел на честь и здоровье государя или его семейства. Все

эти грехи подлежат открытому объявлению в том случае, если открывший их на исповеди не только, но словам регламента, не раскаивается, но ставит себе в истину и намерения своего не отлагает, и не яко грех исповедует: но паче дабы тако согласиём, или молчанием духовника своего, в намерении своем утвердился. Кроме этих государственных преступлений, подлежащих открытию священником, духовникам поставлено регламентом в обязанность разглашать о тех злых действиях, которые имели своим последствием народный соблазн, например, если кто распространил в народе сведения о ложных чудесах, а потом открылся на исповеди в своем грехе. Каноническое основание для такого открытого объявления перечисленных преступлений регламент усматривает в известных словах Спасителя: «аще согрешит тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем едином» (Мф. 18:15), которые толкуют в пользу выставленного им положения в том смысле, что если им велено публично объявлять: «о братии согрешении до единой точно обиды или подобного той касающемся, то колыми паче о злодейственном на государя или на тело церкви умышлении, и о хотящем от того быть вреде доносить и объявлять должно есть». Доказательства же регламента в пользу объявления некоторого рода преступлений, основанные на простых логических соображениях разума, опираются на том положении, что «объявление беззакония намеренного, котораго исповедающийся открыть не хочет, и в грех себе не вменяет, не есть исповедь, ниже часть исповеди, но коварное к прельщению совести своей ухищрение, на конечную тем злодеем гибель, и духовником их такое злодейственное намерение прикрывающим на пагубу, что уже и в самом действе, замечает в подтверждение своих слов регламент, неточно в прошлых летех, но и в сем году явно показалось». Нельзя не заметить о натянутости этих приводимых регламентом доказательств в пользу доноса при открытии известного рода грехов на исповеди и о несколько иезуитском духе этих доказательств; но нельзя также не сказать и того, что это усиленное стремление регламента согласить необходимость доноса с истинным смыслом таинства покаяния

вытекало из желания предупредить злоупотребления священников таинством исповеди. Множество следственных, в особенности по расколу и по делу царевича Алексея, дел обнаруживало, что духовные отцы не только покрывают объявивших им на исповеди свои преступные намерения, но и стараются даже подстрекать таких лиц к задуманным преступлениям. Когда царевич Алексей, напр. признался на исповеди своему духовнику отцу Якову Игнатьеву, что желает смерти царю, своему отцу, на это духовник отвечал: «Бог простит! Мы ведь и все желаем ему смерти»¹⁸⁷. Увлеченные раскольническим мнением того времени при исповеди Левина, что он считает Петра антихристом, исповедники отвечали ему: «и мы за такого его признаваем»¹⁸⁸. Левин ходил часто к Лебедке (духовнику Меньшикова), был у него на исповеди и сообщал, что «служить нельзя, что государь жестокой и я признаю его антихристом». Лебедка твердил тоже: «Петр – антихрист, когда девочку (дочь свою) выдам, то, покинув и попадью, пойду в монастырь»¹⁸⁹. Надо думать также, что привлеченные по следственным делам к суду в укрывательстве противогосударственных преступлений духовники нередко даже старались оправдать свои проступки, указывая на несообразность доносов с сущностью таинства исповеди.

Но при всем этом, если, как доказывает регламент, исповедь и действительно «не порокуется от требования от духовника доноса», то все же следует сказать, что требование доноса не ведет еще к предупреждению преступления, а, следовательно, и не достигает цели. В смутную эпоху, наступившую за смертью Петра 1-го, – эпоху, полную господства тайной канцелярии с ее «словом и делом», вошло в обыкновение домогаться истины путем поднятия на дыбы не только виновника, но и обвинителя. Кто же из священников стал бы доносить, если бы ему и действительно было открыто злое намерение антиправительственное или какое-нибудь другое, имея в перспективе, что его подвергнуть ужасным мукам и пыткам? Как при исповеди кающегося регламент требует, чтобы духовники непременно доносили об известных преступных намерениях, так, наоборот, в вопросе о церковном наказании

или епитимии регламент старается по возможности сузить находящуюся в их распоряжении широкую власть. Каноническими правилами, заимствованными из определений шестого Вселенского или Трульского собора и из сочинений Василия Великого, известных византийских канонистов Вальсамона патриарха Антиохийского, Григория Нисского, Златоуста, Зонары и Аристена, регламент старается доказать, что древние св. отцы никогда не рассуждали об епитимиях, как о непреложных, и допускали перемену их в некоторых важных случаях. Если таково было древнее церковно-каноническое учение об епитимиях, то тем более в настоящее время, разъясняет регламент, нельзя строго держаться в употреблении этого церковного наказания за букву требника. Особенно это нужно сказать об одном, самом строгом виде епитимии – отлучении от св. причастия на более или менее продолжительное время. Пользование отлучением от св. причастия, как средством духовного наказания, регламент обставляет возможной предусмотрительностью и рекомендует это средство только в том случае, когда духовный отец усмотрел бы, «что исповедующийся у него есть человек так на всякую епитимию готовый, что отлучение от св. причастия не опровержет его ни к отчаянию, ниже к лености и небрежению, но и паче в вящему греховой тяжести и гнева Божия познанию приведет и к теплейшему покаянию устроит его». Но даже и при такой прозорливости со стороны духовника души кающегося грешника он все же сам лично не может налагать такой епитимии но необходимо должен просить рассуждения и благословения на это дело у своего епархиального архиерея. Существовавшего же в древности отлучения от св. причастия на несколько лет теперь даже и совершенно нельзя применять, по мысли регламента, – ибо теперь раскольники, чтобы только не приобщаться св. таин более или менее продолжительное время, сами на себя возводят страшные тяжелые грехи, а «неразумные попы» отлучают их от причастия.

Итак, смягчение строгости этого рода епитимии вызвано в регламенте не намерением восстановить утраченный смысл ее, а намерением открывать раскольников. Во всех других родах

епитимия это смягчение прежней строгости епитимии, как церковного наказания, доведено в регламенте до того, что иногда, по мысли регламента, несмотря на всю тяжесть грешника, нельзя наложить совершенно уже никакой епитимии. «Кую бо, например, с недоумением спрашивает регламент, наложить можем епитимию воину рядовому, нуждному путнику, корабельному служителю, нищему, больному и подобным прочим; поститься им невозможно, милостыни давати нет из чего, таковых убо довольно страхом суда Божия обуздав... и без епитимии удостоити причастия таин святых». Нельзя не сознаться, что это смягчение строгости епитимии, как церковного наказания, доведенное в регламента до положительного отрицания ее, по крайней мере в некоторых случаях есть последовательное применения богословского воззрения Феофана на оправдание грешного человека ради единых заслуг Христовых – туне, то есть, даром, не вследствие каких-либо заслуг пред Богом со стороны данного лица, а единственно вследствие безграничной благодати Божией. Ограничивши такими узкими рамками епитимию, как духовное наказание, а в особенности самый строгий в крайний род епитимии – отлучение от причастия св. таин на некоторое время, регламент в то же время возлагает на духовных отцов обязанность зорко следить за тем, чтобы все миряне однажды в год пообщались св. таин. Об уклоняющихся от исполнения этой священной обязанности священники непременно должны доносить начальству. Мера эта, выставленная еще в предшествовавшем регламенту законодательстве Петра о церкви, по мысли регламента, должна была обнаружить всех раскольников в государстве, которые укрывались под именем православных, а навлечь на них ряд притеснений со стороны власти. Ею раскольники действительно поставлены были в критическое положение; чтобы избежать преследовали, нужно было или изменять своим убеждениям и приобщаться, или же подвергнуться всем гонениям. Но им естественно не хотелось ни того, ни другого. И вот начинаются подкупы раскольниками православных священников. Последние показывают раскольников причащающимися ежегодно; а когда этого не было

возможности делать, не рискуя быть уличенными в противном, прибегали к систематическим обманам. Раскольник притворялся больным и принимал к себе на дом священника со св. дарами. Делалось это для отвода подозрения, приобщения же на самом деле не было¹⁹⁰. В предупреждение подобных злоупотреблений в регламенте постановлено, чтобы во время приобщения на дому присутствовали при совершении таинства причетники и домашние больного. Регламент грозит попам, скрывающим таким непозволительным образом раскольников, лишением сана и жестоким телесным наказанием, а раскольникам – отнятием всего имущества на Государя; точно такое же наказание назначается и тому попу, который запишет крещеным некрещеного раскольнического младенца. Жестокая телесная казнь назначается священнику и за то даже, если он дозволит чернецам, заподозренным в расколе и раскольничьим попам входить в дома прихожан.

Такими разъяснениями сущности важнейших пастырских обязанностей пытается регламент предупредить злоупотребление служебными обязанностями в духовенстве. Но служебные злоупотребления и нравственная распущенность царила в среде духовенства в продолжение всего столетия. Деморализация духовенства и после реформы в его жизни, после учреждения Синода и издания регламента, продолжала служить предметом законодательных увещаний, почти дословно повторявших выражения Петровского устава, который, в свою очередь, во многом напоминает собой распоряжения предшествовавшего ему времени относительно духовенства (Стоглав, Соборное уложение и др. памятники). Меры наказаний строгих и жестоких не исправляли духовенство. Они только убеждали в той непреложной истине, что одними предписаниями закона нравы не изменяются. Но не производя коренного изменения во внутренней жизни духовенства, и, следовательно, не достигая прямой своей цели, совокупность этих мер на практике приводила к результатам совершенно иного свойства в последующей исторической судьбе духовенства. Не имея надобности раскрывать здесь все следствия указанного нами основного направления и главных

мотивов законодательства первой четверти XVIII в., путем которого наше правительство стремилось определить общественный быт духовенства как с внешней, так и с внутренней стороны, мы ограничимся только теми следствиями новых реформ в быте духовенства, которые особенно отразились на его общественном положении и отношениях его к обществу, к народу и к самому правительству. Крепче всех других привилось в последующем законодательстве, прежде всего, основное направление законодательной деятельности Петра относительно внешней организации духовного сословия. В последующем законодательстве относительно духовенства правительство, как светское, так и духовное, стремится всеми мерами уменьшить число духовенства в России и увеличить число людей непосредственно и материально служивших государству. В период немецкого владычества над Россией правительству, по-видимому, вполне удастся достигнуть своей цели. Наборы в военную службу следуют одни за другими; в солдаты берут всех от 15 до 40 лет, а при церквях оставляют только самое необходимое число людей выше и ниже этого возраста. При этом не спасает даже принадлежность и к штату; если на штатное место посвящается человек, который годится в солдаты, его расстригают и берут в военную службу. Таким образом в течении немногих лет духовенство было до того опустошено, что Св. Синод изъявлял даже опасение, как бы вовсе не истребилось духовное звание. Наряду с этим разбором духовенства со времени Петровской реформы становится гораздо ощутительнее и заметнее обособленность наличного духовенства в ряду других государственных сословий, постепенно развивавшаяся на практике в течение всего XVIII в. Эта обособленность духовенства становится особенно заметной при взгляде на те последствия, которые имело законодательство Петра по отношению ко всем другим общественным классам. Мы указывали на результаты социальных реформ Петра. Вследствие этих реформ прежде всего из всей массы народонаселения окончательно выделилось привилегированное сословие – дворянство; дана была организация посадским купеческим и промышленным

людям, с запрещением даже выхода для них во все другие сословия¹⁹¹. Наконец, социальными реформами Петра окончательно было закрепощено крестьянство. Одновременно и параллельно с таким выделением из общества различных разрозненных сословий, выдвинулось и духовенство в особое, отдельное от других сословие, со специальным назначением нести церковную службу, с особыми правами и управлением. А то чиновное значение, какое дано было духовенству законодательством Петра, еще резче содействовало этой отчужденности духовенства от всего остального общества. «Когда Петр, как справедливо сказано в одном из духовных журналов, повелел указом, чтобы духовный отец открывал уголовному следователю грехи, сказанные на исповеди, духовенство должно было почувствовать, что отселе государственная власть становится между им и народом, что она берет на себя исключительное руководство народною мыслию и старается разрушить ту связь духовных отношений, то взаимное доверие, какое было между паствою и пастырями. Духовенство поняло, что действовать своим духовным влиянием для него отныне не безопасно»¹⁹². В эту систему доносов, которой следовала наша администрация во всю первую половину XVIII столетия впутано было в очень многих случаях и духовенство. Ему предписано было преследовать раскольников по своим приходам, доносить о распространении суеверий, об исполнении прихожанами христианских обязанностей посещения церквей, поста, исповеди и причащения. Во всех этих случаях священник являлся полицейским органом правительства, действовал вместе с полицейскими сыщиками и дозорщиками из Преображенского приказа; его донос влек за собой суд и расправу; духовный характер его церковной деятельности исчезал за приказным его значением. Печальным результатом такого положения духовенства было постепенное отчуждение его от народа, который в большинстве враждебно относился к реформам правительства. Духовенство потеряло доверие к себе в народных массах, или становилось вместе с народом в ряды противников правительства, защищая старые порядки и обычаи;

среди постоянных колебаний между двумя крайними направлениями оно не могло пристать и к прогрессивной стороне, на которой стояло правительство и часть общества, сочувствовавшая реформам. Консерватизм духовенства, не всегда одобрявшего крайние меры и увлечения реформами, а иногда открыто становившегося в ряд приверженцев старого порядка, естественно не мог внушить к нему полного доверия со стороны правительства; за ним был постоянный и строгий надзор; к новой роли его приучали, или лучше сказать принуждали страшными угрозами, телесными наказаниями, ссылками и т. п. Прогрессивная часть общества, быстро следовавшая по новому пути преобразований, видела со своей стороны в духовенстве людей отсталых, упорно преданных старине, неспособных к усвоению новых идей, и нередко выражала к нему открытое презрение...

Таким образом, духовенство, замкнутое в своей исключительной среде, при наследственности своего звания, не освежаясь притоком свежих сил от вне, постепенно должно было ронять не только свое нравственное влияние на общество, но и само должно постепенно оскудевать умственными и нравственными силами, охладевать так сказать к движению общественной жизни и ее интересам. Его собственные интересы становились все уже и материальнее и мало привлекали к себе внимание общественного мнения. Общество охладело в отношении к духовенству, мало интересовалось его бытом и потребностями и стало смотреть на священника со всем кругом его обязанностей и отношений, как на всякого другого человека, с которым в жизни иногда неизбежно приходится иметь дело и которому следует платить «за труд и время». Ничто так быстро и так вредно не могло отразиться на положении духовенства как эта именно общественная холодность к его служению и обязанностям, потому что едва ли есть еще сословие, более чувствительное к нравственным отношениям, в каких находится к нему общество, – как духовенство; и это потому, что обязанности духовенства, главным образом, нравственные и при исполнении их оно особенно нуждается в нравственном сочувствии общества, в

сердечном и искреннем отношении к его служению. Холодность среды, окружающей духовенство, должна отразиться на нем самом, на понимании им своих обязанностей. И если механически холодное, но правильное и аккуратное исполнение должного не повредило бы, пожалуй, в другой среде общественной деятельности, то в священнике оно уже есть несомненный признак упадка, равнодушия и апатии.

Все исчисленные нами последствия социальных преобразований Петра обуславливались в весьма значительной мере теми началами, которые стремилось правительство положить в основу образования духовного сословия. К изображению забот Петровского правительства о духовном образовании мы теперь и переходим.

Глава IV. Меры Петра Великого относительно образования духовенства

Вопрос об образовании духовенства в Духовном регламенте поставлен в самой тесной связи с преобразованием социальной жизни в среде белого духовенства. Путем разрешения этого вопроса правительство преобразовательной эпохи стремилось, как мы уже замечали, дать прочную внутреннюю организацию духовенству, поставить его в нравственном отношении в уровень с его высоким назначением. Дух и характер, какой стремилось усвоить правительство Петровского времени делу образования духовенства или, лучше сказать, начала, на которых оно мечтало укрепить систему образования духовного сословия, были прямым отражением и развитием установленной правительством системы народного образования вообще. Происхождение же этой последней системы стоит в связи с сословными реформами Петра. Известны результаты социальных, преобразований Петра. Сословными реформами Петра на каждый общественный класс возложена была известная государственная служба. Школа присоединяется сюда для помощи более исправного несения службы. Вот почему она отличается исключительно практическим направлением; вот почему и меры Петра по народному образованию стоят в самом близком отношении к преобразованиям его административным, военным и экономическим. В этом отношении программа нового образования совершенно заменяла собою приноровленное к потребностям церковного характера древнерусской жизни изучение Писания. Школа должна была теперь ответить на те практические, профессиональные задачи, какие поставило новое законодательство каждому классу общества. Общая цель народного образования высказана была Петром в манифесте о вызове иностранцев в Россию... «Дабы наши подданные, писал преобразователь в означенном манифесте, тем более и удобнее могли научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах... дабы войска

наши нетокмо состояли из хорошо обученных людей, но и жили в добром порядке и дисциплине... и вообще дабы подданные наши тем искуснее были во всяком искусстве, указали мы сей манифест»¹⁹³. Сообразно с начертанной в этом манифесте общей программой и целью народного образования законодательство преобразовательной эпохи с самого начала своего развития начинает высказывать, что оно не признает никакой другой цели в образовании кроме значения пригодности его для того или другого сословия или, говоря точнее, класса людей. Прямая задача, которую поставило себе петровское правительство в деле организации сословий, состояла в том, чтобы дать возможность отдельным государственным сословиям наилучшим образом отправлять лежавшую на них государственную службу военную, гражданскую и всякого рода другую. При достижении этой задачи образование было признано государством одним из главнейших вспомогательных средств. Но так как в деле организации социальной жизни тогдашнего общества законодательство наперед всего ставило указанный узкие государственные цели, то естественно, что и народное образование было понято правительством не в смысле его значения самого по себе и в себе: тогдашнее законодательство не имело понятия об образовании самом в себе, – а лишь в узком смысле пригодности его для прямых практических государственных целей. Вот почему в деле народного образования государство заботилось собственно об обучении, а не об образовании, ибо ремеслу можно научить, а не образовывать на нем человека. Вот почему с другой стороны узаконения преобразовательной эпохи о народном образовании в строгом и точном смысле суть узаконена о государственной службе. Говоря короче и проще, в деле народного образования законодательство и администрация преобразовательной эпохи имели в виду следующие цели: приготовление известного круга лиц к военной службе, приготовление других лиц к гражданской службе с ее различными разделениями и т. д. Можно было бы в доказательство сейчас указанного нами направления общего образования при Петре представить любопытный очерк того, как постепенно развивалось законодательство преобразовательной

эпохи; но, не имея надобности входить в подробное рассмотрение этого развития, мы считаем достаточным для своей цели отметить здесь в самых общих чертах характер некоторых учебных заведений возникших при Петре. В 1701 году в Москве на Сухаревой башне была учреждена школа математическая и навигацкая. По свидетельству Вебера, бывшего профессора петербургской морской академии «юношество обучалось в этой школе наукам исключительно относящимся до мореплавания». После учреждения математической и навигацкой школы постепенно развился при Петре целый ряд технических училищ с общеобязательными предметами обучения. Так в 1712 году в новоустроенной столице Петербурге учреждена была инженерская школа. Для изучения пригготовительных наук ученики этой школы нередко посылались на Сухареву башню, а для специального курса в ней был поставлен особый учитель инженер. Указами от 6-го и 9-го марта того же 1712 г. основана была артиллерийская школа с целью обучения молодого шляхетства артиллерии и наконец в том же 1712 году возникло морское училище, а при архиерейских домах заведены были и низшие цифирные школы, где обучали цифири и некоторой части геометрии. Преподавателями в этих школах были воспитанники из средних и высших училищ. Таков был общий характер усвояемый законодательством преобразовательной эпохи народному образованию. Принцип, объявленный тогдашним законодательством о народном образовании вообще, принцип пригодности этого образования для практических целей был развиваем и в узаконениях преобразователя о образовании духовенства. Здесь этот принцип, по крайней мере в последней период преобразовательной эпохи с учреждением Синода, проведен был даже с большею последовательностью, подробностью и законченностью. Духовное сословие было средой, которой Петр указывал как на самое прямое и верное ее назначение заботиться о просвещении народа. Вот почему мысль о распространении образования в среде самого духовенства составляет предмет самой заботливой законодательной деятельности Петра во все продолжение его царствования. Все

указы, касающиеся означенного предмета, обнаруживают нетерпеливую поспешность и настойчивость, с какой правительство бралось за образование духовенства. Но до двадцатых годов XVIII века правительство не только не успело выработать определенной программы образования духовного сословия, но даже в этот период времени оно не основало и специальных школ для обучения духовенства. Правда, в Москве была академия, где обыкновенно получали образование дети духовенства: но мы видели какими печальными красками описывалось положение этой школы в письме Петру прибыльщика Курбатова. Еще раньше смерти патриарха Адриана сам царь в личной беседе с патриархом так отзывался об этой школе: «мало которых учатся, что никто школы как подобает не надзирает, а надобен к тому человек знатный в чине и во имени и в довольстве потреб ко утешению приятства учителей и учащихся и сего ни обретается ни от каких людей»¹⁹⁴. Ввиду такого печального состояния московской школы на первых порах до заведения собственных духовных школ в Великороссии преобразователь считал необходимым обратиться к киевской коллегии, которая была тогда единственной школой правильной и прочно устроенной. Это желание было высказано Петром вскоре после возвращения его из первого путешествия по Европе в личной беседе с патриархом Адрианом. В 699 году царь был у патриарха и говорил ему, что «священники ставятся грамоте мало умеют, еже бы их таинств научити и ставити в тот чин. На сие надобно человека и ни единого кому сие творити и определить место где быти тому. Чтобы возымети промысл о вразумлены к любви Божией и к знанию его христиан православных и зловерцов татар, мордвы и черемисы и иных... и для того во обучение хотя бы послати колико 10 человек в Киев в школы, которых бы возможно сему прилежати»¹⁹⁵. Исполняя это желание Петр действительно в 701 году писал к киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, чтобы он «детям российского народа всяких чинов и из иных стран приходящих благочестивой греко-российской веры ревнителям не возбранял учиться в киевской академии (наименование данное киевской коллегии Петром

же¹⁹⁶, но заказал бы префекту и профессорам и учителям оной преподавать им со усердным тщанием и радением»¹⁹⁷. Одновременно с этим и в Москве нашелся «знатный в чине и во имени человек», нужный по мысли преобразователя для надзора за здешней академией. То был ученый местоблюститель патриаршества, митрополит Стефан, которому вслед за вступлением его в должность местоблюстителя поручено было поднять пришедшую в упадок московскую академию¹⁹⁸. Скоро на этот начальный громкий призыв преобразователя к образованию духовенства послышались хотя и слабые отголоски из разных мест северной России, где мало-помалу стали заводиться свои школы. Это были школы, устрояемые по частной инициативе некоторых из епархиальных архиереев на собственные их средства и по произвольным образцам. Так в 703 году трудами св. Димитрия открыта была школа в Ростове. В 70 г. новгородский митрополит Иов с помощью братьев Лихудов открыл «греко-славянскую школу» при своем доме. В 703–704 г. основана была по именному царскому указу школа в Сибири при дворе тобольского митрополита Филофея¹⁹⁹. На подмогу этим начальным духовным школам с 714 года явились так называемые цифирные школы, учрежденные для обучения «цифири и некоторой части геометрии» всякого чина детей, кроме несвободных состояний. Эти последние школы были особенно доступными и даже обязательными для детей духовенства, потому что открывались по распоряжению правительства при архиерейских домах и знатнейших монастырях. Это видно особенно из того факта, что к концу существования цифирных школ (718–20 гг.) в них исключительно поступали дети духовного звания. Явление вполне понятное, если принять во внимание, что для всех других званий в это время существовали уже особые специальные школы, более или менее приноровленные к приготовлению обучающихся в них лиц для их будущей служебной профессии. Так шло дело духовного образования до 20-х годов XVIII в. Не заводя новых духовных школ и не определяя совсем того, в чем собственно должна состоять ближайшая цель духовного образования и какие предметы

должны войти в состав его, правительство ухватилось за школы, которые были уже у него под руками и выдавало строгие указы духовенству во что бы то ни стало учиться в этих школах. По силе этих указов детей духовенства и других сословий, кто пожелает вступить в духовное звание, велено было заранее непременно учить в школах, чтобы они были годны в попы, и в случае вакансий готовы к посвящению²⁰⁰. Образование для духовенства признавалось теперь до такой степени обязательным, что в указе 708 г., подтвержденном потом еще в 710 г. «поповых и диаконовых, а также по указу 710 г. пономаревых, дьячковых, сторожевых и просворниных детей, если они не похотят учиться в школах греческой и латинских не велено было принимать ни в какие чины гражданской службы опричь служилого или солдатского чина»²⁰¹. Монастырскому приказу, к ведомству которого отнесены были теперь все славяно- и греко-латинские школы, предписывалось, «учеников духовных, которые от ученья отстали и записались в разные чины, также которые и вновь будут отставать, сыскивать и отсылать в те школы из монастырского приказа с наказанием и за прогульные дни данное им жалованье у них вычитать»²⁰². Вместе с этим законодательство настрого наказывало и епархиальным архиереям при испытании уже вышедших из школы и желающих поступить на служение при церкви, или так-называемых «ставленников» быть «опасными и жестокими и аще явится неумение и коснотение дьячков (даже) таким весьма отказывать»²⁰³. Очевидно, что всеми этими строгими распоряжениями, запрещающими принимать нигде научившихся детей духовенства в какие бы то ни было чины кроме служилого или солдатства, куда был открыт совершенно свободный доступ для лиц всех общественных классов, законодательство имело в виду ту цель, чтобы указать детям духовенства прямую и неизбежную для них дорогу, – занятие должностей их отцов, а вовсе еще не имело в виду объяснить, – каким характером должно отличаться их школьное образование, как пригласительное средство для вступления на означенную дорогу и будущего поприща на нем. Эта последняя задача начинает мало-помалу раскрываться законодательством со

времени учреждения Св. Синода и издания регламента. С этого времени обнаруживается и вообще гораздо более определенная деятельность правительства относительно образования духовенства. Дело народного образования к этому времени получило уже довольно широкое развитие; заведен был целый ряд специальных школ, имевших в виду профессиональное образование различных классов общества. Как бы в параллель с этими школами Духовный регламент в первый раз проектирует целую систему духовных школ, обнимающих собою всю империю; а именно учреждает архиерейские школы со значением низших духовных училищ в каждой епархии и излагает подробный проект внутреннего и внешнего устройства высших духовно-учебных заведений – академии и семинарии. Хотя этот последний проект, как известно, и не был осуществлен при Петре во всех его подробностях, тем не менее он заслуживает полнейшего внимания с нашей стороны, потому что из него ясно открывается, какие цели преследовало правительство преобразовательной эпохи при устройстве духовных школ. Но прежде мы скажем о низших духовных училищах, которые должны были быть устроены по плану регламента при архиерейских домах. Общее законодательное учреждение архиерейских школ изложено в главе регламента под заглавием «дела епископов» в параграфах с 9 по 13. По распоряжению регламента каждый епархиальный преосвященный непременно обязан был завести при своем доме на частные средства своей кафедры, без всяких субсидий со стороны, школу «для детей священнических или прочих в надежду священства определенных». Так Духовный регламент в первый раз назначает свои особые, специально-духовные школы, задача которых состоит в том, чтобы готовить людей годных «в надежду священства». Приведенные слова регламента не оставляют никакого сомнения в том, что главный контингент лиц, которые должны были поступать в архиерейские школы, должно доставлять духовенство из своей сословной среды. Хотя здесь и замечается, что в архиерейские школы могут поступать дети и не духовного звания («для детей священнических или прочих»), но значение этого вскользь

брошенного замечания будет понятно само собою, когда нам наперед известно, что в ведомстве гражданском и военном в означенный период времени уже открыт был целый ряд специально профессиональных школ. С учреждением этих архиерейских школ дети духовенства были освобождены от требования в цифирные школы; сами эти школы с изданием регламента или совсем были закрываемы или же, – что чаще бывало, соединялись с архиерейскими школами²⁰⁴.

Проектируемые регламентом архиерейские школы становятся исключительно приуготовительной ступенью для вступления на духовные должности. De jure никто не имел теперь права, не пройдя полного образовательного курса архиерейской школы, рассчитывать на получение места или должности в церковном клире. На все духовные должности велено помещать теперь только «таковых единых в школе архиерейской наставленных учеников и им только открыт был исключительный доступ в монашеский степень т. е. в архимандриты и игумены, «а если епископ не ученаго во оной школе», говорит регламент с особенным ударением на последних словах, человека поставить в священники или монашеский степень, минув ученаго и без вины правильной, то подлежит наказанию, яковое определено будет в духовном коллегіуме». Эта тесная зависимость получения должности в церковном клире от предшествовавшего этому получения образования в архиерейской школе уже сама по себе должна была служить весьма достаточным побудительным мотивом для духовенства к обучению. Но чтобы придать еще большее значение выставленному мотиву или, говоря другими словами, чтобы сильнее побудить духовенство отдавать своих детей для обучения именно в эти вновь проектируемые теперь архиерейские школы, регламент с особенною заботливостью останавливается на том, чтобы изыскать средства к даровому обучению в архиерейских школах. Все дело образования детей духовенства в архиерейских школах, как в материальном, так и чисто в педагогическом отношении, возлагается регламентом на обязанность высшей епархиальной власти. Материальные средства для содержания архиерейской школы извлекаются: а)

из доходов архиерейского дома, б) из монастырей и церквей. «Дабы не было роптания от родителей ученических за великий оных кошт на учителя и на покупание книг, також на пропитание сынов своих, далече от дому своего учащихся, подобает, говорит регламент, чтобы ученики и кормлены и учены были туне и на готовых книгах епископских». Ученики все содержатся на счет церковных и монастырских доходов. Эти доходы должны идти натурой. С земель церковных ежегодно взимается тридцатая доля всякого хлеба, а с монастырских двадцатая. С количеством этих доходов в известной епархии сообразуется и число учеников. «На сколько бы человек стало хлеба одного к пропитанию (одевание не в числе), тоlikое бы число учеников, говорит регламент, с потребными служителями было». Итак штат учеников в архиерейских школах определяется в регламенте чисто случайным условием: такой или иной степенью хлебного урожая в той или другой епархии. На счет же архиерейской и монастырской казны содержатся и учителя архиерейских школ. Епископ должен довольствовать учителя кормом и денежной ругою в размерах, определенных духовной коллегией «по разсуждению места» т. е. принимая во внимание денежные и натуральные доходы той или другой епископской кафедры. Само собой разумеется, что такой способ материального обеспечения низших духовных училищ требовал не мало порядка и честности со стороны высшей епархиальной власти. Прежде всего весьма естественно было – воспользуемся выражением регламента, – «возроптать» епархиальным преосвященным на то, что им «убыточно ружить учителя или учителей»; регламент предвидит заранее уже этот ропот, часто на практике в истории архиерейских школ раздражавшийся громким воплем, а еще чаще выражавшийся в прямом уклонении под различными, далеко не всегда благовидными предлогами, от устройства и содержания архиерейской школы, и, предвидя, старается заранее предупредить его указанием некоторых далеко не успокоительных и приятных для архиерейского чувства мер к его предотвращению. Ввиду этой цели преосвященным указывается, чтобы лишних служителей не держали, не нужных

строений не делали (разве строения прибыльные, напр. мельницы и пр.). «Також священного себе одеяния и своего платья над подобающую чести своей потребу не умножали». Самая же полезная и практическая мера, выставляемая регламентом в виду предположенной цели, состоит в строгой отчетности пред Духовной коллегией по приходорасходным книгам всех доходов и расходов архиереев и монастырей. Так должны были быть устроены по регламенту архиерейские школы в материальном отношении. Что касается их устройства собственно в образовательном и педагогическом отношении, то на этот счет мы находим в регламенте самые элементарные требования от архиерейских школ. Прежде всего делом обучения в архиерейских школах должны заведовать избранные епархиальными архиереями учителя. Качества, требуемые регламентом от учителя архиерейской школы, состоят в том, чтобы учитель был «умный и честный». Программа образования, какую предположено было давать в архиерейских школах, также не отличается широтою своих размеров. Все дело образования здесь состоит в том, чтобы «умный и честный учитель» мог приготовить своих учеников «не только чисто, ясно и точно по книгам честь (что хотя нужное, обаче еще недовольное дело), но и разуметь прочитанное». Только в том случае, если найдется возможность со стороны ученика и учителя (если мощно), последний должен обучать школьников «читать две первыя вышеупомянутая книжицы: одну о догматах веры, а другую о должностях всяких чинов». Такой уровень образования в архиерейских школах, характеризующийся в сущности лишь простым обучением грамоте, всего ближе приближает архиерейские школы к цифирным и указывает на то, что они, несмотря на то, что главный контингент лиц, поступавших в эти школы, выходил из среды духовного сословия, все же не отличались еще исключительно профессиональным характером.

Принцип специальности духовного образования, принцип отделения духовного сословия от всех других сословий в самом его образовании, с большей точностью и определенностью выражен в регламенте в том проекте школьного устройства, который излагается в главе следующей за главой «о делах

епископских» и носящей такое заглавие «домы училищные и в них учителя и ученики также и церковные проповедники». Здесь прежде всего не оставляется уже никакого сомнения в том, что дети духовенства должны учиться только в духовных школах. Далее все устройство проектируемых школ как внешнее, так и внутреннее направлено к специальной цели, которую должны иметь в виду школа, – «к воспитанию детей в надежду священства». Так проектируемые школы совершенно отделяются от светских, составляют особое учебное ведомство под непосредственным надзором высшей духовной власти Духовной коллегии. Равным образом и расположение частей «чина учения», «кажущегося быть добрым» в проектируемых духовных школах, ясно указывает, как увидим, на то, что этот «чин» приноровлен к специально духовному образованию.

Вполне веруя лично сам в возможность осуществления на деле созданного им широкого проекта духовных школ и постоянно лелея мысль об этом осуществлении в глубине своего сознания, составитель регламента Феофан Прокопович, как видно имел пламенное желание пропагандировать это свое субъективное убеждение и в той среде, к которой обращен был теперь громкий призыв к образованию со стороны преобразователя. Такая пропаганда естественно должна была прежде всего иметь в виду разоблачение тех изстари сложившихся аргументов, которые в конце XVII в. в устах рьяных противников просвещения сделались как бы ходячими фразами. Известно, до какой степени ко времени преобразования допетровская Русь сжилась со своим невежеством и косностью. Люди не только не представляли себе возможности когда-нибудь выйти из своего положения, но и самый выход из него считали окончательной гибелью. Это освящение косности и невежества было результатом презрительного отношения и вражды к науке, от которой, по мнению наших предков, происходили только ереси и от которой вследствие того надобно обороняться всеми силами, как от страшного врага и супостата. Даже самое чтение книг считалось опасным: «не читайте книг многих», заповедовали ревнители «простыни», и указывали, что от чтения один «ума изступил,

другой в книгах зашолся, а третий в ересь впал»²⁰⁵. Полное пренебрежение всякими научными знаниями и самая характерная черта невежества – высокое мнение о своем достоинстве и презрение к мнениям других ясно высказывается в словах, которые так любили повторять наши грамотеи. «Еллинских борзостей не текох, ни риторских астроном ничитах, ни с мудрыми философы в беседах не бывах, учуся книгам благодатного закона; аз бо есмь умом груб и словом невежа, не бывавшу мне в Афинах от юности, но аще и не учен словом, но не разумом; не учен диалектике, риторике и философии, а разум Христов в себе имам»²⁰⁶. Излагая основные начала духовного образования, составитель проекта духовных школ Феофан Прокопович живо представлял себе этот темный образ суеверных русских начетчиков и больше всего опасаясь «дабы не вотще пошло государское иждивение и вместо чайной пользы не была бы тщета смеха достойная, в случае если царское величество захочет основать академию», он считает долгом прежде чем представить начертание проекта будущей духовной школы, разоблачить невежественные аргументы противников просвещения. С этой целью проект духовных школ он предваряет довольно подробным, исполненным риторики и личных полемических намеков предисловием на тему «о добром и привиденном или, выражаясь точнее, мнимом учении». С жаром оправдывая неусыпную заботливость правительства о просвещении духовенства, Феофан прежде всего указывает здесь в защиту просвещения на действительный неотразимый факт, бывший у всех пред глазами и возражать против которого кажется не представлялось никакой возможности. Это – осязательный факт полезности весьма многих государственных, преобразований Петра. «Известно есть всему миру, так начинает Феофан свое предисловие к проекту духовных школ, каковая скудость и немощь была воинства российского, когда оное не имело правильного себе учения и как несравненно умножилась сила его и надчаяние велика и страшна стала, когда державный ваш монарх его царское величество Петр I, обучил оное изрядными регулами; тож и о архитектуре и о врачестве и о политическом

правительстве и пр. и наипаче тоеж разумети о управлении церкви, когда нет света учения нельзя быть доброму церкви поведению и нельзя не быть нестроению и многим смеха достойным суевериям еще же и раздорам и пребезумным ересям». Укрепивши таким образом основное положение своей апологии просвещения путем сопоставления ожидаемых результатов просвещения с действительными результатами Петровых преобразований, составитель регламента полемизирует далее с мнениями противников просвещения. Кто бы стал, говорит Феофан, приписывать образованию происхождение ересей, тот рассуждая логично «понужден был бы говорить, что когда и врач опойт кого отравой, того учение врачевское виновно есть, и когда ученый солдат хитро и сильно разбивает того учение воинское виновно есть». Но и не на основании одних только логических соображений разума можно убедиться в полезности и необходимости доброго учения. Разительным доказательством этой истины служит и вся история человечества. «Если посмотрим чрез историю, аки чрез зрительныя трубки на мимошедшия веки, увидим все худшее в темных, нежели в светлых учением временах». Сославшись затем в подтверждение этой своей мысли на таких авторитетов церкви, как Василий Великий, Григорий Богослов и Златоуст, которые не только сами были людьми высокообразованными, но и являлись еще при этом жаркими поборниками просвещения, составитель регламента резюмирует свою апологию просвещению тем справедливым положением, что «учение доброе и основательное есть всякой пользы как отечества, так и церкви, аки корень и семя и основание». Только необходимо, говорит он, чтобы это «учение было на самом деле доброе и основательное, ибо есть учение, которое и имени того не достойно есть, а обаче от людей хотя и умных, но того не сведущих судится быть за прямое учение». Далее следует пространное рассуждение о ложной учености и о мнимоученых, в котором Феофан выходит из роли спокойного апологета просвещения и принимает на себя роль рьяного полемиста со своими личными врагами, которые не переставали нападать на него словесно и письменно, обвиняя его ни более ни менее как

в ереси. Эти враги его были большей частью воспитанники киевской школы. Сам питомец этой школы, Феофан живо представляет себе хорошо знакомый ему тип киевского школяра с его «привиденным и мечтательным учением». Он желчно осмеивает в своей апологии просвещения этих полуобразованных школяров, которые считали себя совершенными, а между тем, ничего не понимая, не хотели ничему уже более учиться и ничего не читали. «С претензиями на богословствование они, по изображению Прокоповича, постоянно впадают в ереси, а мнения своего, раз высказанного переменить не хотят, чтобы не показать себя не знающими чего-нибудь. Они вредны суть и дружеству и отечеству и церкви, пред властями над меру смиряются, но лукаво, чтоб так украсть милость их и пролесть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидят и если кто во учении похваляем есть, того всячески тщатся пред народом и у властей обнести похулiti». В этих последних словах несомненно заключается намек на Стефана Яворского и на его донос с обвинением самого Феофана в не православии, потому-то Прокопович и не преминул добавить, что не основательные мудрецы «к бунтам склонны, восприемля надежды высокия» (конечно надежду на патриаршество).

При помощи такой аргументации составитель регламента пытается пропагандировать идею о важности и настоятельной необходимости просвещения духовенства в виду тогдашнего положения церкви. Из этой довольно остроумной аргументации нельзя не видеть того, что сам Феофан отстаивает необходимость просвещения, как имеющего важность самого в себе, по самому принципу просвещения, безотносительно к тем полезным практическим результатам, которых можно ожидать от него впоследствии. И это конечно неотъемлемое достоинство умного прогрессиста, далеко опередившего во взгляде на означенный предмет людей не только своего, но даже и гораздо бодее позднего времени...

Следующий за изложенным и объясненным сейчас нами вступлением к проекту академии и семинарии план для этих духовно-учебных заведений составлен чрезвычайно подробно и обнимает собой не только программы и план преподавания, но

касается вопроса и об образе жизни, занятиях и даже развлечениях учащихся. Рассматривая этот план в его целом виде не трудно заметить, что составитель его, воспитанник иезуитской коллегии и ректор киевской академии, не мог совершенно отрешиться от педагогических понятий, господствовавших в его время, и внес сюда во многих отношениях дух и характер воспитавшей его самой киевской школы, хотя весь вообще внутренний и внешний строй новой жизни мечтал построить на совершенно иных началах. Это особенно заметно обнаруживается в тех параграфах устава новых духовных школ, которые главным предметом своим имеют так называемую дисциплинарную сторону школьной жизни. Но приступим к частнейшему рассмотрению изложенного в Духовном регламенте проекта устройства духовных школ. Проект этот прежде всего начертывает план устройства высшей духовной школы – академии. Всмотревшись как во внешний, так и во внутренний распорядок этого плана находим, что весь он приурочен к тому, чтобы сделать из академии специально духовно-учебное заведение. Первый вопрос, который должен был представиться составителю регламента при мысли о внутреннем устройстве высшей духовной школы, был вопрос о приискании учителей для проектируемой академии, а равным образом и о том, какими научно-образовательными качествами должны обладать педагоги духовных школ. В то несчастное по просвещению время, разумеется чувствовался весьма большой недостаток в учителях. Найти сразу годное количество нужных учителей разумеется не было возможности, а между тем настоятельная нужда в ученых людях именно и должна была возбуждать у правительства желание поскорее осуществить свои планы. Что касается количества учителей для занятия во вновь проектируемой академии, то на первый раз для скорейшего достижения образовательных целей, говорит регламент, многих учителей сюда и не нужно: достаточно одного или двоих, которые бы обучали грамматике языков латинского и греческого. На второй же и третий академические годы с дальнейшим расширением количества учеников и образовательной программы «придается и большее количество

учителей». Степень научно-образовательных способностей избираемых для преподавания учителей определяется путем пробных испытаний. Лица, желающие преподавать в академии, подвергаются испытанию в знании ими того предмета, который желают преподавать. Эти способы испытания учителей похожи на конкурсы в настоящее время. Учителя, желающие например преподавать языки, составляют переводы классических произведений, написанных тем языком, который они желают избрать для преподавания, на русский или точнее славянский. «Велеть (желающему преподавать означенные предметы) сложение русское перевести на латинское, також латинское слово некоего славного в языке том автора, перевести на русское и велеть искусным осмотреть и освидетельствовать переводы его и тотчас покажется совершен ли есть или средний или итого ниже или и весьма ничего».

Такой способ предварительного испытания кандидатов для занятия той или другой академической кафедры очевидно имел в виду гарантировать академии, как высшее духовно-учебное заведение от занятия здесь праздных учительских вакансий лицами мало способными или плохо подготовленными для преподавания избранного ими предмета. Впрочем, лицам последнего класса не отказывается совершенно в доступе в число членов академической наставнической корпорации. Обнаружившим в первый раз во время пробных уроков недостаточное знакомство со своим предметом, но лицам «остроумным» дозволяется в течение года или полгода самим вновь приготавливаться по избранному предмету «от авторов в деле том искусных» для занятия учительской должности в академии. Такую привилегию оказываемую «остроумною» регламент мотивирует тем соображением, что человек остроумный, но оказавшийся неудовлетворительным в знании своего предмета на предварительных пробных лекциях, «за леностию или за плохим своим учителем недостигнул того».

Определивши способ избрания преподавателей для замещения академических кафедр составитель регламента ставит далее себе задачей строгий выбор и рекомендацию учебных пособий по предметам академического курса. В деле

этого выбора учебных пособий учитель того или другого предмета должен руководиться только тем, что ему будет официально предписано со стороны высшего начальства школы или Духовной коллегии и не может заменить одно руководство другим по своему произволу: «избрав убо, замечает регламент, лучших в грамматики риторики и в прочих учениях авторов, подать в академию, и приказать, чтобы оных руководством, а не иных учено в школах». По всем вообще предметам этого курса в качестве руководств рекомендуется «избрать изряднейших во всяком учении авторов, которые свидетельствованы суть в славных академиях». Так, например, в качестве учебных руководств для переводов с латинского языка рекомендуется «избрать латинскую грамматику, которая в Париже повелением короля Людовика четвертагонадесять так кратко и совершенно заключена, что мощно надеяться остроумного ученика, заедин год совершенно научить языки онаго, когда у вас за пять и за шесть лет мало кто постигает, что мощно знать потому, что студент из философии или богословии исшедший не может перевести и средняго стиля латинского». В кругу предметов академического курса внимание составителя регламента особенно сосредоточивается на выборе учебных руководств по предмету христианского богословия. Известно, что сам составитель регламента Феофан Прокопович явился ревностным реформатором русской богословской науки, который, по выражению Знаменского, «первый сделал попытку эмансипировать ее от рабского подражания разным католическим суммам theologiae, из которых она получила и свой схоластический метод и нередко почерпала самые богословския понятия». Выработанный им метод преподавания богословия он хотел всецело провести и в новый академически Устав. Основные начала этого метода богословия состояли в следующем. Фундаментальным руководством богословия признано Священное Писание. «Чел бы учитель богословский Священное Писание и учился бы правил, как прямую истую знать силу и толк Писаний; и вся бы догматы укреплял свидетельством Писаний». Так Феофан старался сблизить богословие прежде всего с самыми первоисточниками

богословских истин. В качестве комментариев к основному источнику христианского богословия Священному Писанию призваны весьма полезными полемические произведения святоотеческой литературы. «В помочь того дела (преподавания богословия) чел бы (учитель) прилежно святых отец книги: да таковых отец, которые прилежно писали о догматах, за нужду распръ в церкви случившимся с подвигом на противныя ереси». Не отрицается важность и полезность для той же цели наибольшего успеха в преподавании богословия знакомство и «с иноверными» (западными) христианскими писателями – догматистами. Однако доводам этих последних руководителей в преподавании богословия «не легко верить, но посмотреть, есть ли таковое в Писании или в книгах отеческих слово и тую ли имеет силу, в яковой они приемлют; многажды бо лгут господа оные, замечает регламент, и чего не было приводят». В видах между прочим предостережения от ненадежного руководства всяких иноверных учителей регламент рекомендует учителю богословия преподавать свою науку во всяком случае «не по чужим сказкам, но по своему ведению и при чтении Священного Писания, знакомить студентов академии с текстами, на которых основываются догматы веры, чтобы они не сомневались в истине преподаваемого ин учения. Таков должен был быть, по взгляду Прокоповича, метод преподавания богословия в проектируемой академии. Реформатор богословской науки не считал нужным в своем учебном плане ни одним словом обмолвиться о церковном предании, как несомненно важном источнике христианского догматического богословия. Это обстоятельство впоследствии дало повод к ожесточенным нападкам на его мнения со стороны его противников. «Он верует, писал Маркелл Родышевский, – яко едино токмо Священное Писание, еже есть ветхий и новый завет, полезно нам ко спасению, а святых де отец Писание имеет в себе многия неправости»²⁰⁷.

В числе учебных пособий для академического преподавания по другим предметам рекомендуется еще регламентом для переводов с латинского языка историк Иустин, как такой, сочинения которого написаны «чистым латинским

языком» и наконец, если найдется возможным в академиях преподавать политику, то это преподавание должно по сокращенному руководству Пуффендорфа. Таковы учебные пособия, которые рекомендует регламент как учителям так и ученикам проектируемых школ. Но, не желая ограничивать дело образования в этих школах изучением одних только, так сказать, официально предписанных, казенных учебников, составитель регламента имеет в виду вместе с этим изучением дать еще питомцам духовной школы средства к самостоятельному развитию умственного кругозора. Средства эти состоят в том, что по плану при проектируемой школе необходимо должна быть устроена библиотека «ибо без библиотеки как без души академия». Значение этого последнего образовательного средства признается в такой мере полезным, что оно очень скоро «как бы перерождает человека, или, выражаясь буквальными словами Устава, «претворяет в иного, хотя бы прежде он был грубых обычаев». Академическая библиотека должна быть вместе с тем и публичной библиотекой. Чтение книг библиотечных дозволяется всем учителям, студентам и посторонним лицам. Читать, впрочем, дозволяется только в одной «конторе» библиотеки, а на дома книги не отпускаются. Учителя имеют полное право посещать библиотеку и читать в конторе ее во все часы дня и ночи; прочие же только в известные дни и часы. Чтобы чтение библиотечных книг достигало своей цели, т. е. приносило действительную пользу в деле самообразования молодых людей, составитель Устава уполномочивает учителей спрашивать учеников о прочитанном. Студенты же могут обращаться к учителю за разъяснением темных мест прочитываемого. Так новый Устав духовной школы старается по возможности представить ей широкие образовательные средства. Это обнаруживается также и из той пространной образовательной программы, которую Устав проектировал ввести в духовных школах.

Обращаясь к программе наук академического курса, начертанной в регламентском проекте академии, не трудно приметить, что новая академическая программа включает в себе две характерные особенности. С одной стороны новая

академическая программа сравнительно с программой старых академий киевской и московской отличается по-видимому преимущественно светским характером, а с другой – в ней весьма ясно обнаруживается принцип специальности и сословного значения проектируемой школы. Проектируемый уставом академический курс должен слагаться из следующих наук: 1) грамматики купно с географией и историей, 2) арифметики и геометрии, 3) логики и диалектики (и едино то двоименное учение), 4) риторики (купно или отдельно с стихотворным учением), 5) политика краткая Пуффендорфа (аще она потребна судится быть и может та присовокупиться к диалектике), 6) физика присовокупя краткую метафизику, 7) богословие. На первый поверхностный взгляд в этом «чине учения» по-видимому только лишь один последний предмет имеет специальное значение. Однако, ближе всматриваясь в расположение частей этого чина, не трудно приметить, что весь он направлен к преследованию специальной цели – дать образование пригодное для будущей служебной профессии духовного сословия. По-видимому такие науки в этой общей схеме, как риторика, логика и метафизика с физикой вовсе не имеют никакого специального значения и скорее должны были бы быть отнесены к общеобразовательным предметам. Однако эти науки не введены ни в какое другое специальное образование, исключая образования духовного сословия²⁰⁸ и, следовательно, только в этом последнем они, по взгляду законодателя, должны были иметь свои смысл и значение. И действительно: по взгляду преобразователя профессия будущих служителей церкви должна состоять в том между прочим, чтобы истины религии распространять посредством проповеди. «По мнению законодателей XVIII в., говорит Владимирский-Буданов, к этому именно и подготавливает изучение логики, риторики и философии»²⁰⁹. Только первые две группы наук в представленной регламентом программе духовного образования, по-видимому, не имеют никакого отношения. Эти группы составляют собою przygotowательное образование. Здесь к обычному составу его низшей математике прибавляется грамматика, которая в схеме Прокоповича имеет значение не

грамматики отечественного языка, а изучения иностранных языков, «понеже по регулам грамматическим нужно есть делать экзерциции, сие есть обучатися в переводе с моего языка на язык тот, котораго учуся и вопреки с языка того на мой язык». Под иностранными языками разумеется собственно язык латинский; греческий же и еврейский допускаются условно, – «если будут учителя». Допущение истории и географии в состав пригготовительного образования есть значительный шаг вперед. Но законодатель понимал, что это учение «пространное есть» и потому экономия времени заставила его предписать странный и оригинальный способ обучения этим предметам, о котором мы скажем ниже. Так новая академическая программа, по-видимому совершенно исключая специальность духовного образования, в то же время в действительности постоянно имеет ее в виду. Это можно видеть и из того также, что в изложенном нами выше курсе академических наук богословию отдано преимущество пред всеми другими науками; для изучения его назначено два года, тогда как на изучение прочих наук отведено по году, а некоторых даже по полугоду. Кроме изучения богословия согласно специальному назначению духовных школ, в курсе их обращено также особенное внимание на изучение их воспитанниками проповеднического искусства. После статей о школах в регламенте помещен особый отдел о проповедниках, излагающий регулы, которым они должны следовать. Мы остановимся здесь на рассмотрении этих регул в связи с образовательной программой в духовных школах.

Известно, как смотрел преобразователь на церковную проповедь и чего он ожидал от нее. Он весьма высоко ценил проповедь и стремился дать ей характер преимущественно светский, общественный. Благодаря такому стремлению проповедь по справедливому замечанию Самарина, получила для него значение служения не столько церкви, сколько государству²¹⁰. «Европейский идеал, говорить автор сочинения «Феофан Прокопович как писатель», внесенный в русскую жизнь Петром, был независим от церковного авторитета и под влиянием этого идеала церковная сторона жизни отошла на задний план, была настолько заслонена интересами

государственными, что даже церковь и ее слово получили характер светски общественный»²¹¹. В этом новом своем качестве, как орудие государственных целей, церковная проповедь, по взгляду преобразователя должна была главным образом стремиться к разъяснению сущности и мотивов тех действий правительства, которые тяжело ложились на народ, не понимавший их непосредственной пользы и потому относившийся к ним недоверчиво. Так церковная кафедра по взгляду преобразователя должна была обратиться в политическую трибуну, от которой должны исходить ораторские речи, направленные к уяснению правительственных мероприятий. Таким требованиям, решительно предъявленным преобразовательным духом времени, ученое и искусственное проповедничество малорусских ученых, единственно почти господствовавшее у нас в XVII ст., далеко не удовлетворяло. Как развившееся по отвлеченным правилам и в полном отчуждении от современной жизни, такое проповедничество, разумеется, не могло иметь на эту жизнь никакого влияния. В объемистых томах проповедей наших малорусских проповедников XVII в. Симеона Полоцкого, Голятовского, Родивилловского, Барановича, Яворского и др. за очень немногими, почти незаметными исключениями, — напрасно стали бы мы искать свежей живой струи, оригинальных мыслей, словом всего того, что создает определенную литературную физиономию писателя. Здесь нет ни одного живого звука: все сухо и мертво. Что же касается до состояния проповедничества среди великорусского духовенства в то время, то нужно заметить, что живое слово проповеди на севере Руси замолкло еще XVI в. Здесь давно среди духовенства сложилось убеждение, что не следует позволять читать не только свои собственные проповеди, но даже готовые поучения святых отцов, положенные по Уставу. Даже высокие иерархические лица, какими были епископы, «не всегда, как замечает Духовный регламент, и не все могли сложить здесь чистое слово». «Оле окаянному времени нашему, восклицает святитель Димитрий Ростовский: яко отнюдь пренебрежесе сияние слова Божия: сеятели не сеют, а земля не приемлет,

иереи небрегут, а люди невежествуют и заблуждают, иереи слова Божия не проповедуют, а люди не слушают ниже слушати хотят». Жарким противником схоластического направления в проповеди, внесенного в нее малорусскими учеными, является Феофан Прокопович в главе о проповедниках слова Божия сочиненного им Духовного регламента. Здесь Феофан вполне разделяет мнение Петра относительно значения церковной проповеди. В духовном регламенте он старается точно формулировать, о чем именно и как должны говорить проповедники. Его взгляд на проповедничество стоит в тесной неразрывной связи с его богословским учением. Известно, что Феофан, основатель особенной школы в богословской науке, сильно восстал на этом пути против влияния католических преданий, вкравшихся в нашу церковь, и ревностно трудился над их искоренением. В этом критическом труде он руководствовался одним писанием и личным разумом. От проповеди он требовал обличения предрассудков и суеверий и преподавания основных догматов христианства, всем доступного, ясного и подкрепленного текстами. Он особенно предостерегал против произвольных, натянутых толкований, против обычая, мимо прямого смысла искать аллегорий и символов, и предписывал строго держаться буквального смысла. Феофан требует от проповедника основательного знакомства со Священным Писанием и творениями Отцов церкви, в особенности же рекомендует изучать Иоанна Златоуста; католических же авторитетных богословов решительно отвергает: «не приводи мне, говорить он, – свидетельств ни Фомы Аквината, ни Скотта, ни других нечестивой секты людей, – ибо ими не подтвердишь своего предмета, но осквернишь и речь и слух священного собрания»²¹². Глава Духовного регламента «о проповедниках слова Божия» всего лучше определяет нам взгляд Прокоповича на цель и характер церковного красноречия. Сознывая всю необходимость проповедования с церковной кафедры и в то же время не доверяя способностям великорусского духовенства и знанию ими догматов веры, Феофан в регламенте дает право проповедования слова Божия только лицам, окончившим

полный курс наук в академии и в иностранных коллегиях. Последние, однако, допускаются к проповедничеству не прежде, как по удостоверении Духовной коллегией в том, что ищущий проповеднического права обладает даром слова и знанием Священного Писания. Удостоверение это производится посредством пробного слова и экзамена. Достойному выдается из Духовного коллегиума свидетельство на право проповедовать. Что касается самого содержания проповедей и их тона, то, по определению регламента, предметом для проповеди должно служить увещание, исправление, в особенности же разъяснение необходимости повиновения властям и обязанностей каждого чина людей. Эти два последние пункта, требуемые составителем регламента от содержания церковной проповеди, яснее всего обозначаются стремлением преобразователя обратить церковную кафедру в политическую трибуну, откуда должно исходить выяснение именно тех сторон политической жизни, с которыми тяжелее всего приходилось сживаться народной массе. Указывая на вкоренившиеся в обществе пороки, проповедник должен избегать указания и даже намеков на подверженных им. О пороках даже в отвлеченной форме непозволительно говорить в некоторых случаях, например, о каком-либо лице прошла недобрая молва, что оно сделало такой-то дурной поступок или грех. Всякий намек с церковной кафедры на этот грех будет понят как укоризна согрешившему. Публичное же поругание той или другой личности всегда приносит вместо пользы один вред; согрешивший будет заботиться не об исправлении своем, а об отмщении оскорбившему его проповеднику. После этого понятно, как безрассудно и низко поступают те из проповедников, которые иногда по чувству личной мести к известным лицам такими яркими чертами обрисовывают их недостатки и пороки, что народ даже без наименования в проповеди лиц знает, о ком здесь идет речь. «Таковые проповедники, говорит регламент, самые бездельники суть, и оных бы жестокому наказанию подвергать». Да и вообще говоря, резкий и суровый обличительный тон в проповедях весьма неуместен и переходит в неприличие, какую-то гордость,

«наипаче когда так властительски о грехах говорит юный проповедник». Иногда, например, говорит регламент, поясняя вышеуказанное положение о тоне проповедничества, слышатся с церковной кафедры такого рода выражения: «нет у вас, братие, любви к Богу и ближнему, немилосердни есте» и т. д. Подобные фразы выражают бестактность проповедника. Гораздо приличнее в подобных случаях говорить: «нет у нас братие любви к ближнему» и пр., т. е. употреблять первое лицо множественного числа. В таком случае проповедник и себя самого включает в разряд грешников.

Все эти постановления Духовного регламента о тоне церковного проповедничества заключают в себе весьма прозрачный намек на проповеди Стефана Яворского и других представителей южнорусского схоластического направления гомилетики. В доказательство этого достаточно припомнить известную уже нам знаменитую проповедь Стефана Яворского на день тезоименитства царевича Алексея, в которой он так «властительски» выступает обличителем пороков самого царя. Не даром властительский тон его проповедей был тогда же замечен ему преобразователем, который получа указанную нами сейчас проповедь местоблюстителя патриаршества, сделал на ней следующее собственноручное замечание: «перво одному, потом с свидетели»²¹³, замечание, которым царь дал пылкому обличителю – проповеднику понять, что он не соблюдает самого главного евангельского правила, повелевающего сначала обличить наедине, потом со свидетелями, наконец уже в церкви.

Еще резче и заметнее выступает составитель регламента обличителем схоластического направления, до крайностей развитого в проповедях наших южнорусских проповедников XVIII в., когда излагает в Духовном регламенте постановления относительно внешнего поведения проповедника. Известно/ что схоластическая гомилетика изобрела чрезвычайное множество внешних приемов, тропов и фигур, известных телодвижений, интонаций голоса и т. п. вещей, служащих «ко украшению речи». Она старалась обставить известными казенными предписаниями и правилами не только самое содержание и

форму церковной проповеди, но даже и самое внешнее поведение проповедника на церковной кафедре. В небольшом учебнике риторики Стефана Яворского, написанном им вероятно для употребления в московской академии, который носить заглавие: «Рука риторическая пятью частями или пятью персты укрепленная», в третьей части, в главе «о красноречии» перечисляются одиннадцать тропов и пятьдесят одна фигура, которыми должна украшаться речь. Здесь между прочим встречаем следующее весьма любопытное замечание об аффектах: «аффекты или страсти ко украшению слова весьма ключинствуют и без аффектов слово несладостно, яко увядшо и гнило содевается. Тем же аффекты суть яко душа слову или соль брашну, без которых слово мертво и несладостно издается»²¹⁴. О поведении самого Стефана на церковной кафедре известно, что он весьма любил украшать свои проповеди фигурою недоумения и в произнесении их вообще держался приемов католической школы. «Что витийства касается, говорит о нем автор известного сочинения «Молоток на камень веры»²¹⁵, правда, что он имел удивительный дар и едва подобные ему в учителях российских обрестися могли; ибо мне довольно случилось видеть в церкви, что он мог в учении слушателей привести плавать или сыпаться, к чему движение его тела и рук, очей помавание и лиц применение весьма помоществовало. Он, когда хотел, то часто от ярости забывал свой сан и место, где стоял»... «Сей порядок, замечает далее автор «Молотка» в церковных поучениях у папистов токмо употребляем, ибо когда они своего суеверного предложения из письма (вероятно Св. Писания хочет сказать автор) доказать не могут, то тщатся логическими силлогизмы, т. е. речей подобиями утвердить, а истинное дело затемнить и утаить»... Вопреки таким приемам внешнего поведения проповедника на церковной кафедре, употребляемым южнорусскими проповедниками, регламент старается сделать напоминание, что проповедник должен находиться в благоговейном уважении к отправлению своей высокой должности. В виду благоговения к проповеданию слова Божия и самое внешнее поведение проповедника должно быть запечатлено тем же характером.

Если проповедник замечает, говорит регламент, что слова его не производят желанного впечатления на народ, падают на почву бесплодную, при таком неуспехе не должно отчаиваться и превращать проповедь слова Божия, а терпеливо должно выносить холодность к проповеди сердец слушателей и продолжать свое дело, твердо памятуя, что обращение грешника на путь спасения есть дело Божией благодати. Когда же проповедник замечает, что труды его приносят народу пользу, сообщая ему знание веры и нравственности, он не должен гордиться успехом и приписывать его необыкновенному своему дару слова. Вообще не следует ни прямо говорить, ни косвенно намекать слушателям о красноречивом построении слова, делать восклицания и при этом поднимать указательный палец или брови. Такие телодвижения выражают, будто бы проповедник удивляется собственному красноречию. Необходимым тоном проповедей должно быть поэтому смирение, выражение собственного недостойнства к проповедованию слова Божия. Во время произнесения «слова» не прилично проповеднику шататься из стороны в сторону, всплескивать руками, упираться в бока, прыгать, смеяться и даже рыдать. Если бы в порыве искренности он и почувствовал прилив слез, то должен воздержаться от них. По произнесении слова в храме, если проповеднику случится быть в гостях, он не должен заводить речи о своей проповеди и обязан отклонять всякий разговор на эту тему. Если бы его даже стали спрашивать об ней, ему не следует ни хвалить, ни осуждать ее: первым своим поступком он высказал бы самохвальство, а порицанием, с одной стороны внушил бы к проповедям неуважение слушателям, а с другой – слушатели привяли бы самопорицание за вызов на похвалу. Если бы даже кто из собеседников искренно похвалил речь, по чувству собственного достоинства и смирения проповедник должен отклонять разговор на другую какую-нибудь тему. Таковы «полезные регулы», которые счел нужным напомнить составитель Духовного регламента проповедникам слова Божия. Все эти наставления Духовного регламента относительно проповедования слова Божия, начиная с самого внутреннего

характера проповедей, точно определенного регламентом и кончая внешним поведением проповедника на церковной кафедре, были приняты церковной практикой и в продолжение весьма долгого времени повторялись как в старинных курсах риторики, так и в более позднейших учебных руководствах по так называемой гомилетике.

Но возвратимся к рассмотрению проекта устройства духовной школы по регламенту. Ввиду того, чтобы начертанные в регламенте широкие образовательные планы достигали действительной цели, устав с особым вниманием останавливается на разъяснении первоначальных приемов и метода преподавания. Составитель регламента как бы желает человека признанного достаточно подготовленным к чтению академических лекций лично ввести на первый курс в академическую аудиторию и наглядно показать здесь ему, что и как должен он делать. Первый дебют нового учителя в академической аудитории пред его слушателями должен открыться не иначе, как разъяснениям значения или приложения преподаваемой им науки. Цель такого разъяснения скрывается не в интересах всего дальнейшего курса науки, как это принято понимать преподавателями нашего времени, а в том, чтобы каждый из учащихся понял на первых же порах прямую пользу, получаемую от той или другой науки, «чтобы ученики, как выражается регламент, заранее видели берег, к которому плывут и лучшую бы охоту возымели и познавали бы повседневную прибыль свою, також и недостатки». В дальнейшем разъяснении приемов или методов преподавания в духовных школах регламент прежде всего косвенным образом имеет в виду указание таких приемов преподавания, путем которых можно было бы преследовать достижение троякой цели: по возможности точного выполнения начертанной им широкой программы духовного образования при соблюдении самой строгой экономии во времени и наконец, в третьих, достижения более легкого и успешного способа изучения некоторых предметов. Ясно сознавая с одной стороны то, что в указанной им широкой образовательной программе «всякое учение (кроме диалектики и грамматики) пространное есть, а с

другой, что в школах сокращенно толковать надоб и главное только чести, потому что после сам долгим чтением и практикою совершится это доброе руководство получить», регламент находить возможным примирение двух первых невидимому несовместных между собою условий в крайне оригинальном способе обучения тем академического курса предметам, которые в виду специального назначения проектируемых школ должны занимать второстепенное значение. К таким предметам, как известно, относятся в программе академических наук география и история. Обучение этим предметам должно быть, ввиду указанных целей, соединено с обучением грамматике. «Могут некая учения двое или трое вдруг одного часа одним делом подаватися, наприим. уча грамматике, может учитель с нею учить купно и географию и историю». Как же это? Можно велеть ученикам переводить с одного языка на другой по части географию или историю. Такое на взгляд настоящего времени оригинальное и даже курьёзное соединенное преподавание латинского и греческого языков с историей и географией регламентом признается наоборот весьма полезным в видах наилучшего изучения сухих классических языков. В таком хитроумном приеме преподавания, по мысли регламента, должна выразиться самая разумная метода – соединение полезного преподавания с приятным: «ибо ученицы великое по учению возымеют доброхотство, говорит регламент, когда не веселое языка учение толь веселым мира и мимошедших в мире дел познанием растворено им будет и скоро от них грубость отпадет и еще почитай при береге училищном не мало драгих товаров обрящут». В применении к преподаванию истории же имеет место и тот прием преподавания, который рекомендует регламент, как наилегчайший и успешный способ изучения этого предмета. Способ этот состоит в том, чтобы изучение географии шло вперед изучения истории: «понеже историю честь без ведения географского есть как бы с завязанными глазами по улице ходить». Поэтому год, назначенный на грамматику, разделяется на две половины: в первую половину должно учить с грамматикой географию, во вторую – историю. Впрочем, в

первую половину года назначается и особенный день недели собственно на географию и именно на знакомство с общей картой частей света. В этот день учитель показывает «циркули, планисферии и универсальную ситуацию мира». При помощи таких педагогических приемов новый устав духовной школы находит возможным скорое и успешное выполнение начертанных им широких образовательных планов.

Для успешного обучения в академии и для точного исполнения начертанной программы, при ней состоят назначенные от духовного коллегиума начальники – ректор и префект из лиц, которых учение и труды уже известны. На этих начальствующих лицах лежит полная ответственность за успешный ход педагогического дела в академии: «ежели не чинно пойдут учения и не благопоспешно, то они сами суду подпадут в духовном коллегиуме». На их обязанности лежит: наблюдать, чтобы учение в академии шло надлежащим порядком. В видах достижения этой цели они обязываются смотреть, не манкируют ли учителя своими занятиями в академии и действительно ли учат в том порядке, какой им предписан. Для знакомства с точным соблюдением системы обучения ректор и префект в течение каждой недели обязаны посетить два класса. Во время посещения, если они застанут в классе учителя, обязаны промедлить хотя полчаса и послушать, хорошо ли преподает наставник. Для узнавания успехов они должны предлагать ученикам вопросы об объеме пройденного. Как высшее административное лицо школы, ректор доносит духовному коллегиуму об учителях, не подчиняющихся академическому уставу; по рассмотрении обстоятельств дела виновный или оставляется при академии или подвергается наказанию. Наконец в тех же видах строгого наблюдения за ходом педагогического дела в академии регламент проектирует внести сюда повсюду распространенный дух фискальства. «Можно и фискалов определить, говорит регламент, которые бы надсматривали все ли в академии порядочно». Соображая все изложенные нами регламентские постановления относительно внутреннего устройства высшего учебного заведения – академии находим, что взятая на себя Феофаном весьма

трудная как по существу своему, так и по новости, задача выполнена им более чем удовлетворительно. Отвечая на запросы своего времени, он стремится выработать проект устройства школы профессионального характера, хотя при этом вовсе не теряет из виду возможности соединения общего образования с профессиональной педагогической проблемой, слабые проблески разрешения которой, указанные в регламенте, могут быть выставлены в качестве поучительного образца для педагогов нашего времени. За рассуждением о внутреннем устройстве духовной школы, о постановке в ней учебного дела, Духовный регламент старается определить подробно план и внешнего ее устройства. Как по внутреннему своему характеру проектируемая школа носит на себе печать главным образом специального учебного заведения, точно такую же является она в уставе и по своему внешнему строю. В этом прежде всего не оставляет никакого сомнения самый состав учеников проектируемой школы, относительно которого регламент дает «сие рассуждение». «Должны вси протопопы и богатнии и инии священники детей своих присылать в академию. Мощно тоуж указать и градским лучшим приказным людем: а о дворянах как собственная воля будет царского величества». Итак, дети духовенства, по этому рассуждению, необходимо должны учиться только в этих школах. Слабо выраженная в последних словах указанного пункта регламента надежда на то, что та же профессия привлечет и лиц из других классов в действительности имела за собой еще более слабое основание. Само собою очевидно, насколько основательна была эта надежда, если каждый класс общества точно так же, как и духовные, будет требовать от своих сочленов непрямого приобретения образования по своей профессии. А так и было в действительности²¹⁶. Чтобы сделать для детей собственно духовенства обязательным обучение в проектируемых школах, новый устав старается по возможности облегчить для них доступ к поступлению в эти школы. Дети духовенства могут поступить сюда и учиться здесь до полного окончания курса без всяких препятствий. Поемный академический экзамен состоит только в том, чтобы «отведать

память и остроумие» и только в том случае новопоступающий лишался права на поступление в академию, если он оказывался «весьма глупым» по своим способностям. Но составитель устава хорошо понимал, что и при всей легкости поступления в академию едва ли найдется много добровольных охотников получать здесь образование. Напротив он видел, что даже и от официального строгого предписания закона об обязательном образовании бывали весьма частые случаи уклонения. Вот почему сказавши, что тупоумные по способностям ученики не могут быть принимаемы в академии, он сейчас же делает оговорку: «а чтобы кто-нибудь из новопоступающих студентов намеренно не претворял себе тупости, желая отпуску за малоспособностью в родительский дом, как то другие претворяют телесную немощь от солдатства, искушению ума его целый год положить». В способах и средствах этого искушения ума опытный педагог, по замечанию регламента, не станет долго задумываться. «Он может промыслить способы искушения таковые яковых тот (ученик) познать и ухитрить не дознается». Годичный срок искушения ума решает участь новопоступающего: он или останется в числе студентов академии или отсылается обратно, как малоспособный. Впрочем, не одни только «весьма тупые и неостроумные студенты подлежат исключению из академии. «Буде покажется детина непобедимой злобы, говорит регламент, свирепый, до драки скорый, клеветник непокорив и буде чрез годовое время ни увещании, ни жестокими наказаниями одолеть ему невозможно, хотя и остроумнее иного будет, выслать из академии, чтобы бешеному меча не дать». Чтобы привлечь в академию молодое поколение устав обещает окончившим в ней курс важнейшее право при поступлении на должности как духовные, так и гражданские. Они получают преимущественно первенство пред неучеными. Специальный характер проектируемой школы весьма ясно обнаруживается и из всего дальнейшего внешнего строя школы с тщательной подробностью очерченного на страницах регламента. В основании этого строя несомненно легла та мысль, что для воспитания нового поколения пастырей в духе реформы нужно

совершенно оторвать воспитанника от грубого общества. По плану регламента имеется в виду устроить закрытое учебное заведение, почти такую же бурсу, какие уже существовали в то время в Киеве и в Москве. Мотивы, обуславливавшие эту форму учебных заведений в Великороссии, понятны и без допущения мысли о том, что проект новых духовных школ вышел из под пера ректора киевской академии и ученика иезуитской коллегии. То была давняя традиционная форма, перешедшая в южную Русь из соседней Польши; пересадить эту форму на почву Великороссии в данное время было необходимо, потому что по новости здесь образовательного дела, считалось весьма важным сделать обучение в школе обязательным так как иначе никто не захотел бы посылать в школы своих детей. Руководствуясь такими соображениями составитель устава новой духовной школы проектирует выбрать само место для ее постройки хотя и «веселое», но в то же время не в городе, а в стороне от него и в возможной дали от народного шума, куда даже не бывает частых okazji, «которые обычно мешают учению и находят на очи (развлекает), похищают мысли молодых человек и прилежать учением не попускает». Поступивши в построенную на таком «веселом» месте школу студент должен был дать письменное обязательство пред академическим начальством в том, что он «до конца учений пребудет в академии безвыходно». Жестокое «наказание» грозит тому «преступнику», будет ли это ректор или префект академии, или кто другой, который решился бы отпустить без ведома духовной коллегии студента академии из стен заведения даже и на самое короткое время.

Таким же духом полной изолированности от окружающего мира проникнуты и регламентские постановления относительно учреждения при академии семинариумов. «Таких семинариумов, говорит регламент, в иноземных странах довольно вымыслено есть». Устройство семинариума полезно и необходимо привести в исполнение даже раньше учреждения самой академии, ибо семинариумы имеют целью воспитывать и готовить учеников к успешному изучению академического курса. Итак, в учебном отношении семинариум не есть

самостоятельное заведение. Это есть нечто вроде общей квартиры для семинаристов, похожее на пансионы при нынешних гимназиях. В здании семинариума нет классных комнат, сюда не ходят учителя, а то и другое находится только в академии. Правила или, по выражению регламента, регулы относительно учителей и учения семинарских те же, какие установлены и для академии. По смыслу регламента, когда в семинариуме будут открыты школы, т. е. самостоятельные классы, тогда она будут называться академиями. Проект устройства семинариумов, как воспитательных заведений, составлен вполне в духе тогдашних педагогических правил, не придававших почти никакого значения так называемому домашнему воспитанию и свято веровавших в воспитательную силу закрытых училищ, в которых питомец «аще и тигр нравом будет, агнчую восприимет кротость нося... аще самолюбием или гордостью, или напыщением, или высоким о себе мнением, или иною какою безмерною страстью поврежден есть, в толицем собрании (т. е. в закрытом общежитейном учебном заведении) не трудно обрящет врачество болезнем сим; смирится бо, тишайший будет и не велико о себе мудрствовать начнет»²¹⁷. Для выполнения этого мудрого педагогического правила тогдашнего времени в приложении его в воспитанию будущих пастырей, составитель устава новых воспитательно-учебных заведений проектирует построить дом образом монастыря вместимостью человек на 50 или 70. Это зародыш тех пресловутых бурс, которые томили семинаристов в прошлом и в начале нынешнего столетия. До самого позднейшего нашего времени среди зданий многих духовных семинарий России живо уцелел этот характерный монастыреобразный тип постройки семинарского здания, кажется, последний уже в ваше время действительный свидетель прошлой истории семинарской жизни. В эту монастыреобразную школу детей велено принимать на воспитание от 10–15 лл., т. е. в самом нежном возрасте, когда из ребенка большей частью можно сделать все, что угодно, «а свыше того разве за прошением честных лиц свидетельствующих, что отрок и в доме родительском жил в страхе». Принятые на воспитание в семинарию дети должны

жить здесь по 8 или 9 человек в комнате, притом так, что самые младшие должны жить в одной комнате, среднего возраста в другой и старшего в третьей. Здесь в общей комнате всякому ученику должно быть отведено свое особое место «при стене вместо собственной конторы где его стоит кровать складная, (чтобы в день логовища знать не было настрого замечает мимоходом составитель Устава), також шкафа на книжки и иные вещицы и стулик для сидения». За пользование такими удобствами общежития, за казенный стол и одежду семинаристы более богатые платят однажды определенную сумму, бедные же воспитываются на казенный счет. Впрочем, не все семинаристы необходимо обязывались жить в здании семинариума; не желавшие вступать в семинарское общежитие имели право жить вне стен семинариума и посещать классы. В видах удобства для таких учеников составитель Устава думает построить вблизи семинариума несколько изб со специальным назначением отдавать их в наймы семинаристам, не желающим жить в семинариуме. С самого момента поступления в семинарское общежитие ребенок надолго разрывает все свои связи с обществом и родной семьей и почти безвыходно запирается в мрачных стенах бursы. Его не велено было выпускать из этих стен до тех пор, «пока он не ощутит знатной пользы такового воспитания». Не раньше как по прожитии трехгодичного срока времени дозволяется питомцу посетить родственников не более, как дважды в год. Но отлучка из семинарии должна продолжаться не дольше недели; и в этом случае за ним зорко следит глаз неотлучного от него префекта или инспектора, который, по возвращении школьника в бурсу подает ректору «репорт» относительно его поведения во время визитации им родственников. Но недостаточно кажется ревностному о своих питомцах педагогу и зоркого надсмотра за питомцем во время его отлучки из семинарии со стороны префекта: несмотря на то, что он грозит, если бы «тот приданный инспектор, поноровя питомцу, утаил о нем нечто худое, такового плута бить гораздо», – мудрый творец не мене премудрых педагогических правил советует по возвращении семинариста в бурсу испытывать его еще особыми какими-

нибудь способами в том, «не явилось ли в нем некоей прежних нравов охоты». Как бы смягчая несколько эту суровую строгость своих правил относительно отлучки семинаристов из стен заведения, составитель воспитательного проекта является в этом проекте, по-видимому, более снисходительным к посещению семинаристов родственниками в стенах семинарских. Впрочем, и в этом снисхождении проглядывает, кажется, больше желание представить в глазах родственников, по возможности, в привлекательном свете разобщенную со всем остальным миром школьную жизнь семинаристов. В случае посещения семинариста родственниками их велено принимать в какой-нибудь более видной и удобной комнате семинарского здания – «в столовой, или в иной общей избе или, наконец, в саду семинарском и «мерно кушанием и питанием потраковать их можно», хотя семинарист – родич разговаривать с ними имеет право не иначе, как в присутствии кого-нибудь из начальствующих лиц заведения. Все эти тяжелые и внушительные сами по себе внешние условия, которыми была обставлена жизнь в семинарском общежитии, осложнялись еще не менее тяжелым внутренним распорядком жизни и занятий семинаристов. Вся жизнь семинаристов распределена была по часам. Особые часы в сутки проектируется назначить для сна, молитвы, трапезы, гулянья и проч., – «и вен бы оные часы колокольцем означать, сказано в Уставе, и вси бы семинаристы, как солдаты на барабанный бой, так на колоколов голос принимались за дело, какое на час уреченный назначено». Эта военная дисциплина наблюдалась так строго, что даже прогулки в свободное время получили официальный и обязательный характер». На всяк день два часа определить на гулянье семинаристам, а именно по обеде и по вечерам и тогда будет невольно никому учиться и ниже книжки в руках иметь». Так составитель воспитательного Устава думает самыми точными правилами определить жизнь семинаристов-воспитанников. Помимо этих точных правил, с которыми должен быть соразмеряем каждый шаг, так сказать, воспитанников, средствами для возбуждения в них смирения и тихости определяется в Уставе строгий надзор за их поведением. В

каждой комнате семинарского общежития должно быть по префекту или по инспектору, которым может быть и неученый человек – «только бы не вельми свирепый и не меланхолик», летами от 30 до 50. На его обязанности лежит предупреждать ссоры и драки между семинаристами, воспрещать сквернословия и другие безобразия, наблюдать, чтобы никто из семинаристов не выходил из комнаты, он необходимо должен требовать объяснения причин отлучки. Помимо надсмотрщиков в семинарии должно быть не менее трех человек и из ученых: один был ректором, управителем всего семинария, а остальные два экзаменаторами, «сиесть розыщники учения, поясняет регламент, как кто учится лениво или прилежно». Ректор олицетворяет в себе верховную власть над семинаристами: он может делать им за проступки или леность в учении выговоры, наказывать розгами; исключать же из семинария может не иначе, как с ведома Духовной коллегии. Власть экзаменаторов несколько ограниченнее: учеников младшего возраста префекты за дурное поведение, а экзаменаторы за леность в учении имеют право сечь розгами, на воспитанников же среднего и старшего возрастов они действуют укорительными словами, а о неисправимых доносят ректору. Пересматривая все изложенные нами регламентские постановления относительно устройства учебно-воспитательных заведений для духовенства, обращая внимание на эти способы насильственного задержания учеников, караула, чтобы они не ушли из школы, на эту замкнутость жизни учеников в стенах семинария и господство здесь жестоких наказаний, невольно приходишь к мысли о том, как однообразна и скучна должна была быть описанная в регламенте жизнь семинаристов в этих воспитательных заведениях, или, лучше сказать, казематах. Составитель регламента и сам ясно сознает этот недостаток своего педагогического проекта. «Такое молодых человек житие кажется быта стужительное, пишет он в заключение к этому проекту, и заключению пленническому подобное». Но он верит, что «кто обыкает так жить хоть один год, тому весьма сладко будет». Для уврачевания же скуки заключенных в стены бурсы учеников он предлагает «угодные регулы». Так, для разогнания

неизбежной при такой обстановке жизни тоски семинаристам позволена регулярная прогулка и игры с полезным наставлением, – «таковое, например, есть водное на регулярных судах плавание, геометрические размеры, строение регулярных крепостей и проч. Ввиду той же цели – поразвлечься от скуки, – можно один или два раза в месяц, в летнее время, съездить на острова, в поля и на загородные государевы дачи. К числу развлечений, отличающихся характером полезности и служащих к утешению и уврачеванию скуки семинаристов относится также чтение при трапезе «ово историй воинских, ово церковных», которых «слышание и сладко есть и к подражанию мудрых оных людей поощряет такоже» глас музыкальских инструментов, некия акции, диспуты, комедии и риторические экзерциции». Все эти развлечения семинаристов, кроме того, что делают, по выражению регламента, «перемжку» в обычных занятиях семинаристов, имеют еще и воспитательное значение, потому что они «зело полезны к наставлению и к резолюции сиест честной смелости, каковыя потребует проповедь слова Божия». Изложенный в Духовном регламенте проект устройства новых духовных школ заканчивается постановлениями, касающимися прав окончивших курс в семинарии. Здесь прежде всего ясно высказывается мысль о назначении этих духовных школ в пользу собственно церковной службы. Выражение этой мысли мы находим в том, что при поступлении семинаристов по окончании курса на службу по духовному ведомству им дается, по мысли регламента, предпочтение перед неучеными, или же хотя и равными с ними по образованию, но не в семинарии воспитанными. «А которые семинаристы, говорит регламент, по совершении учения угоднейшие покажутся к делу духовному и они будут у епископов ближайши ко всяким степеням властительным паче прочих, хотя бы и равно оным искусных, но не в семинарии воспитанных». Но, несмотря на эту ясно выраженную мысль, сам же регламент постоянно сбивается в своих правилах относительно их практической пользы на другую противоположную точку зрения и выражается явное намерение правительства привлекать духовных воспитанников и на разные роды светской службы.

Так по достижении семинаристами совершеннолетия, они присягают в верности Государю Императору и «готовности к службе до которой угоден есть и позван будет указом Государевым». Об окончивших курс ректор доводит до сведения коллегиума, который и представляет их Его Величеству. Затем им дается отпуск, увольнение из семинариума с обозначением их успехов – «абшить со свидетельством искусства их», как говорит регламент.

Глава V. Заботы Петра Великого относительно образования монашествующего духовенства

Во второй части прибавления к Духовному регламенту излагаются постановления касательно другого класса духовного сословия – духовенства монашествующего. В большинстве случаев законодательство преобразователя относительно монашествующего духовенства стремилось развивать те же самые принципы, на основании которых оно заботилось перестроить и социальную жизнь белого духовенства. Как там, так и здесь принципы эти мало заключали в основе своей нового – такого, что так или иначе не было бы высказано предшествовавшим законодательством XVII века. Новое законодательство относительно монашества во многих случаях, цепляясь за мысли старого, пыталось только развить эти мысли с большей последовательностью и резкостью. И действительно, едва ли в какой-либо другой области Петровского законодательства проведены с такой неумолимо последовательной логикой основные его взгляды, как это мы видим в законодательстве Петра относительно монашества. Здесь, в законах Петра относительно монашества все проникнуто одним духом: несмотря на крупную энергию и поспешность, с какою Петр под влиянием первых же впечатлений выдавал распоряжение за распоряжением, в этих распоряжениях нет взаимного противоречия до мельчайших подробностей. Требования времени, громадная перестройка всей России, сопровождавшаяся непомерным напряжением всех сил народа, чисто хозяйственный взгляд правительства на подданных, требовавший неременного участия всех в государственном деле, строго наблюдавший, чтобы никто не уклонялся от государственной службы, никто «в избылх не был», стали теперь в прямое противоречие с идеей монастырского отречения от мира, заставляли правительство навсегда отрешиться от идеализации монастырской жизни, столь нередко свойственной допетровскому законодательству.

Эта идеализация монашества сменяется в законах Петра положительным, сухопрактическим взглядом на монастырь и монашество. Дух времени, искавший видеть в каждом явлении общественной жизни одно лишь полезное, обращался с предъявлением таких же требований общественной пользы и к монашеству, оставляя в стороне первичные истинно-христианские цели этого института. Внутреннее благочестие, которым так любило возвышать себя монашество пред общественным мнением, было известно конечно только одному Богу, а непригодность монахов для современной жизни была заметна и людям, в особенности же тому, кто «сам на троне вечный был работник». «Нынешнее житие монахов, читаем в знаменитом указе Петра от 31 января 24-го года, точию вид есть и понос от иных законов..., понеже большая часть (монахов) тунеядцы суть..., також у нас почитай все (монахи) из поселян, то что оные оставили, явно есть не точию не отреклись, но и приреклись доброму и довольному житию, ибо дома был троеданник, т. е. дому своему, государству и помещику; а в монахах все готовое, а где и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть, ибо только одну долю от трех против поселян работают. Прилежат же ли разумению божественных писаний? Всячески нет, а что говорят молятся, то и все молятся и сию оговорку отвергает Василий святой. Что же прибыль обществу от сего? воистину только старая пословица: ни Богу ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лени дабы даром хлеб есть»²¹⁸. Этот отрывок из указа Петра о монашестве всего выразительнее уясняет нам взгляд преобразователя на монашество. С другой стороны участие монашествующего духовенства в стрелецких бунтах и других народных волнениях этого времени, множество подметных писем, рассылавшихся из монастырей, появление проповедников и прорицателей в черных рясах, которые или тайком или всенародно на базарных площадях раздавали пароду свои «тетрадки» и провозглашали царя «антихристом» все это только еще более укореняло и поддерживало сейчас указанный нами взгляд Петра на монашество. Взгляд этот весьма ясно обнаружился уже в самом начале преобразовательной деятельности царя. «Странные

сцены, говорит Самарин²¹⁹, встретили Петра у колыбели и тревожили его всю жизнь. Он видел окровавленные бердыши называвших себя защитниками православия и привык смешивать набожность с фанатизмом и изуверством. В толпе бунтовщиков на Красной площади являлись ему черные расы, доходили до него страшные, зажигательные проповеди и он исполнился неприязненного чувства к монашеству». Несчастные обстоятельства последующего времени, упорная борьба с приверженцами старины, суд над супругой, суд над сыном царевичем Алексеем, еще более развила в Петре неприязненное чувство к монастырям. Обстоятельства эти нередко обнаруживали сколь враждебная государственному порядку сила скрывалась в стенах монастырей, потому что, как справедливо замечает тот же Самарин²²⁰, «не было такого заговора против намерений Петра, которого тайные сокровенные нити не скрывались бы в каком-нибудь монастыре». Под впечатлением этих обстоятельств преобразователь стал видеть в монахах людей праздных, от которых являются на свет только «забобоны, ереси и суеверия». Так с одной стороны считая монастырь учреждением практически малопригодным для современной жизни, а с другой – главным очагом противогосударственного стремления, Петр долгое время недоумевал: какое место отвести ему в государстве и не лучше ли отменить его совершенно... Но этого он не мог и потому он терпел монашество, хотя очень рано стал заботиться о том, чтобы путем строгих, репрессивных мер ограничить и стеснить его во всех отношениях. Еще в 1701 году в указе о выдаче монахам одинакового жалованья Петр писал: «древние монахи сами себе трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и общежительно живяше многих нищих от своих рук питали. Нынешние же монахи не токмо нищих питаша от трудов своих, но сами чужды труды поядоша и начальные монахи во многия роскоши впадоша и подначальных монахов в нужную пищу введоша; и вотчин же ради свары и смертныя убийства и неправыя обиды многи твориша»²²¹. Сообразно со своими взглядами на монастырь преобразователь прежде всего начинает заботиться о том, чтобы сократить по возможности

число этих непроизводительных по его мысли потребителей: а) уменьшением самого числа монастырей; б) установлением тяжелых условий для принятия в монашество, введением строгих правил монашеского жития – умерить число желающих поступить в монастырь и, наконец, в) вопреки основному характеру монашества дать ему практическое направление, извлечь из него какую-нибудь пользу. Стремясь к достижению последней цели, преобразователь, казалось, охотно обратил бы все монастыри в фабрики, училища, лазареты и т. п. общепользные государственные учреждения. В истории монашества XVII в. внимание исследователя невольно останавливается на весьма значительном явлении, именно на чрезвычайно широком развитии в тогдашнем обществе стремления к иноческой жизни. Насколько это стремление было общим явлением в XVII в. видно из того лучше всего, что в XVII стол. только вновь возникло до двухсот двадцати монастырей и пустыней²²². При патриархе Никоне в XVII ст. было 3000 монастырей (см. Ч. О. Л. И. Д. Р, 1881 г. кн. 3, стр. 65). В это время в Великороссии было около 500 монастырей, у которых были богатые вотчины (Зап. р. и слав, археол. 1861, т. II, стр. 401–422). Конечно, вне всякого сомнения, что из означенного приблизительного числа монастырей большая часть состояла из маленьких монастырьков, имевших шесть или семь человек братии, а иногда даже и меньше²²³. Не входя здесь в подробное изображение причин, которыми объясняется в такой или иной мере сильная страсть наших предков к монашеству в указанный период времени, мы заметим только, что одно из самых важных обстоятельств, побуждавших членов различных классов тогдашнего общества удаляться из мира в монастырь, скрывалось, по нашему мнению, в политико-экономическом устройстве и состоянии тогдашнего общества. В указываемое время многих привлекали монастырские стены не потому только, что в них можно было найти тихое пристанище от мирской суеты, но и потому, что они представляли надежную защиту от политических и административных преследований и угнетений. При том «нестроении» какое представляла тогдашняя Русь в политическом административном и

экономическом отношении, монастырь естественно должен был привлекать очень многих своей тишиной, защитой от бедствий и преследований, также и материальной обеспеченностью. Монастырь в особенности стал получать обаятельное значение в глазах каждого древнерусского человека с тех пор, как Уложение царя Алексея начало прикреплять к земле разрозненные русские общины, обязывать их неизбежной службой государству, с тех пор как крепостное право стало тяготеть над крестьянством без прежней свободы перехода. Монастырь становился теперь самым удобным местом, куда безопасно можно было укрыться всякому, желавшему «избыть тягло государево». Но каковы бы ни были причины быстрого увеличения числа монастырей и монашествующих в XVII в., только уже тогдашнее правительство ясно замечало это увеличение, доходившее до злоупотреблений. Собор 667 года жаловался на то, что в его время «умножися (в монастырях) беглых из рабства, и из христианства (крестьянства), которые постригались не душевного ради спасения, но нехотя в рабех и христиане (крестьяне) в христианстве быти»²²⁴. Соборы 667 и 681 годов издали несколько постановлений в видах препятствовать распространению зла. Первый ограничил свободу пострижения в монашество; второй велел сводить малые монастыри в один, обращать их в приходские церкви и стеснить возможность самовольного построения новых скитов и пустынь. Это стремление уменьшить количество монастырей и монахов, высказанное правительством XVII в., раньше всех других стало предметом законодательных распоряжений преобразователя относительно черного духовенства. Еще в девяностых годах XVII ст. мы видим в его царствование несколько частных распоряжений не строить новых монастырей без дозволения государя, причем обыкновенно говорится, что и старых монастырей вполне довольно для спасения желающих. В 701 г. монастырскому приказу первым делом по его учреждении поручено было переписать все монастыри мужские и женские. На основании этой переписи предполагалось составить подробный штат всех монастырей. Эти переписи монастырей,

неоднократно повторявшиеся и потом до двадцатых годов XVII стол., привели наконец к тому, что с изданием Духовного регламента и учреждением Синода совершенно запрещено было строить вновь как мужские, так и женские монастыри и в особенности монастыри скитские без ведома Синода. Автор Духовного регламента Феофан Прокопович вполне разделял государственнo-утилитарный взгляд Петра на монашество. Мы не беремся решать насколько справедливо замечание Самарина²²⁵ будто взгляд Феофана на монашество находится в тесной связи с его учением об оправдании человека грешника ради единых Христовых заслуг туне, т. е. даром, не вследствие каких-либо заслуг пред Богом со стороны данного лица, а единственно вследствие безграничной благодати Божией, но во всяком случае единомыслие Прокоповича с Петром по вопросу о монашестве есть несомненный факт явственно выраженный во многих сочинениях Феофана²²⁶. Разделяя по тем или другим основаниям взгляд Петра на монашество, Феофан Прокопович в Духовном регламенте старается подыскать основание подсказанной ему раньше распоряжениями преобразователя мысли о уменьшении количества монастырей. Так, запрещая окончательно постройку новых монастырей без предварительного синодального разрешения, Феофан советует и наличные монастыри, особенно которые имеют мало братии (а таких как известно было большинство в тогдашней России), соединить в одну обитель, потому что тогда с одной стороны соблюдение благолепия церковного будет легче, ибо нет никакого спора, что тридцати человекам легче отправлять службу ежедневно, чем троим, а с другой стороны и внешнее благолепие монастырей легче поддерживать («всякое монастырское благообразие»), ибо нет никакого сомнения, что легче обновлять одну церковь, чем две. Оставшиеся от упраздненных монастырей церкви переименовать в приходские: из земель тех монастырей нарезать священникам оных приходов достаточные для пропитания причтов участки. Остатки же той земли приписать к тем монастырям, куда будет переведена братия упраздненного монастыря. По соединении всех вотчинных монастырских земель, конечно и братия будет

иметь больше достатка и изобилия во всем. Такими соображениями мотивирует Духовный регламент свое желание относительно уменьшения количества монастырей. Более любопытные мотивы выставляет регламент в основании приводимого им запрещения постройки монастырей скитских. В XVII в. широкое развитие частной собственности в монастырях, послуживши к разложению монастырских нравов, вызывало очень нередко в сфере монашествующей братии дух своеволия, гордости, стремление свергнуть с себя всякую монастырскую власть, избавиться даже от самой легкой подчиненности. Результатом такого нравственного настроения было отделение непокорных, сварливых членов монастырской братии и удаление их в какое-нибудь пустынное место. Здесь эти отшельники создавали свой монастырь, свою общину. Вот что, например, пишет царь Федор Алексеевич собору 681 года. «Многие монахи мужеска пола и женска, нехотя быть у наставников своих в послушании, отходят из монастыря и начинают жить в лесах и по малу набирают к себе таких же послушников и устрояют часовни». Регламент безусловно запрещает такой своевольный выход из одного монастыря с целью пустынножительства. «Скитков пустынных, говорит он, монахам строити недопускати, потому что устройство их делается, поясняет регламентское запрещение, не в целях душевного спасения, а свободного ради жития», чтоб от всякой власти и надсмотрения удален жити возмогл по своей воли, и дабы на новоустрояемый скит собирал деньги, а теми корыстовался». Достижение цели наилучшего душевного спасения при пустынножестве даже и совершенно невозможно по мысли регламента. Хотя история и представляет нам прекрасные образцы христианского пустынножительства в лице подвижников – пустынников Павла Фивейского, Антония Великого, Макария египетского и др., но то были мужи, «добре в богословии и христианстей обучении и великого разсуждения и искусства». «Человеку же невежливому», какими тогда конечно было большинство русских скитников «такое жатие опасно есть и душепагубному бедствию подлежащее», потому что, если где, то конечно в пустыне трудно найти себе хорошего духовного

советника, столь необходимого для человека поставившего целью своей жизни спасение души, к которому можно бы обратиться за «решением сумнительных помыслов и падежей совести» или человека, у которого можно было бы поучиться «образу подвигов монашеских». Наконец самое свойство природы и климата России вовсе не благоприятствует, по замечанию регламента, монашескому пустынножительству. «Пустыням прямым быть в России холодного ради воздуха невозможно, ибо в Палестине, в пустынях и в прочих теплых странах, есть довольно плодов, чем питаться и тако может от миру весьма отлучитца: zde же без пашни, рыбы, огородов, пробыть невозможно, что тайно и уединенно быть не может». Так совершенно забывая историю возникновения северно-русских монастырей в XIV, XV и последующих веках, автор регламента старается во что бы то ни стало охладить любовь русских подвижников к пустынножительству и тем прекратить дальнейшую возможность постройки новых скитских монастырей. Стремясь к сокращению количества монастырей, преобразователь усиленно заботился в своих законодательных распоряжениях о том, чтобы распространить на монастыри действие государственного начала прикрепления, до чего тщетно старалось достигнуть московское правительство XVII в. и вместе с этим по возможности ограничить прежнюю свободу поступления в монашество.

Монастырская жизнь в XVII стол. больше всего, кажется, страдала от слишком свободных сношений с миром. Первые и так сказать самые ближайшие требования от монашествующей братии, именно, – чтобы в мир не ходить, чтобы мир не любить и забывались прежде всего и скорее всего. Между монастырем и миром далеко не вовсе была прекращена связь. Некоторые монастыри даже женские в XVII в. и устроены были среди мирского строения и от всякого дома к ним поделаны были ходы, которыми миряне день и ночь ходили в монастырь²²⁷. Кроме того, кроме такого временного наплыва в монастыри мирян, гостей для монастырских пиров и братчин, в монастырях постоянно жило множество мирян всякого рода, родни властей и соборных старцев. Наконец и между монахами тогдашнего

времени был так сказать особый класс, которые всю свою жизнь проводили бродя из монастыря в монастырь и естественно, что такие монахи находились в самом тесном общении с миром. Они выходили из монастыря по неуживчивости на одном месте, потому что в монастырских стенах им было душно и тесно. Этот бродячий класс монахов своим поведением бросал самую невыгодную тень на все остальное монашество. Они жили очень грязно: например, по жалобам собора 681 года они «ходили по кабакам и по корчмам и по мирским домам, упиваясь до пьяна и волочаясь по улицам», а которые победнее собирали милостыню по церквам, базарам, на перекрестках, причем принимали участие во всех хитростях, какими тогдашние нищие выманивали копейку у простодушного народа. Чтобы прекратить с одной стороны это тесное общение монастырей с миром, а с другой – уничтожить ту настоящую бродячесть в среде монашествующей братии, Петр старался путем целого ряда указов о переписи монастырей и монахов закрепить последних за своими монастырями точно так же, как имелось в виду путем указов о ревизии закрепить крестьян за их помещиками, и очистить монастыри от лиц проживавших в них, но не имевших к ним в сущности никакого отношения. В 701 году монастырскому приказу дано было распоряжение переписать все монастыри в России как мужские так и женские. Сколько монахов и монахинь переписчики застанут в каких монастырях, тем и оставаться в своих монастырях неисходно; разве по какой-нибудь важной, законной причине монах может перейти в другой монастырь и то с отпускным письмом от настоятеля прежнего монастыря. В 703 году для женских монастырей эти постановления были подтверждены с еще большими строгостями. Из монастыря монахиням быть неисходными, читаем в этом подтверждении; если будет великая нужда выйти, то отпускать на малое время часа на два и на три с письмом и за печатью: писать именно для какой нужды и насколько времени отпущена и за письмо и за печать отнюдь взяток не брать. Ворота в женском монастыре должны быть всегда заперты; подле ворот должны стоять караульные. Миряне в монастырь входят только во время церковной

службы, во всякое же другое время они могут входить сюда не иначе как с позволения игумены монастыря. Вместе с постоянным закреплением монахов и монахинь за теми монастырями, в которых заставляли их переписи, путем означенных указов имелось в виду раз навсегда очистить монастыри от проживавших на монастырском содержании излишних потребителей, не имевших в то же время к монастырю прямого отношения. Переписчики монастырей должны были выгонять из них вон всех не монахов, так ли проживавших здесь или же занимавших те или другие должности, как, например, чтецов или певцов, как нередко подобное бывало.

Последующими постановлениями Духовного регламента монастыри объявляются почти совершенно заключенными. Регламента позволяет монаху выходить из монастыря к родным и знакомым не более четырех раз в году и непременно с благословения настоятеля. У себя принимать гостей позволено также не иначе как с благословения настоятеля и при свидетелях, назначенных от последнего. Женщины же регламентом вовсе не допускаются в келии монахов, а они могут быть принимаемы лишь в особой монастырской гостинице и притом «в присутствии благочестивых старцев». Еще большим ограничением в этом отношении регламент подвергает монастыри женские. Он особенно ревниво старается охранить их от всяких сношений с миром. Монахини по Регламенту отнюдь не пускаются даже на праздники и в крестные ходы к мужским монастырям или к приходским церквам. Им не дозволяется ходить ни по каким случаям даже и в женские монастыри. Одна игуменья в женском монастыре составляет исключение, но и та только в сопровождении двух или одной старицы может выходить из монастыря. Для всех же остальных сестер женские монастыри и день и ночь должны быть заперты. Вход в монашеские кельи в женских монастырях «жестoko» запрещен всем мирянам; последние могут посещать только монастырскую церковь и монастырские святыни. Да и эти святыни, например, мощи, велено перенести в церкви над монастырскими воротами, куда велено устроить входы с улицы,

а в монастырь из церкви сделать один проход чрез келии игумены, чтобы монастырь таким образом оставался совершенно недоступен для посторонних лиц. Даже во время самого церковного богослужения и то монахини не должны мешаться с народом, а должны были стоять отдельно от него. В случае, если бы у женского монастыря оказалась необходимость предъявить иск в гражданском суде, то и здесь регламент строго запрещает самим монахиням вступать в такие тяжбы; они должны посылать по всем судебным хлопотам монастырских стряпчих. Если наконец монахиням представится необходимость быть в столичном городе, то самим им опять-таки не ходить туда, а доносить о своей необходимости епархиальному епископу, который передает об их нуждах Синоду, а последний уже делает такие или иные распоряжения об удовлетворении их.

Сокращая количество наличных монастырей, стесняя затруднительными предписаниями постройку новых монастырей, прикрепляя монахов к монастырям и очищая последние от не монахов, Петр наконец в своем законодательстве путем установления целого ряда самых стеснительных условий для вступления в чин монашеский имел в виду достигнуть возможного сокращения количества желающих принять на себя сан монашеский, или ослабить стремление к поступлению в монашество. Впрочем, в этом отношении законодательство Петра иногда помимо всяких условий категорически и строго запрещало дальнейшие пострижения вновь. Уже после самых первых переписей, произведенных над монастырями монастырским приказом, пострижения вновь или вовсе не допускались или же, если допускались, то только с особенного разрешения монастырского приказа, который нередко руководствовался при этом особыми указами самого царя или сената. Так, например, по указу от 703 года в женские монастыри велено было постригать белиц не раньше сорока лет, на место же убылых монахов насылались теперь в монастыри больные и нищие, даже умалишенные и осужденные в каторгу, но по болезненному состоянию неспособные к работе²²⁸. После 715 года взамен убылых

монахов по монастырям стали помещать отставных военных всех чинов, не имеющих своих собственных средств к прокормлению. С этого времени вошло в общий закон обыкновение, по которому увечные и вообще больные военные чины стали пользоваться по прошению от монастырей содержанием. Для приведения в действие этого закона велено было прямо сокращать наличное число монахов того или другого монастыря, доводить его до такой нормы, по которой бы за покрытием самых необходимых расходов по содержанию монахов оставался избыток от ежегодных монастырских доходов для благотворительных целей²²⁹. Духовный регламент, не запрещая прямо постригаться в монахи, тем не менее старается всевозможными мерами заградить доступ к монашеству. Регламент указывает следующие тяжелые условия для поступления в монашество. В монахи не принимать никого моложе тридцати лет. Для женщин временем для пострижения назначается и еще более поздний срок от пятидесяти до шестидесяти лет. «К монашескому бо житию, говорит регламент, мотивируя устанавливаемое им правило, недовольно иметь совершенный разум, но искусство состава своего, аще имеет дар к безженному житию». Не велено постригать служащих без увольнения их начальств (приказных, солдат и пр.); связанных каким-нибудь обязательством, например, должников, подсудных и т. п., лиц иноепархиальных «все таковыи, по словам регламента, не каятися, но спрятатися ищут, и великую беду на монастырь наволакивают». Отнюдь не принимать крестьян без отпускной от помещика, да и самую отпускную прилежно рассмотреть «кто (крестьянин) таков, каковых лет и нет ли каковаго подлога», а неграмотных из крестьян не принимать без особого указа императора и синодального определения, не принимать в монастыри супругов, произвольно разведшихся или оставивших после себя малолетних детей. Детей без родительского согласия не принимать: настоятели монастырей, архимандриты, игумены и пр. должны разъяснять таким детям, что оставлять своих родителей будто во имя Божие дело богопротивное, ибо изрекая «аще кто оставить отца или мать и пр.» Господь освящал только оставление по необходимости;

не принимать также детей по одному благочестивому обещанию родителей без согласия самих детей. Наконец, настоятелям монастырей предписывается под страхом лишения настоятельской власти отнюдь не принимать в монашество вкладчиков, сделавших вклады, которые, по словам регламента, т. е. вкладчики, за вклад свой «аки за долг некий угодия в монастыре ищут и от настоятеля с роптанием истязуют». Когда нет ни одного из вышеозначенных препятствий, дозволяется принимать в монахи. Это, так сказать, отрицательные условия, требуемые регламентом от поступающего в монашество и несомненно основанием для них послужила практика старорусской монастырской жизни. К положительным условиям относится прежде всего трехлетний «искус». Поступающих в монашество отдают на испытание под надзор честному старцу. Находящийся на испытании проходит общие монастырские послушания и частные, какие укажет настоятель. Всякий год он должен исповедоваться и приобщаться св. таин по четыре раза в год. Нет сомнения, прибавляет составитель регламента, что трехлетнее испытание тяжело, но истинно желающие поступить в монашество не отрекутся от него, а лжеобещанники и тунеядцы конечно не могут его снести. После трехлетнего испытания настоятель монастыря вместе с духовником испытуемого и старцем, под надзором которого он состоял, доносят архиерею, что он искренно желает поступить в монахи и достоин того. Поучивши его, архиерей благословляет постричь. Пред пострижением должно прочесть ему монашеские обеты, чтобы он обдумал, может ли исполнить их, также и все написанные в регламенте правила о монашестве. Если же поступающий в монашество после трехлетнего испытания не захочет быть монахом, то свободно отпустить его «без всякого удержания и укоризны». В случае нового желания быть монахом он обязан во второй раз подчиниться трехлетнему испытанию. Если кто из поступающих пожелает сделать вклад в монастырь, то оный принимается не прежде, как по исполнении им трехлетнего испытания и при том с подпиской, что за вклад этот он не будет требовать не только

угождения себе, но и не станет хвалиться им, даже вспоминать о нем.

Так путем целого ряда стеснительных условий регламент старается заградить доступ к монашеству. К той же самой цели стремится петровское законодательство вместе с регламентом, начертывая новый план внешнего и внутреннего устройства монастырской жизни. Кажется древнерусский монастырь XVII в. главным образом потому и имел особенное обаятельное значение, что его стены далеко не разлучали монаха с миром и со всеми обольщениями последнего. Монах оставался и в монастыре почти тем же мирским человеком каким он был в миру; он удерживал за собою даже свое недвижимое имущество; по крайней мере так было до Уложения Алексея Михайловича. Уложение²³⁰ запретило этот обычай, но не уничтожило права частной собственности в монастырях; взамен потери недвижимого имущества оно признало обязательными все повинности, какие монашествующий налагал на тех, кому передавал имущество, дозволило также недвижимую собственность обращать в деньги и уносить их с собой в монастырь. Это дозволяемое законом развитие частной собственности в монастырях, кажется, больше всего и было причиной того разложения монастырских нравов, какое мы замечаем в XVII в. Монахи собственники отделялись от остальной братии, имели отдельные кельи и жили в них со своей прислугой, своим хозяйством. Живя своим хозяйством, монах принимал у себя гостей и сам ходил всюду в гости. «Ныне, писал митрополит суздальский Иларион в 694 году к монахам Флорищевой пустыни, нестяжательное жительство стало от вас изгубляться; многие от братии стали особое имение держать и предпочитаемы стали быть хотящие развратити прежнее общежительство»²³¹. В 1660 г.²³² «великому государю ведомо учинилось, что в монастырях старцы живут безчинно, по вся дни по мирским домам ходят, а иные на дворах и ночуют и с детьми своими и с братьями, с родичи и с иными мирскими людьми в кельях пьют допьяна и из монастырей питье и мед, пиво и квас и съестное выдают, а иное и продают». Так развитие частной собственности и веками

приобретенные богатства монастырей служили причиной тому, что монастырская жизнь в XVII веке ослабела и распустилась во всех отношениях. Монастыри находились в состоянии нравственного разложения. Царские и святительские грамоты последних годов XVII столетия исполнены увещаний и обличений, обращенных к инокам. В 630 г. царь Михаил Федорович жаловался на монахов Соловецкой обители, укоряя их в пьянстве. В 47 году царь Алексей Михайлович писал к патриарху Иосифу, чтобы он повелел, чтобы «монахи в монастырях хмельное всякое питье, вино и мед и пиво, хмельные квасы оставили и впредь не держали». В 608 году митрополит новгородский Питирим писал в Нилон Столбенский монастырь: «многие старцы, не хотя жить в монастыре, но хотя пить хмельное питье, а иные де и для пожитков своих из тои Ниловы пустыни выбегают платье и правильные книги с собою сносят». Тот же Питирим в наказной грамоте изображает жалкую картину тогдашних нравов монашеских: «и сами игумены и черные и белые попы и диаконы хмельного питья допьяна упиваются и о церкви Божией нерадят». В конце грамоты он предписывает: «учинить заказ крепкий, чтобы игумены и черные и белые попы и диаконы и старцы и черницы на кабаки пить не ходили и в монастыри до великаго пьянства не упивались и пьяны бы по улицам не валялись». Но само собой понятно, что одних простых предписаний недостаточно было для исправления нравов монашеских. Главной причиной распущенности монашеских нравов было слишком тесное общение монастыря и монахов с миром и со всеми его прелестями. Вот почему преобразователь, ясно сознавая корень зла, заключивши монахов строжайшими предписаниями в монастырских стенах, старается и здесь лишить их всего того, чем они могли бы быть связаны с миром. Прежде всего на место прежней частной собственности Петр стремился установить определенную норму жалованья оставшимся в монастыре монахам. В 701 г. был издан именной царский указ, гласивший, что в монастыри монахам и монахиням следует давать определенное число денег и хлеба в общежительство их, а вотчинами и никакими угодьями не владеть, не ради

разорения монастырей, но лучшего ради исполнения монашеского обещания. Согласно с таким законодательным постановлением сначала давали каждому монаху по десяти рублей денег, по десяти четвертей хлеба, но скоро эта дача уменьшена была вдвое. В 706 году Меншиков доносил Петру: «писал я ныне в Новгород к коменданту Татищеву велел ему ведать все Новгородского уезда патриаршие, архирейские и монастырские вотчины и архирею и старцам давать хлеб против того как в монастырском приказе определено, денег же старцам против гарнизону по шести рублей. Не позволит ли государь, московских и других монастырей старцам деньги отпускать против гарнизонных же солдат по шести рублей. Воистину досыть, понеже солдату против старца всегда лишнее, у него есть жена, дети, они же служат и работают не имея себе покоя. А старцу что больше того надобно чтобы были хлеб и вода. Они в то себя определили, чтобы последовать святым отцам, которые денег не любили, так и им жить надлежит»²³³. Царь действительно велел выдавать монахам содержание по пяти рублей денег, по пяти четвертей хлеба с готовыми дровами. В которых монастырях по расходным книгам оказалось, что прежде учреждения монастырского приказа на каждого монаха приходило меньше пяти и четырех рублей, тем и монастырский приказ выдавал столько же, а малым монастырям с небольшими доходами позволено было даже и вотчины свои ведать по прежнему «понеже, писал Мусин-Пушкин царю, в них ни малаго прибытка учинить невозможно»²³⁴.

Имея в виду восстановить в монастырях строгое общежитие Духовный регламент с большей заботливостью чем предшествовавшее ему законодательство старается установить строгий контроль над тем, чтобы именными монастырскими пользовались сообразно их назначению, а чтобы монахи не держали отнюдь по монастырям никакой частной собственности. Монастырских продуктов, говорит регламент, монахам отнюдь не продавать ни в самом монастыре, ни по улицам города. Оставшейся от трапезы пищи монахи не должны разбирать по своим кельям кроме кваса. Пища и одежда должны быть у всех одинаковы, иначе всякий будет воровать,

чтобы сделать себе лучшую одежду и приготовить вкусную пищу. Из монастыря никто ничего монастырского не имеет права отдавать, кроме настоятеля. Но и он может делать не иначе, как с объявлением старейшей братии и с запиской кому, чего и по какому случаю дано. Все доходы от монастырских вотчин, боголюбцев собирать в одно место и из него расходовать.

Никому в монастыре чужих вещей, кроме книг, не держать, ежели найдется у кого такая вещь, она отбирается в монастырскую казну. Без уведомления настоятеля под страхом жестокого телесного наказания монахи не должны даже держать чернил и бумаги и не должны никому писать никаких писем. Писать могут только те из монахов, кому дозволено заниматься этим для общемонастырской пользы. Ежели которому брату случится действительная потребность написать письмо, то он может писать в трапезе из общей чернилицы, на общей бумаге с дозволения настоятеля. Лишая монахов возможности сноситься с миром, Регламент заботится о том, чтобы и в стенах монастырских они не проводили праздной жизни. Настоятели всегда, говорит Регламент, должны «избрать дело некое, а добре бы в монастырях завести художества, например дело столярное, иконное и проч., а в женских монастырях пряжу, шитье, вязанье кружев и т. п. занятия непротивные монашеству». Нечего уже и говорить конечно о том, что монахи сами должны исполнять все работы по монастырю, поэтому кроме престарелых и настоятелей никто не имеет права держать прислуги. Но начальники должны брать прислуги не свыше потребности, а для престарелых и больных нужно устроить больницы. Наконец по всем монастырям кроме обучения монахов различным художествам и ремеслам их необходимо учить также еще чтению. Для этого надобно избирать в учителя монахов, которые бы знали смысл св. писания. Обученных таким образом только и рекомендуется посвящать в сан священства.

В заключение своих постановлений о преобразовании монастырской жизни в русской церкви Духовный регламент излагает ряд правил относительно устройства монастырской администрации. Прежде всего Регламент подтверждает выбор

настоятеля собором всей братии, господствовавший в древней России. Выбирать в настоятели следует честных людей и испытанных в иноческом житии, хорошо знающих священное писание и устав монастырской жизни, чтобы они заботились более о душевном спасении братии, а не о построении стен монастырских и собирании богатств. Настоятелей при определении их следует приводить к присяге в том, что они со всеусердием будут исполнять последнее требование. Ежели по избрании и присяге настоятели не станут заботиться о спасении душ, порученных руководительству их, то их надлежит низводить на низшую степень братства. На место же их советы монастырские избирают других. Указав правила выбора монастырских настоятелей, Регламент предписывает затем правила относительно исправного отправления настоятелями своего служения. Если какой-нибудь настоятель примет самовластно в монастырь беглого монаха, то такого начальника низводить на низшую степень монастырского послушания именно: в монастырскую работу по самую смерть его. Беглых же монахов также посмерть держать в монастырских работах и вдобавок в оковах. В монастырях должна быть книга, в которую записывается время пострижения каждого монаха, его имя и прежнее звание. Монастырская казна должна быть хранима за ключом настоятеля, ключом казначея и монастырской печатью. Также и ризница. Однажды в неделю или в месяц настоятель с келарем и другими старцами обязан слушать отчеты о проходе и расходе монастырской казны и записывать их в книгу. Настоятель не имеет права держать при себе родственников или определить их к монастырским делам. Настоятелю, как и монахам, запрещается брать что-либо от мирских людей на хранение. По смерти архимандритов, игуменов и прочих монахов оставшееся после них имение родственникам не отдается, но присылается в Святейший Синод. Имение же низших монастырских служек отбирается в монастырскую казну. Как духовный руководитель и начальник братии настоятель отнюдь не должен понуждать братию идти к нему на исповедь, потому что такая исповедь будет притворной. В монастыре должен быть один честный монах духовник, утвержденный

епископом. Он по временам может говорить настоятелю какой порок преобладает в братии, не именуя однако лиц и не обозначая келий. Настоятель может принять к сведению его сообщения для принятия мер к искоренению того порока.

Таковыми постановлениями законодательство преобразовательной эпохи старалось определить до малейших подробностей монастырскую жизнь. Несмотря на всю строгость этих распоряжений они казались царю недостаточными для исцеления «вредного недуга» и вот двадцать восьмого января 723 года был издан указ со строгим наказом духовной власти «дабы отныне отнюдь никого не постригать, а на убылые места в монастыри определять отставных солдат». Но это распоряжение было уже слишком радикально и не могло просуществовать долго. Сознавая это, Петр решился составить подробные правила о монашестве с объяснительной к ним запиской, в которых доказывалась необходимость всех предшествовавших распоряжений относительно монашества. Тридцать первого января 724 года было издано на имя Синода пространное «Объявление»²³⁵, написанное отчасти автором Духовитого регламента, а отчасти и самим государем²³⁶ относительно монашества. Это объявление начинается такими словами: «Святейший Синод! Какое мы определение учинили о монастырях и объявление людям, для чего оное учинено, то следует ниже сего». В самом объявлении подробнее развита мысль, повторяющаяся во всех петровских указах о монашестве. Между прочим здесь доказывается, что монашеское звание само по себе вовсе не заслуга, что монашеская жизнь, развитие которой обусловлено внешними историческими причинами, требует особенного призвания и ни в каком случае не может и не должна считаться обязательною. Особенно любопытны в этом «объявлении» приводимые его автором исторические причины возникновения монашества. Две причины по мнению объявления возбуждали в первоначальном христианском обществе стремление к уединенной монашеской жизни. Первая из этих причин имеет свое основание в психологическом особенном настроении некоторых людей. В первенствующей христианской церкви одни лица стремились к

монашеству «ища уединения по совести, ради токмо природной к тому склонности, и безо всякия страсти или мнения, якобы невозможно в мире спастись». Но была и другая причина, порождавшая монашеский образ жизни в первенствующей церкви. Причина эта лежала в том положении, какое пришлось занять христианской церкви в языческом греко-римском государстве. Испытывая различные угнетения в гонимой церкви многие члены оной в первенствующее время «укрывались в уединение и неволею ради мучителей и гонителей, хотя соблюсти душу свою, право толкуя слова Спасителя Христа, еже оставить все его ради». Побуждаемые этими двумя мотивами искать уединенной жизни, монахи первенствующей христианской церкви представляли в своей жизни воплощение монашеского идеала. «Они, как говорит объявление, не точию что от людей не требовали, но ниже хотели, чтобы их люди видели и слышали о них, пребывали же в Палестине, в Египте, Африке и прочих зело теплых местах, и овощи для пропитания натуральные, кроме трудов человечествах довольно имуще, и тако, кроме книг, ниже одеяния им было потребно, ниже храмины»... Что же потом произошло, спрашивает объявление. «Когда к греческим императорам некоторые ханжи подошли наипаче же к их женам и монастыри не в пустынях уже, но в самых городах и вблизи лежащих от оных местах строить начали и денежной помочи требовали для сей мнимой святыни; еще же горше яко и нетрудиться, но трудами других туне питатися восхотели, к чему императоры паче своей должности, в чем было им трудиться надлежало сею мнимою святынею или обмануты от оных, или сами к тому какой ради страсти весьма склонны явились и великую часть погибели самим себе и народу стяжали, как истории цареградския повествуют, что на одном кавнале от Черного моря даже до Царягорода, который не более тридцати верст, протягивается с триста монастырей. Сия гангрена зело было и у нас распространяться начала под защищением единовластников церковных..., но еще Господь Бог прежних владетелей так благодати своей не лишил как греческих в не рассмотрении сего излишества, которые в умеренности оных держали»...

В первый раз на Руси был высказан такой односторонний, материальный взгляд на монашество. Не отвергая монашество как род уединенной жизни в целях душеспасения, преобразователь требовал от монаха, чтобы он или совершенно отрекся от мира, ничего не требовал от других людей, подобно древним подвижникам, или же пользовался посторонней помощью, но взамен этого и сам приносил пользу обществу.

Последний класс лиц, подведомственных Синоду, составляют миряне. В постановлениях Духовного регламента относительно их проглядывает стремление подчинить мирян нравственному влиянию их пастырей. Прежде чем обозначить существеннейшие обязанности мирян по отношению к церкви и ее представителям Регламент предпосылает «малое предисловийце к лучшему уразумению, почему миряне нарицаются миряне и в чем от чина духовного имеют разнствие». Это объяснение призвано необходимым потому, что «за неведением сего многая и деются и сказуются дурости душепагубныя» – в роде побуждения к монашеству и т. п. Излагая далее обязанности мирян по отношению к церкви и ее представителям, Регламент прежде всего обязывает мирян слушать голоса своих пастырей «ибо овцы не суть овцы, когда не слушают голоса своего пастыря». Вместе с обязанностью повиновения своим пастырям всякий мирянин христианин должен строго повиноваться и уставам церкви: должен хотя однажды в год исповедоваться и приобщаться Св. Таин, иначе, не исполняющие этой обязанности будут объявлены раскольниками. В заключение Регламент предписывает, чтобы прихожане не скрывали от священников сомнительных вопросов по брачным делам, чтобы браки, хотя и законные, не венчались в других приходах, тем более в других епархиях, чтобы гражданские власти по делам духовным подчинялись власти своего епархиального епископа.

Заключение

Изложив в своем исследовании церковно-преобразовательную деятельность Петра, мы постараемся в заключение его подвести итоги этому изложению, кратко отвечая на вопрос: что собственно хотел сделать Великий преобразователь с русской церковью? По частям ответ на означенный вопрос уже дан в нашем исследовании. Тот исторический памятник, который лег в основу нашего исследования, сам собою намечал нам общую программу нашей работы. Духовный регламент – это всё, что сделано или что только проектировалось преобразователем в целях переустройства русской церкви. Написанный человеком, кажется, больше всех других «сотрудников Петра» единомысленным ему, регламент с замечательной меткостью выражает в себе планы Петра относительно церковного устройства. Сии планы стоят в самом тесном отношении к общему направлению гражданских реформ Петра. Как будто Псковский архиепископ, автор регламента, был постоянным, неотлучным наперсником Петра во всех его намерениях и начинаниях: так близки его мысли ко всему тому, что говорилось и делалось Петром! Феофан Прокопович сумел разрешить в регламенте чрезвычайно трудную возложенную на него преобразователем задачу. Он представил в регламенте довольно обдуманый и выработанный проект церковного устройства, вполне отвечавший тому строю жизни государственной, какой постепенно определялся под влиянием преобразовательной деятельности Петра. Трудность задачи Прокоповича состояла, во-первых, в том, чтобы угадать в общем хаотическом течении реформ Петра общее их направление, – если можно так сказать относительно петровских реформ, – общий план их; и во-вторых – поставить в соответствие с этим общим направлением гражданских реформ церковное устройство. Эта задача очень удовлетворительно разрешена регламентом. Рассматриваемый со стороны разрешения этой задачи Духовный регламент – есть ничто иное,

как попытка ответа на вопрос, как должен быть изменен строй церковной жизни применительно к тому переустройству жизни государственной, которое стремился создать Петр Великий. С этой стороны регламент главным образом и представляет интерес для исследователя историка. В этом последнем своем качестве регламент и дополняющие его исторические акты разрешают свою задачу следующим образом. Перемену, произведенную реформами Петра Великого в области церковной жизни нашего отечества, в исторической литературе нередко обозначают приблизительно такой формулой. «Петр ввел церковь в общий порядок государственной, подчинил ее общей системе государственного правления как одну из ее ветвей и духовное правительство сделал коллегиею наряду с прочими коллегиями»²³⁷. Когда затем возникает вопрос об определении и уяснении смысла этой общей и потому малопонятной формулы, то в ответ на этот вопрос большей частью обнаруживаются очень смутные представления о смысле петровской церковной реформы. Этот ответ обыкновенно развивают приблизительно в таких общих чертах. Русская церковь, представляя до времени Петра совершенно самостоятельный почти ни в чем независимый от государства организм, разом теряет теперь свое независимое положение и из церкви, этого *status in statu*, превращается в государственное учреждение. Прежде, существуя самостоятельно и независимо от государства, церковь имела возможность развиваться с такою же свободой и самостоятельностью как и государство; теперь, в силу преобразования, она могла развиваться только как одно из государственных учреждений и наряду с прочими учреждениями по предписаниям верховной власти, под наблюдением и непосредственным руководством «из офицеров человека доброго и смелого». В еще более резких и решительных выражениях развивается сейчас указанное нами воззрение на смысл и значение церковных реформ Петра в наших обыденных не научных суждениях, например, в журнальных и газетных замечаниях на этот предмет. Здесь очень не редко с неподдельным чувством прискорбия заявляется о том, что «великий преобразователь занес руку на

дело, до основания которого рука человеческая не должна касаться» и что благодаря этому «навсегда рушилась свобода и самостоятельность многовекового строя отечественной церкви, разорвалось существовавшее до сих пор живое взаимодействие между клиром и обществом», что церковь с момента произведенной в ее среде реформы в начале XVIII в. «одетая в государственный мундир, навсегда взята была в казну, и что, наконец, духовное ведомство, захватывающее в свой круг самые дорогие, самые святые интересы народа, ведающее, так сказать, самую душу народную, с этого времени стало не более как одно из государственных бюрократических учреждений, принадлежит к одному с ними разряду и пользуется зато одинаковою с ними долей нравственного авторитета и сочувствия к русской земле». Такой взгляд на смысл петровской церковной реформы высказывается нередко в наше время как в церковно-исторической литературе, так и в обществе. Всматриваясь ближе в содержание этого взгляда, нетрудно приметить, что он не принадлежит исключительно только нашему времени. Исторически взгляд этот, кажется, служит отголоском того мнения или впечатления, какое оставляла по себе церковная реформа Петра в ближайших современниках и очевидцах ее. Известно, что на современников Петра, до буквализма строгих ревнителей церковной старины и потому не отдававших себе холодного беспристрастного отчета в церковно-преобразовательной деятельности правительства, крутой вихрь церковных реформ Петра подействовал очень сильно и они склонны были подвергать эти реформы самой строгой и мелочной критике, – писать против них в риторическом вкусе XVIII в. «возражения и обличения со всяким доводом». Защитники старины и рьяные противники церковных мероприятий Петра намеренно стремились уничтожить, исказить действительный смысл этих мероприятий. В своих желчных риторических памфлетах они старались доказать, что церковными реформами Петра «явно вся святая церковь была поносима и воничтожаема» и даже, что все ее «догматы и предания разрушены и превращены», а на место их было введено «безбожное лютеранство и прочее еретичество».

Так в нашей церковно-исторической литературе давно сложилось мнение, по которому церковная реформа Петра Великого была коренным изменением старого строя церковной жизни, не только сдвинувшим эту жизнь со старой колеи, но и поставившим ее на совершенно новые начала. Правда до сих пор еще мы нигде не находим в литературе определения этих новых начал. Не пытаюсь определить их точно, исследователи и публицисты (последние в гораздо большей мере) больше заняты вопросом о значении и последствиях этих начал в церковно-исторической жизни.

Рассматривая церковно-преобразовательную деятельность Петра Великого, мы совсем не находим оправдания указанному взгляду. Воспроизведем кратко церковные реформы Петра. Прежде всего Петром была преобразована, как мы видели, центральная церковная администрация и сообщены были некоторые новые свойства областной или епархиальной администрации. Глубоко ошибаются те исследователи церковных реформ Петра, которые видят в этом преобразовании намерение царя, какими бы мотивами ни объясняли это намерение, – подчинять своей власти церковь в смысле цезарепапизма и таким образом утвердить строй церковной жизни на совершенно иных основаниях, чем на каких он держался в допетровскую эпоху. Ни Духовный регламент, ни какой другой акт, относящийся до церковно-преобразовательной деятельности Петра, не дают права к такому заключению. Да и вообще в памятниках того времени мы совершенно не находим мысли о супремате и верховенстве государя в делах церкви, как равно не находим мысли о полноте подчинения самобытности церкви государству, сделавшему будто бы из нее государственное учреждение «государственную коллегия по церковным делам» наряду с прочими коллегиями. Правда к внешнему устройству церкви применены были Петром во многом формы гражданского порядка, тем не менее эти формы не нарушали самобытного начала церкви и в то же время в основном (устройстве центральной и областной или епархиальной церковной администрации) согласовались с каноническими формами церковного устройства. По мысли

преобразователя такой порядок был даже необходим для того, чтобы вызвать столь необходимую в то время возможно большую деятельность на пользу церкви же со стороны тех, кому вручено кормило церковной власти. Если одному лицу трудно править правильно церковными делами, если это одно лицо, в силу ли традиционных убеждений или по каким-либо другим мотивам не всегда охотно склоняется на необходимые церковные реформы, как бы так рассуждал великий преобразователь, вводя новую форму церковного правления, то пусть широкий круг его деятельности распределится между несколькими лицами. Нарушения канонических правил церкви относительно устройства церковного управления здесь не будет («понеже» можно устроить «собор»), но церковная деятельность при этом пойдет правильнее и живее, в ней будет больше отчетности и порядка и отсюда несравненно больше действительной пользы для церкви и народа.

Так отношения власти государственной к церкви по проекту церковных преобразований Петра, в сущности, должны были оставаться и с учреждением новой синодальной формы церковного правления такими же, какими они были до этого времени. На деле, правда, эти отношения становились произвольнее, потому что теперь пали старинные традиционные обычаи и понятия, на основании которых создавались эти отношения в древней Руси. Вскоре после смерти Петра Великого псковский архиепископ вице-президент нового церковно-административного учреждения Синода Феофан Прокопович имел бесчисленное множество случаев наблюдать, как много заключает в себе коллегия духовная «свободнейшего духа», как «не боится она власти сильных мира сего» и пр. и пр. В наступивший вскоре после смерти великого преобразователя смутный период немецкого владычества на Руси духовная коллегия нередко делалась игрищем в руках светского правительства и не могла проявлять не только «свободнейшего», но и какого бы то ни было самостоятельного духа в своей деятельности. Так церковно-административные реформы Петра Великого вовсе не вносили в церковную жизнь отечества перемен церковного права. Стремясь поставить в

связь строй жизни церковной с новым устройством жизни государственной, реформы эти только разграничивали церковное право от права государственного, область которого была перемещена с ним в прежнее время церковной жизни.

В связи с церковно-административными реформами Петра нужно поставить перемены, внесенные преобразователем в сословную жизнь духовенства. Перемены эти развивались в самой тесной связи и совершенно параллельном направлении с гражданскими сословными реформами Петра. Духовенство, как и все прочие сословия в государстве, не получило под влиянием петровских реформ никаких новых прав. Как бы взамен этих прав ему точнее было указаны и определены его обязанности. Преобразователь стремился к тому, чтобы напомнить духовенству о его высоком назначении, указанном ему в слове Божиим – быть истинными пастырями и руководителями духовно-нравственной жизни народа.

К этому он призывал его постоянно и из этого желания Петра истекал широкий ряд забот правителя о материальном обеспечении и нравственном усовершенствовании духовенства. В обоих последних отношениях Петр пытался поставить духовенство в условия, которые бы благоприятствовали духовенству точнее и с большею пользою выполнять высокое его назначение.

В связи со стремлениями правительства преобразовательной эпохи к достижению показанных целей в деле преобразования духовного сословия стоят заботы Петра о духовной школе. Сообразно с точным определением обязанностей духовного сословия духовная школа, по взгляду Петра, должна была отличаться специальным характером. Ее прямое назначение воспитывать духовное юношество «в надежду священства». Итак, эта школа должна была носить на себе такой же точно профессиональный характер, каким отличался ряд других, светских школ, устроенных Петром. К такому специальному ее направлению по проекту ее устройства должен был быть приурочен весь внутренний и внешний строй ее. Наряду с духовенством белым и монашествующее духовенство преобразователь старался поставить в условия

более или менее благоприятствовавшие целям монашеского института. Петр вовсе не отрицал монашества в принципе, как нередко желают утверждать это. Несмотря на всю строгость узаконений его относительно монашества: мы нигде в указах Петра о монашестве не встречаем постановлений, в которых бы проглядывали мысли, отрицавшие совершенно институт монашеский. Требования времени, глубокий упадок нравственной жизни в среде монашествующего духовенства с другой стороны, заставляли правительство петровского времени путем решительных, строгих мер стремиться к пересозданию внешней и внутренней жизни в среде монашествующего духовенства. Это пересоздание направлено было к тем целям, чтобы отрешить монашество от того мирского духа, которым оно проникнулось в предшествовавший период церковно-исторической жизни и в противоположность этому духу, сообщить монашескому институту истинный смысл и значение требуемые от него, как от подвига христианством. Таковы в общем результаты церковно-преобразовательной деятельности Петра. Теперь мы можем указать на некоторые связи этой деятельности с предшествовавшей ей работой в области церкви. Действительный результат церковно-преобразовательной деятельности Петра Великого состоял в разграничении права церковного от права государственного и сообщении административному и социальному строю церкви такого устройства, при котором она, развиваясь в гармоническом единении с государством, имела бы возможность стоять на высоте своего назначения и оказывать свойственными ей средствами свое влияние на прогрессивное развитие жизни государственной. В этом, по нашему мнению, и заключался весь смысл петровских церковных реформ, как бы ни была широка в своих частнейших подробностях программа этих реформ. К такой деятельности в сфере церковной преобразовательной прямо вызывался тем положением, какое занимала церковь в государстве в дореформенное время. Древнерусское допетровское правительство в своих заботах о преобразовании церкви по различным причинам не стремилось резко провести мысль, несомненно ясно сознаваемую им, более

или менее точного определения границ церковного права и ведомства, отделения его от права и ведомства государственного. Попытка открыто провести эту мысль в некоторых областях церковной жизни, например, в стародавнем вопросе о церковных имущественных, выразившаяся в учреждении царем Алексеем, так называемого монастырского приказа для управления этими имуществами, влекла за собой горячую распрю между церковным и гражданским правительством²³⁸. При Петре Великом вследствие особых обстоятельств государственной жизни, всесторонних государственных преобразований, путем которых происходила широкая разработка права государственного, больше чем когда-либо и притом с разных сторон ощущалась необходимость более или менее точного распределения границ церковного и государственного права. Широкие гражданские реформы Петра при том отношении, которое существовало в древней Руси между церковью и государством, прежде всего выдвигали на очередь вопрос о пределах права и ведомства церковного и государственного. Вслед за смертью последнего патриарха преобразования в области церковной и начались, как мы видели, с тех именно сторон церковной жизни, в которых интересы и права церкви перемешивались с интересами и правами государственными. Сказавшаяся в этих начальных преобразованиях в сфере церковной мысль правительства прямо направлялась к изолированию этой сферы и более точному определению ее границ. Последние ясно были намечены в указе Петра, назначавшем местоблюстителя патриаршества Яворского правителем церкви с предоставлением ему духовных дел церкви почти исключительно. Частнейшая разработка границ церковного права, непрерывно продолжавшаяся во весь двадцатилетний период патриаршего местоблюстительства митрополита Стефана, окончательно завершена была коренной реформой церкви, установившей новую форму церковного управления. Официальный акт этой реформы – Духовный регламент в ведомстве церковной администрации пытается оставить только тот круг дел, который принадлежит церкви по каноническим ее

определениям. Церковь, по определениям регламентом границе ее ведомства, окончательно теряет теперь тот полумирской характер как бы особого государства в государстве, с каким она выступала в допетровской Руси. Вполне признавая ее самостоятельность и даже в иных случаях возвышая эту самостоятельность, регламент в первый раз еще пытается вывести церковь из круга не церковных мирских забот и оставить ее на высоте ее действительного назначения. Так поступает он в тех пунктах, где очерчивается устройство, права и границы ведомства преобразованной им церковной администрации. Точно такое же направление как во всех прочих актах петровского времени, так и в регламенте выражается и в вопросе о преобразовании духовного сословия. Его права и обязанности в первый раз еще были определены с такою живой изобразительностью, какая проглядывает во всех актах петровского времени и особенно в регламенте. Общий громкий призыв к деятельности в свойственном круге дел, обращенный Петром в равной мере ко всем русским сословиям, коснулся теперь и духовенства. Если ты член государства, как бы так говорил великий преобразователь, организуя готовые каждую минуту распасться храмины древнерусских сословий и призывая их к деятельности, принадлежишь в нем к известному сословию и пользуешься его правами, то будь не мертвым, а живым и деятельным членом этого государства; дворянин – служи, пастырь церкви – руководи свою паству, наставляй и назидай ее, человек, отрекшийся от мира в целях душеспасения – молись, не пререкайся больше уже к тому, от чего раз на всегда отрекся...

Так определивши положение церкви, преобразователь организовал для управления церковными делами постоянный собор высших иерархических лиц церкви, которому и вручил на будущее время всю заботу о церкви, духовенство же русской церкви Петр вызывал своими реформами созидать христианскую жизнь народа и руководить ею в духе начал Евангелия.

Примечания

- 1 - Соч. Самарина, т. V, стр. 252.
- 2 - Соловьев, История России, т. XIV, стр. 277.
- 3 - Знаменский, Руков. к церк. истории, стр. 329–330.
- 4 - Соловьев, Ист. Рос. т. XV, стр. 117.
- 5 - Устрялов, История цар. Петра Вел. т. IV, стр. 536.
- 6 - Там же.
- 7 - Там же.
- 8 - П. С. З. т. IV, № 1910.
- 9 - Соловьев, т. XVI, стр. 2.
- 10 - Петровский, о Сенате при Петре, стр. 27.
- 11 - П. С. З. т. IV.
- 12 - П. С. З. 1766, 1859, 1191 и др. №.
- 13 - П. С. З. т. IV, 2116, 2184, 2185, т. V, 2721, 2982 и др.
- 14 - П. С. З. т. III, 1697, дек. 26, 1697 окт. 20, 31. Указы в Сибирь 1699 мая 13, дек. 9 и др.
- 15 - Соч. Самарина т. V, 257 стр.
- 16 - Соч. Каптерева «Светские архиерейск. чиновники», 201 стр.
- 17 - П. С. З. т. III, 1721, 1725, 1733 и 1663 №№.
- 18 - Примечание. Так, например, у Троицкого монастыря было взято в 697 г. «на ратных людей» 50 т. руб.; в том же году и для той же цели 20 т. руб.; в 98 г. – 20 т. руб., в 700 году для той же цели 30 тыс. руб. См. Истор. Солов. т. XVI, 348 стр.
- 19 - П. С. З. Т. 18, 1182 №.
- 20 - Монастырский приказ Горчакова приложения стр. 21, № 26.
- 21 - Чистович. Ф. Прок. и его время 59 стр.
- 22 - Описание документов Синод. Архива 22–11 №
- 23 - Чистович там же 391, а также 109 стр.
- 24 - Соловьев, т. XVI.
- 25 - Соч. Самарина, т. V, 279 стр.

- 26 - Соловьев т. XVI, 367 стр.
- 27 - Чистович Ф. Пр. стр. 58.
- 28 - Соловьев И. Р. т. XV, 119 стр.
- 29 - Там же 124 стр.
- 30 - Манифест об учреждении Д. Коллегии, приложенный к Д. Регл.
- 31 - Самар. V т., 243 стр.
- 32 - Соловьев И. Р. т. XVII, 216 стр.
- 33 - Соловьев. Публ. чт. о П. В. 84–85 стр.
- 34 - Соловьев И. Р., т. XV, 120 стр.
- 35 - Там же, 124 стр.
- 36 - Петровский о сенате при Петре, 319 стр.
- 37 - Соловьев, И. Р., т. XVI, стр. 24.
- 38 - Там же.
- 39 - Монастырский приказ Горчакова.
- 40 - П. С. З., 2329 №.
- 41 - П. С. З., 3264 №.
- 42 - Соловьев, И. Р., т. XVI.
- 43 - Там же, 352 стр.
- 44 - Петровский, о сенате при Петре, отдел о церк. деят. сената.
- 45 - Соловьев, И. Р., т. XVI.
- 46 - Соловьев, т. XVI.
- 47 - Там же, стр. 32.
- 48 - Там же.
- 49 - Соч. Морозова, Ф. Пр. как писатель.
- 50 - Соловьев, И. Р. т. XVI, стр. 23.
- 51 - Соловьев, Ист. Рос. т. XVI, стр. 353, 354.
- 52 - Труды Киевской Д. Акад. 1869 г. т. I, стр. 378.
- 53 - Соловьев, Ист. Рос. т. XVI, стр. 358.
- 54 - Градовский. Высшая админ. в XVIII в., стр. 63.
- 55 - «Русский Вестник», т. XXXII, стр. 376.

⁵⁶ - Соловьев, И. Р. т. XVI, стр. 186; П. С. З. №№ 2928, 2967, 3701.

⁵⁷ - Там же.

⁵⁸ - Ж. М. Н. П. 1875 г. июль, т. 180.

⁵⁹ - Пропов. Феофана Прокоповича ч. I и II.

⁶⁰ - Тоже.

⁶¹ - Т. Н. П. З. генеральный регламент т. VI.

⁶² - Москвитянин 1842 г. № 8, 338 стр.

⁶³ - Соч. Морозова Феоф. Прок., как писатель.

⁶⁴ - Примечание. Самим государем сделаны весьма немногие и незначительные поправки отдельных выражений регламента. Поправки эти указаны в сочинении Пекарского «Наука и Литература при Петре».

⁶⁵ - Бумаги и письма Петра Великого стр. 400.

⁶⁶ - Приписка в конце регламента духовного.

⁶⁷ - Труды киев. дух. акад. 1878 г., июль 162 стр.

⁶⁸ - Сочин. Пекарского, Н. и Л. в век Петра.

⁶⁹ - Ibidem.

⁷⁰ - Грамоты царя и патриархов помещены в П. С. З. т. VII, 4310 № и изданы отдельным изданием 1860 года.

⁷¹ - Полн. собр. соч. т. VI, стр. 323.

⁷² - Ibid. стр. 330–331.

⁷³ - Собр. соч. Невол. т. V, стр. 376.

⁷⁴ - Сочин. Каптерева светские архиер. чиновники.

⁷⁵ - Свет. арх. чин. Капт. стр. 214–215.

⁷⁶ - Петровский о Сенате при Петре, стр. 44 и др.

⁷⁷ - Истор. русской церкви Филарета, т. V, стр. 3.

⁷⁸ - Чистович Ф. Прок. стр. 88.

⁷⁹ - Ibid. стр. 93.

⁸⁰ - Опис. докум. и дел. арх. Св. Син. т. I, № 481; П. С. П. и Р. т. I, № 8.

⁸¹ - П. С. П. и Р. т. I, № 196, стр. 217.

⁸² - Там же.

⁸³ - П. С. З. № 3877.

- 84 - См. соч. Петровского о Сенате при Петре, гл. генер.-прок.
- 85 - Там же и соч. Градовского. Высшая админ. в XVIII в.
- 86 - П. С. З. т. IV, 2330 №.
- 87 - Там же 2331 №.
- 88 - См. О фискалах статью Барсова Ж. М. Н. П. февраль 1878 г. 180 стр. 310, 315.
- 89 - Там же 320–326.
- 90 - Там же.
- 91 - П. С. З. т. II, № 609.
- 92 - Там же № 705.
- 93 - П. С. З. т. VI, № 4036.
- 94 - Смот. Ж. М. Н. П. 78 г. июль, авг., ст. Барсова.
- 95 - Генер. регл.
- 96 - П. С. Пл. С. т. II, № 901, стр. 598.
- 97 - П. С. П. и Р. т. II, № 511 п. 1.
- 98 - Там же п. 2.
- 99 - Там же п. 4.
- 100 - Там же п. 7.
- 101 - Опис. док. и дел архива Св. Син., т. III, приложение стр. ССII.
- 102 - П. С. П. и Р. т. I, № 232.
- 103 - О док. и дел. син. арх. т. I, № 523.
- 104 - Там же.
- 105 - Там же т. 2, ч. 2, № 1032.
- 106 - 8 гл. генер. регл., приложенною к собор. уложению 1649, изд. 1776 г.
- 107 - П. С. П. и Р. т. II, № 443.
- 108 - Там же.
- 109 - Там же.
- 110 - Опис. документов и дел. архива Св. Син., т. I, № 402.
- 111 - Генеральный регламент гл. II.
- 112 - Там же.

- ¹¹³ - Генер. регл. гл. VI.
- ¹¹⁴ - Там же.
- ¹¹⁵ - Генер. регл. гл. VI.
- ¹¹⁶ - Ист. России Соловьева, т. XVI, 370–371 стр.
- ¹¹⁷ - Описание докум. и дел архива св. Синода, т. I, № 320, П. С. П. и Р., т. I, № 20.
- ¹¹⁸ - Неволина сочин., т. V,
- ¹¹⁹ - П. С. З., т. IV, № 1900.
- ¹²⁰ - Мрочек-Дроздовский, Областное управление в России в XVIII в., 62, 63 стр.
- ¹²¹ - Там же, 56 стр.
- ¹²² - Там же, 56 стр.
- ¹²³ - См. Мрочек-Дроздовский и Петровский о Сенате.
- ¹²⁴ - П. С. З. № 3337.
- ¹²⁵ - Дмитр. Суд. инст., стр. 236.
- ¹²⁶ - История России Соловьева, т. XV, стр. 126 и др.
- ¹²⁷ - Татищев. Ист. России, т. I, гл. 4, примеч. 24.
- ¹²⁸ - Ж. М. Н. П. 1880 г. февраль.
- ¹²⁹ - Наука и литер. при Петре Великом т. I, стр. 500.
- ¹³⁰ - Соловьев И. Р. т. XVI, стр.
- ¹³¹ - Отечеств. Записки п. № Два неизданные проекта Посошкова.
- ¹³² - Пекарский П и Л т. I, стр. 500–501.
- ¹³³ - Об этих книгах см. у Пекарского т. 1 и 2. Н. и Л.
- ¹³⁴ - П. С. З., 3963 №.
- ¹³⁵ - Горчаков, О земельных влад., 313–314 стр.
- ¹³⁶ - Историко-статистич. сведения с.-петербургской епархии, вып. I, стр. 97, 114, 158 и др.
- ¹³⁷ - Спб. 721 г. Об обоих этих сочин. см. у Пекарского Н. и Л., II, 502 и 519 стр.
- ¹³⁸ - Там же.
- ¹³⁹ - «Русский Вестник» т. XLXI, гл. VI, стр. 382.
- ¹⁴⁰ - Церк. Ист. Филарета, синод. период.

- ¹⁴¹ - П. С. П. и Р. IV, 1341 п. б., П. С. П. и Р. I, 321 и 8, 9, 10, 12, 13, 14 пор.
- ¹⁴² - Пекарский, «Наука и Литература», стр. 522–523.
- ¹⁴³ - Правосл. Собес., 1863 г., ч. III, стр. 46.
- ¹⁴⁴ - П. С. З. т. V № 1324, т. IV и др.
- ¹⁴⁵ - Истор. Двор. Сослов., Яблочкова, стр. 350.
- ¹⁴⁶ - Уложение гл. XI.
- ¹⁴⁷ - Уложен. 2 гл. 17 ст.
- ¹⁴⁸ - Уложен. XVII, 27, 29; X, 101, 38; XVIII; XVII, 23.
- ¹⁴⁹ - Дитятин. Устройство и управл. городов в России. Стр. 125–140.
- ¹⁵⁰ - Дитятин. Устройство и управление городов в России, стр. 148.
- ¹⁵¹ - П. С. З. № 1674; Дитятин. Устройство и управление городов в России, стр. 165.
- ¹⁵² - Дитятин. Устройство и управление городов в России, стр. 165.
- ¹⁵³ - Д. к а. и. т. V, стр. 490.
- ¹⁵⁴ - Акт. Археолог. Экспед. т. I, № 229.
- ¹⁵⁵ - Дополн. к а. и. т. V, стр. 102.
- ¹⁵⁶ - Любимов Обзор. способ. содерж. духов. стр. 116.
- ¹⁵⁷ - Улож. гл. XIX, ст. 3.
- ¹⁵⁸ - Прав. Собес. 1863 г. ч. III, стр. 62.
- ¹⁵⁹ - П. С. З. т. VI, № 3481.
- ¹⁶⁰ - П. С. З. т. IV, № 2354.
- ¹⁶¹ - Правосл. Собес. 1863 г. ч. III, стр. 55.
- ¹⁶² - Истор. стат. обзор. Харьк. епар., стр. 7.
- ¹⁶³ - Солов. Ист. Рос. XVI, стр. 349.
- ¹⁶⁴ - Солов. Ист. Рос. XVI, стр. 351.
- ¹⁶⁵ - Там же.
- ¹⁶⁶ - Прав. Собес. 1863 г. стр. 65.
- ¹⁶⁷ - Там же.
- ¹⁶⁸ - Жизнь Плат. ч I, стр. 46. И. Зн. Пол. д. в ц. Ек. и П.

- 169 - Знам. Прих. духов. стр. 94–95.
- 170 - Регл. о мир. особ. п. 8–9. О свящ. п. 19, 23, 24.
- 171 - П. С. З. т. VI, № 4072.
- 172 - Положение духовенства в царств. Ек. и Павла Ив. Зн. гл. 11.
- 173 - А. И. т. V, № 122.
- 174 - П. С. З. т. IV, 2194, т. V. 2070, 2263, т. IV 2142, 2154, 2166, 2372, т. V 2487 и др.
- 175 - П. С. З., т. VI, 4009, п. 24.
- 176 - Кот., 118.
- 177 - Т. VI, 3991.
- 178 - Пр. Соб., стр. 58–59.
- 179 - Т. V, 2789, п. 15
- 180 - Т. VII, 4455.
- 181 - Прав. Соб. там же стр. 40.
- 182 - И. Сол. т. XV стр. 126.
- 183 - Пр. Соб. ч. III, 1863 г., стр. 129–130.
- 184 - Прав. Соб. 1868 г., ч. 2, стр. 72–73.
- 185 - Пр. Д. Зн. стр. 93.
- 186 - Ист. Сол. т. XV.
- 187 - Рук. к церк. ист. Зн. стр. 333.
- 188 - Есипов Расколын. дела XVIII, стр. 11.
- 189 - Там же, стр. 14.
- 190 - Есипов Раскол. дела XVIII ст. стр. 38 и др.
- 191 - П. С. З. 1674, 2220 №№.
- 192 - Твор. Св. Отц. 1863 г., т. II, стр. 172.
- 193 - Солов. т. XV, стр. 97.
- 194 - Устр. т. IV.
- 195 - Устр. т. III, прилож. 7, 45 стр.
- 196 - Знамен. рук. к ц. и., 376 стр.
- 197 - П. С. З. 1870 №.
- 198 - Солов. И. Р. т. XV, 123 стр.
- 199 - Влад.-Будан. Госуд. и нар. образ. в XVIII в., 294 стр.

- 200 - П. С. З. т. V 2186 №.
- 201 - Там же 3171, 3175 №.
- 202 - П. С. З. 3182 №.
- 203 - Там же т. IV 2352 п. 8–9.
- 204 - П. С. З. т. VI № 4126, т. VII 4826.
- 205 - Сочин. Мороз. Ф. Прок. как писат.
- 206 - Там же.
- 207 - Чистович 212 стр.
- 208 - Вл.-Буд. Госуд. ин. обр. XVIII в. 170 стр.
- 209 - Ibidem.
- 210 - Соч. т. V, 392 стр.
- 211 - Ж. М. Н. П. 80 г. март 82 стр.
- 212 - Ж. М. Н. П. март 80 г. 119 стр., соч. Морозова.
- 213 - Солов. XVI т. 354 стр.
- 214 - Ритор. руки стр. 80, соч. Мороз. Ж. М. Н. Пр. март.
- 215 - Ж. М. Н. Пр. март, стр. 18, июнь, стр. 87.
- 216 - Влад. Буданов.
- 217 - Ифика иерополитика, составленная в 712 г. в Киеве к наставлению о пользе юных и издаваемая потом два раза в Петербурге в 718–21 гг.
- 218 - П. С. З. т. VII, № 4450.
- 219 - Сочин. Самар. V т., стр. 244.
- 220 - Ibid.
- 221 - П. С. З. т. IV, стр. 207.
- 222 - Щапов, Раск. старообр., стр. 207.
- 223 - История р. церкви, Филарет, ч. III, стр. 164.
- 224 - П. С. З. т. III, № 1627.
- 225 - Соч. Самар. т. V, 318–319 стр.
- 226 - Взгляд Феофана Прокоповича на монашество более резко и определенно выражен в некоторых его проповедях и особенно в «объявлении когда и какой ради вины начался чин монашеский и каковой был образ жития монахов древних и како нынешних исправить, хотя по несколько древних монахов

подобию надлежит». Это «объявление» напечатано в сочинении Чистовича «Ф. Пр. и его время», стр. 709–718.

227 - А. Эксп. т. V, № 75, ст. 8.

228 - П. С. З. № 2179.

229 - Мон. приказ Горч., стр. 171.

230 - Уложение 17 гл., п. 42, 43, 44.

231 - Акт. Эксп. т. IV, № 328.

232 - Там же, № 116.

233 - Соловьев, Ист. Р., т. XVI, 21 стр.

234 - Там же.

235 - П. С. З. VII т. № 4450.

236 - Чистович Ф. Пр. 139–140.

237 - Чистович Ф. Прок. и его время, стр. 69.

238 - Как известно, учреждение монастырского приказа было одной из причин распри между царем Алексеем и патриархом Никоном. Впоследствии, в период открытой вражды с царем, Никон весьма не сочувственно относился к этому учреждению и считал его противозаконным; а вместе с ним не сочувствовало приказу и прочее духовенство.